

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2013

№ 3 (116)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2013

№ 3 (116)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
В. М. Амиров
- Ответственный секретарь
Л. А. Хухарева
- Члены редколлегии
- Б. Н. Лозовский**
- М. М. Ковалева**
- В. Ф. Олешко**
- И. В. Зиновьев**
- Э. В. Чепкина**
- Л. Л. Рыбцова**
- А. П. Чудинов**
- Т. А. Галеева**
- Т. Ю. Быстрова**
- И. Б. Бритвина**
- Ю. Р. Вишневский**
- В. В. Запарий**

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Амиров В. М., Белоусов А. А.* Деловая журналистика: социальный компонент в бизнес-публикации 5
- Булатова Э. В.* Практика выделения ключевых знаков журналистского текста 10
- Венидиктов С. В.* Отражение функционирования правовой сферы в телерадиоэфире Республики Беларусь 17
- Ларионова А. Ю.* Неформальная коммуникация: о терминологической вариативности и особенностях явления 24
- Олтаржевский Д. О.* Социальная роль корпоративных медиа 34
- Рева Е. К.* Основные принципы взаимодействия этнологии, культурологии и журналистики: теоретический аспект 42
- Тихомиров В. А.* Трансформация функций журналистики и СМИ в условиях формирования гражданского общества 49
- Международная научно-практическая конференция «СМИ в условиях информационной глобализации» (*Д. Л. Стровский, О. В. Ильина*) 56

ПЕДАГОГИКА. ОБРАЗОВАНИЕ

- Запарий В. В., Бармин А. В.* Об опыте преподавания истории науки и техники в современном вузе 63
- Корнеева Л. И., Швецова С. В.* Традиционное и новое в методике формирования грамматической компетенции студентов-лингвистов 71
- Маторина О. П., Соколова О. А.* Кейс-стади как эффективный метод формирования социальной компетентности студентов вузов культуры и искусств 76

СОЦИОЛОГИЯ

- Зборовский Г. Е.* Почитай старое, обретаешь новое, или Нужна ли социологии история его науки 84

- Ольховиков К. М., Ольховикова С. В.* Актуальная динамика российской культуры в зеркале нравов и мифов... 90
- Шуклина Е. А.* Среднее профессиональное образование в сфере культуры: проблемы качества образовательных услуг 97
- Заборова Е. Н., Озерова М. В.* Образовательные стратегии: подходы к определению понятия и традиции исследования 105
- Багирова А. П.* Мотивация родительского труда: опыт социологического осмысления 113

ПСИХОЛОГИЯ

- Бачина К. С., Ершова И. А.* Исследование удовлетворенности браком и ценностных ориентаций у супругов со стажем брака до 5 лет 120

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Гольнец Г. В.* Профессиональное, самостоятельное и наивное искусство: о границах 129
- Быстрова Т. Ю.* Трактовка разума в «Книге Перемен» 133
- Пучков М. В.* Глобализация и идентичность в архитектуре современных городов 140
- Симбирцева Н. А.* Экранизация как визуализированный текст: к постановке проблемы 148

ЛЮДИ НАУКИ

- Антошин А. В., Антошин В. А.* Советский ученый в эмиграции: Георгий Гамов — профессор Университета Колорадо (США) 155

ЮБИЛЕИ

- Портрет Л. М. Майдановой: неуместные штрихи (*Е. В. Кабуков*) 163
- Л. М. Майданова: человек, умеющий вдохновлять (*Э. В. Чепкина*) 170
- Summary 175

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 070.15 + 331.101.3:174 + 316.454.5

В. М. Амиров
А. А. Белоусов

ДЕЛОВАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В БИЗНЕС-ПУБЛИКАЦИИ

Рассматривается проблематика развития в России деловой журналистики как особого направления журналистики и выделяется социальный компонент бизнес-СМИ.

Ключевые слова: бизнес, деловая журналистика, пресса, издание, журнал, газета.

Вопреки распространенному мнению о том, что деловая журналистика обслуживает интересы очень узкой прослойки населения — бизнесменов и политиков, на самом деле функции бизнес-прессы гораздо шире и имеют социальные корни. В этом утверждении нет никакого противоречия: от успешной работы бизнес-журналистов, от их аналитически точных оценок состояния экономики и перспектив ее развития на различных глобальных уровнях и в нишевых сегментах зависит адекватность принятия соответствующих управленческих и регуляторных решений, что, так или иначе, сказывается на положении каждого гражданина, поскольку вне экономики может позволить себе существовать разве что живущий натуральным хозяйством.

«Сегодня деловая журналистика — один из наиболее динамично развивающихся сегментов системы средств массовой информации России. Непрерывно увеличивается количество медиа, работающих с информацией делового характера, влияние бизнес-СМИ на протекающие в обществе и экономике процессы,

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

БЕЛОУСОВ Алексей Александрович — заведующий отделом рынков журнала «Эксперт-Урал» (e-mail: belousov90@gmail.com).

© Амиров В. М., Белоусов А. А., 2013

повышается внимание общества, бизнеса и журналистского сообщества к вопросам развития деловых массмедиа», — пишет М. В. Блинова [1], и с этим, безусловно, можно согласиться. Но, отмечая важность развития деловой журналистики для прогресса экономики, не нужно забывать о ее более широком, социальном значении.

Ориентируясь на «социальности» деловой журналистики, мы можем сформулировать ее стратегические задачи: обеспечение позитивного и системного развития экономики всех уровней — от мирового до регионального и городского, способствование получению потребителями качественной, адекватной экономической действительности информации и достижению благосостояния общества в целом и каждого его члена в частности.

Интерес к этому виду журналистики обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, желанием деловых и политических кругов быть в курсе макроэкономических событий и основных рыночных трендов. Во-вторых, возможностью абсолютно законно получать сведения о деятельности конкурентов и, таким образом, принимать опережающие управленческие решения. И, в-третьих, привлечением общества к обсуждению значимой социально-экономической информации. Информирование широкой общественности об экономической сути принимаемых решений помогает обеспечению макроэкономической и политической стабильности. И здесь мы опять логично выходим к социальным аспектам работы деловых СМИ.

Нужно отметить, что у исследователей, несмотря на достаточно высокую степень изученности проблемы, нет полного единства в вопросе, что следует понимать под «деловой прессой». Не все из авторов, анализирующих проблематику бизнес-СМИ, усматривают наличие у деловой журналистики социальной функции. К примеру, В. Сергачев определяет деловую прессу как «тип СМИ, призванный в первую очередь обеспечивать информационные потребности предпринимательства посредством публикации тех или иных материалов (статистических, рекламно-информационных, законодательных и пр.)» [13, 57].

В. Гуревич в составе деловой прессы выделяет «деловые издания и издания для деловых людей». При этом первые, как полагает исследователь, дают только деловую информацию, т. е. новости и комментарии из сферы экономики, а вторые обеспечивают людей бизнеса как деловой, так и другой полезной информацией [3]. С ним, в принципе, согласна Л. Рогожина, которая, исходя из конкретного целевого и читательского назначения деловых изданий, предлагает такое определение: «Деловое издание — это издание, предназначенное для деловых людей и содержащее актуальную информацию, необходимую для развития бизнеса и формирования положительного образа деловой сферы» [11].

Под деловой журналистикой в глобальном смысле понимается вид профессиональной деятельности, включающий отслеживание, сбор и анализ информации, имеющей отношение к финансам и бизнесу, что дает возможность представителям властей и деловых кругов обсуждать насущные вопросы на площадке СМИ [13, 3].

Примерно в таком же ключе рассуждает А. А. Санаев: «Деловое издание живет новостями бизнеса. Оно размещает новости обо всех крупных сделках на

рынке (обычно следует фраза “стоимость сделки стороны не раскрывают, однако источник, близкий к руководству компании, сообщил...”), обо всех слияниях и поглощениях, о жизни акул бизнеса и их взаимоотношениях с государственными органами» [12]. Однако при этом неверно полагать, что публикации в таких СМИ ограничены исключительно предпринимательской или финансовой тематикой.

Почти во всех изданиях есть общественные, политические и культурные блоки. В поле зрения присутствуют образование, здравоохранение, экология и т. д. Деловая журналистика — это далеко не всегда специализированная информация, но всегда особый, «экономический» взгляд на любую проблематику, даже если она кажется весьма далекой от экономики. В этом смысле выглядит довольно точной мысль Ю. В. Чемякина: «...в деловой периодике освещаются и политические события, и новости из сферы культуры, однако, подаются они с прагматической точки зрения, в контексте того, как могут повлиять на развитие экономики, на инвестиционный климат, состояние рынков. Особенности аудитории диктуют требования к информации. Деловых людей, график которых весьма плотен, интересуют не слухи шоу-бизнеса, а события, влияющие на развитие бизнеса, объективный анализ социально-политических проблем» [14, 26].

Аналогичного мнения придерживаются авторы нового российского учебника «Деловая журналистика». По их мнению, термин «деловая журналистика» действительно представляется расплывчатым: «Ни в российской, ни в зарубежной науке нет единого подхода к его определению. Отчасти причина кроется в том, что круг тем, который интересен деловым СМИ, вовсе не ограничивается финансами либо экономикой, хотя, безусловно, рассматриваются они корреспондентами с “деловой” точки зрения. Можно ли, например, считать деловой информацией сводку погоды о надвигающемся на восточный берег США урагане? С одной стороны, конечно, нет, а с другой — ураган, обрушившийся на нефтяные платформы Мексиканского залива, остановит добычу нефти, уменьшит ее поступление на рынки и в результате поднимет цену» [4, 28]. Авторы выделяют социальную функцию деловой журналистики, которая состоит в «обеспечении бизнес-коммуникаций. Иначе говоря, чтобы обеспечивать удовлетворение информационных потребностей делового сообщества и быть инструментом общественного дискурса в сфере общественного производства и управления» [Там же, 17].

Д. Мурзин указывает на то, что деловая информация шире политэкономической, экономической или собственно бизнес-информации: «...в самом общем виде деловая пресса оперирует любой информацией, способной оказать влияние на поведение агентов рынка или отражающей его» [цит. по: 15, 106], и А. Грабельников фиксирует в одной из своих работ схожее определение функций деловой журналистики — «формирование информационной инфраструктуры, обеспечивающей потребности предпринимателей, пропаганда идей и принципов рыночной экономики, распространение законодательной и нормативной информации, создание положительного имиджа отечественного бизнесмена, широкой информирование читателя о мире бизнеса» [2, 79]. А. Еременко

в диссертационной работе «Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий» [5, 34] предложил свою классификацию функций деловой журналистики, где нашлось место и социальным аспектам, например, «формированию положительного образа предпринимательства в сознании массовой аудитории».

Все это дает нам возможность представить собственное определение термина «деловая пресса», включающее «социальный» компонент. *Деловая пресса — это одно из ключевых направлений качественной журналистики, объединяющее в себе периодические издания, радио-, телевизионные программы и интернет-СМИ, предназначенные не только для бизнесменов, но и для людей, которые могут быть вовлечены в бизнес-процессы.*

Попробуем подтвердить это определение небольшим анализом публикаций журнала «Эксперт-Урал», одного из самых авторитетных деловых СМИ Уральского федерального округа. Как показало исследование социального статуса аудитории журнала [7], проведенное компанией TNS Gallup Media, ее основу составляют руководители — на них приходится 36,6 %. Кроме них читателями издания являются специалисты (17 %), рабочие (12,4 %), служащие (9,7 %), студенты (6,4 %), пенсионеры (6 %), безработные (4,1 %) и даже домохозяйки (2,9 %). То есть читатели, которых нельзя отнести к социальной группе предпринимателей, находят в журнале для себя много интересного. И это интересное связано с социальными аспектами материалов журналистов издания.

Так, аналитическая корреспонденция А. Коваленко «Чусовые Родины» [9] рассказывает о проблеме развития новых производств в г. Чусовом Пермского края. Тема сугубо производственная. Однако прочитав материал внимательно: «Здесь принято говорить: “Мы с левого берега”. Или: “Я работаю на правом берегу”. Как в Париже. Только в столице Франции направо живет буржуазия, а налево — богема»; «исправно по расписанию ходят автобусы, в народе именуемые “скотовозами”»; «Близ города три зоны, часть бывших заключенных оседает в Чусовом»; «можно прямо из крана, любые анализы покажут, что вода чистая»; «безработных больше тысячи», — все эти примеры подтверждают, что тема экономического развития Чусового и участия города в федеральной целевой программе, которая позволит уйти от статуса моногорода, тесно увязывается с социальной темой. В качестве констатирующего тезиса приводится мнение одного из жителей: «Черт его знает, как все получится. Но мы же одни из первых, а первым везет, может, на нас и больше потратят, мы же вроде как образчиком должны стать».

Рассмотрим другой материал «Эксперта» — корреспонденцию С. Ермака «Поднимите мне веки» [6]. В ней идет речь о рынке загородной недвижимости Урала. Публикация дает глубокий и системный финансово-экономический анализ тенденций развития этого непростого сегмента. Однако наряду с аналитическими выкладками в материале присутствует и социальная составляющая: «единицы проектов предусматривают строительство школы или детского сада, спортивно-оздоровительных или культурных учреждений»; «несколько заброшенных баз отдыха и пионерлагерей» и т. д. То есть даже самая «деловая»

публикация, где речь идет о бизнес-процессах, в конечном счете отражает социальную проблематику.

В качестве доказательства приведем еще одну аналитическую корреспонденцию журнала «Эксперт-Урал» — материал А. Коваленко «Вымирающий вид» [8], который посвящен проблеме детства в современном мегаполисе. «Мегаполисы убивают детей: они растут больными и несамостоятельными»; «В нынешнем мире ребенком быть нелегко»; «работающая мама уделяет сыну или дочери всего семь минут в сутки» — эти цитаты говорят о явной социальной направленности материала, опубликованного в деловом журнале.

Несомненно, и социальным, и «деловым» является материал Л. Колбиной «Удар по печени» [10], в котором речь идет о новейших биомедицинских технологиях, разрабатываемых на Урале. В статье подробно и системно анализируются бизнес-перспективы исследований, осуществляемых в российских лабораториях, однако ее идеологическую основу составляет социальная проблематика: «Наша мечта — создать в итоге специальные центры для лечения десятков тысяч больных»; «Ежегодно в России у 25–30 тыс. пациентов с печеночной недостаточностью в 80–90 % случаев наступает летальный исход».

Таким образом, мы можем констатировать тесную связь деловой журналистики с социальной проблематикой, которая присутствует практически в каждой публикации СМИ, ориентированной на бизнес-среду. Более того, можно говорить о том, что социальный компонент является обязательным для любого успешного бизнес-СМИ.

1. Блинова М. В. Рынок деловых СМИ как фактор модернизации современной России [Электронный ресурс] // Медиаскоп : электрон. журн. фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://mediascope.ru/node/480> (дата обращения: 11.03.2013).

2. Грабельников А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. М., 2001.

3. Гуревич В. Делать сугубо деловое издание сегодня очень рискованно [Электронный ресурс]. URL: www.nqk.ru/biblio/delov-pressa/l-qrevish/html (дата обращения: 16.01.2013).

4. Деловая журналистика / А. Афанасьева, М. Блинова, Д. Борисяк и др. ; отв. ред. А. В. Вырковский. М., 2012.

5. Еременко А. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.

6. Ермак С. Поднимите мне веки // Эксперт-Урал. 2012. № 49(537).

7. Исследование аудитории печатных изданий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tns-global.ru/rus/projects/media/asmi/press/description/> (дата обращения: 8.05.2012).

8. Коваленко А. Вымирающий вид // Эксперт-Урал. 2013. № 13 (550).

9. Коваленко А. Чусовые Родины // Там же. 2012. № 5(407).

10. Колбина Л. Удар по печени // Там же. 2013. № 11 (548).

11. Рогожина Л. Д. Региональные деловые издания: проблематика определения и классификации [Электронный ресурс]. URL: http://www.acis.vis.ru/9/1_8/rogogina.htm (дата обращения: 15.01.2013).

12. Санаев А. А. Деловые СМИ: между бизнесом и пиаром [Электронный ресурс]. URL: http://www.elitarium.ru/2005/12/09/delovye_smi_mezhdu_biznesom_i_pirom.html (дата обращения: 11.03.2013).

13. Сергачев В. А. Деловая пресса региона: состояние и перспективы развития : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

14. *Чемякин Ю.* Соотношение понятий «деловая пресса» и «корпоративная пресса» // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры; вып. 24. 2008. № 60. С. 126–132.

15. *Шкондина М., Реснянская Л.* Типология периодической печати. М., 2009.

Статья поступила в редакцию 25.04.2013 г.

УДК 070.1:808.2 + 811.161.1'373.4

Э. В. Булатова

ПРАКТИКА ВЫДЕЛЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЗНАКОВ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

В статье дано определение понятия «ключевые знаки текста», предложена их классификация. Представлен комплексный практический анализ журналистского материала, включающий выделение ключевых знаков с опорой на экспериментальные психолингвистические методики, компьютерный количественный метод определения частоты слов в тексте, а также содержательный способ обнаружения ключевых знаков в основных элементах смысловой структуры текста. Определен характер связи ключевых и частотных слов текста.

Ключевые слова: ключевые знаки, ключевые слова, ключевые смыслы, частотные слова, смысловая структура текста.

Ключевые знаки (далее — КЗ) текста — двусторонние материально-идеальные единицы разной семиотической природы, репрезентирующие ключевые смыслы текста. Ключевой смысл, в свою очередь, понимается нами как значимый компонент основного содержания текста. Тексты электронных СМИ могут содержать вербальные (ключевые слова и ключевые фразы), визуальные (ключевые изображения) и аудиальные (ключевые фрагменты аудиоряда) ключевые знаки.

Для вычленения КЗ в отдельном тексте может быть использован комплекс методик: экспериментальные психолингвистические методики, компьютерный количественный метод определения частоты слов в тексте, формально-содержательный способ обнаружения КЗ по сильным позициям текста, а также содержательный метод обнаружения КЗ, предполагающий опору на основные элементы смысловой структуры текста.

Практику выделения КЗ в журналистском тексте покажем на примере анализа статьи С. Новопрудского «Стена от плача», опубликованной в газете «Известия» в 2004 г. (Сохранены авторские шрифтовые выделения.)

БУЛАТОВА Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

© Булатова Э. В., 2013

Стена от плача

Время действия — начало XXI века. Место действия — город Гаага, расположенный в Нидерландах, едва ли не самой свободной стране мира, где разрешены однополые браки, эвтаназия и легкие наркотики. Сама история могла бы происходить сто, двести, две тысячи лет назад. В Гааге в начале XXI века по просьбе ООН Международный трибунал на полном серьезе судит... стену, которую Израиль хочет возвести, чтобы отгородиться от палестинских террористов.

Происходящее возле здания суда — трагедия и фарс одновременно. Сторонники стены пригнали за тридевять земель из Иерусалима остов взорванного террористом-смертником автобуса и раздают всем желающим «как бы билеты» на этот «как бы автобус». Противники выступают с хлестким, как им кажется, лозунгом: «Стена — тюрьма для палестинцев и гетто для израильтян». **Но ни сторонники стены, ни ее противники, ни главный борец с международным терроризмом Джордж Буш, ни руководство Организации Объединенных Наций, заказавшее этот нелепейший судебный процесс, ни сам Господь Бог не знают, поможет ли новая стена избавить мир раз и навсегда от тех, кто взрывает себя и вместе с собой — десятки, сотни или тысячи невинных людей. Хотя нет, знают — не поможет.**

Человечество не меняется. Люди не в состоянии ужиться друг с другом. А потому планомерно, век за веком убивают друг друга. И строят стены — чтобы отгородиться друг от друга, точнее — враг от врага. Израиль научился убивать именно тех людей, которые непосредственно организуют теракты, и взрывать именно их дома, в совершенстве овладев искусством зрячей, точечной мести. Но одних смертников заменяют другие — этим людям незачем жить на земле, ибо они слепы и свято верят, что, уничтожив людей другой веры и другой нации, обретут вечное загробное блаженство.

Религия и политика остаются дымовой завесой, дешевым, лживым, но надежным прикрытием обыкновенного варварства, безумной жажды уничтожения ближнего. Именем Аллаха обыкновенные тупые убийцы становятся борцами за веру. Политическая риторика возводит этих тупых убийц в ранг участников национально-освободительного движения, борцов за «родную землю».

Человечество никогда в этом не признается, но главная наша трагедия — отсутствие общечеловеческих ценностей. Их не было и нет. Например, до сих пор не является такой ценностью 1 (одна) человеческая жизнь. Интересы партии, секты, страны все время оказываются «выше» жизни, важнее ее. Стена — древний и достаточно наивный способ защиты от терроризма в ситуации, когда террористом может оказаться почти каждый «мирный гражданин». Но эта стена — всего лишь ответ на ту, другую, более прочную и древнюю стену ненависти. Ту, которая выстраивалась веками религиозных и национальных распрей между арабами и евреями. Эта вражда между двумя древними семитскими народами, начавшаяся задолго до возникновения ислама, потом, после появления самой молодой мировой религии, получила дополнительный идеологический допинг.

Проблема в том, что люди, населяющие Землю, — не единоверцы и не единомышленники. И никогда не станут таковыми. Ни религиозные проповеди (каждая религия на словах призывает к миру, а на деле как минимум смиряется с террором, а как максимум — даже поощряет его), ни заградительные стены сами по себе не помогут вырваться из этого заколдованного кровавого круга. Хотя и стены, и проповеди по своему важны — как некие действия, как попытки действий. **Выход — формирование всеми доступными человечеству способами коммуникаций хотя бы минимального набора общечеловеческих ценностей.**

Мы молились, молимся и будем молиться разным богам. Едва ли на Земле возможен и один-единственный государственный строй. **Но, не прекращая силовых акций противодействия терроризму, мы должны попытаться договориться хотя бы о том, что нет ничего важнее человеческой жизни. Хотя бы об этой единственной общечеловеческой ценности...**

Палестинцам не нравится заградительная стена, потому что они работают в Израиле? Значит, палестинцы должны убедить свое руководство разгромить действующие террористические организации. Заставить своих детей раз и навсегда отказаться от развлечения в виде забрасывания камнями израильских солдат. Или — если это невозможно — жить за стеной, работая на своей земле. Возможно, работа на своей земле повысит ценность собственной жизни в глазах потенциальных террористов. А заодно — ценность других человеческих жизней, которые эти будущие террористы готовы загубить.

Увы, пока все это — прекрасные мечты. **Пока мы строим стены и судим стены. Вместо того чтобы судить себя и прекратить карать других.**

Текст некреолизованный, следовательно, в нем могут быть выделены только вербальные КЗ. С целью их определения в первую очередь построим смысловую структуру текста, демонстрирующую причинно-следственные связи тезисов и позволяющую вычленивать доминантные и второстепенные КЗ.

Фон: информация из первых двух абзацев о том, что в Гааге ООН судит стену.

ГМ (главная мысль): **Стена не поможет избавить мир** от терроризма.

Кт 1 (констатирующий тезис): человечество не меняется. Люди не в состоянии ужиться друг с другом.

Рт 1 (развивающий тезис) к Кт 1: поэтому убивают друг друга и строят стены, чтобы отгородиться друг от друга, точнее — враг от врага.

Иллюстрация к Рт 1: Израиль овладел искусством зрячей, точечной мести.

Рт 2 к Рт 1: но одних смертников заменяют другие.

Рт 3 к Рт 2: так как этим людям незачем жить на земле, ибо они слепо и свято верят, что, уничтожив людей другой веры и другой нации, обретут вечное загробное блаженство.

Кт 2: религия и политика остаются дымовой завесой, дешевым, лживым, но надежным прикрытием обыкновенного варварства, безумной жажды уничтожения ближнего.

Рт к Кт 2: именем Аллаха обыкновенные тупые убийцы становятся борцами за веру. Политическая риторика возводит этих тупых убийц в ранг участников национально-освободительного движения, борцов за «родную землю».

Кт 3: **человечество никогда в этом не признается, но главная наша трагедия — отсутствие общечеловеческих ценностей.** Их не было и нет.

Рт 1 к Кт 3: до сих пор не является такой ценностью 1 (одна) человеческая жизнь.

Рт 2 к Рт 1: не является ценностью, так как интересы партии, секты, страны все время оказываются «выше» жизни, важнее ее.

Кт 4: стена не поможет, так как она древний и достаточно наивный способ защиты от терроризма в ситуации, когда террористом может оказаться почти каждый «мирный гражданин».

Рт 1 к Кт 4: эта стена — всего лишь ответ на другую, более прочную и древнюю стену ненависти, которая выстраивалась веками религиозных и национальных распрей между арабами и евреями.

Рт 2 к Рт 1: после появления самой молодой мировой религии эта вражда получила дополнительный идеологический допинг.

Кт 5: люди, населяющие Землю, — не единоверцы и не единомышленники. И никогда не станут таковыми.

Рт 1 к Кт 5: ни религиозные проповеди (каждая религия на словах призывает к миру, а на деле как минимум смиряется с террором, а как максимум — даже поощряет его), ни заградительные стены сами по себе не помогут вырваться из этого заколдованного кровавого круга.

Рт 2 к Рт 1: не помогут, хотя и стены, и проповеди по-своему важны — как некие действия, как попытки действий.

Рт 3 к Рт 1: не помогут, следовательно, единственный **выход — формирование всеми доступными человечеству способами коммуникаций хотя бы минимального набора общечеловеческих ценностей.**

Рт 4 к Кт 5: мы молились, молимся и будем молиться разным богам. Едва ли на Земле возможен и один-единственный государственный строй.

Рт 5 к Рт 4: но, **не прекращая силовых акций противодействия терроризму, мы должны попытаться договориться о том, что нет ничего важнее человеческой жизни. Хотя бы об этой единственной общечеловеческой ценности.**

Иллюстрация к Рт 5: действия палестинцев, которые позволят им осознать ценность человеческой жизни (предпоследний абзац).

АОС (аналитическая оценка ситуации, вывод): увы, пока все это — прекрасные мечты. **Пока мы строим стены и судим стены. Вместо того чтобы судить себя и прекратить карать других.**

К доминантным КЗ текста мы можем отнести ключевые фразы, образующие ГМ и АОС, поскольку 1) это сильные позиции текста (начало, конец), выделенные, кроме того, автором с помощью полужирного шрифта; 2) по отношению к ГМ определяется характер всех остальных элементов смысловой структуры и, следовательно, «вес» ключевых знаков, входящих в их состав. К второстепенным КЗ мы можем отнести ключевые фразы, образующие КТ смысловой структуры. На базе доминантных и второстепенных ключевых фраз могут быть выделены доминантные и второстепенные ключевые слова.

Ключевым словом «с максимальным весом» (по терминологии В. А. Лукина [1]) по результатам анализа смысловой структуры является слово «стена», поскольку оно образует сильную позицию текста (заголовок), является темой (предметом мысли автора) — компонентом ГМ. Кроме того, данное слово — самое частотное в тексте.

Приведем результаты компьютерного анализа частоты слов. Количество слов в тексте — 627. Наиболее частотные слова (Тор-20) приведены в табл. 1.

Мы видим, что тема текста («стена»), отраженная в заглавии — сильной позиции текста, является самым частотным словом. Наименование проблемы («терроризм»), лежащей в основе конфликта, и предикат «не поможет» (заметим, что программа не учитывает служебные слова) — компоненты главной мысли — также включены в двадцатку наиболее частотных слов. Частотное слово «судить» содержится в аналитической оценке ситуации (в выводе — сильной позиции текста). Все констатирующие (5) и некоторые развивающие тезисы (3 из 14) также содержат частотные слова («земля», «друг с другом», «ценность», «религия», «терроризм», «человечество», «общечеловеческий», «человек (люди)»).

Таблица 1

№	Слово	Количество повторений в тексте	Доля в тексте, % от общего числа слов
1	Стена	15	2,3
2	Земля	7	1,1
3	Друг (друг друга)	6	0,9
4	Человек	6	0,9
5	Ценность	6	0,9
6	Жизнь	5	0,7
7	Век	5	0,7
8	Террорист	4	0,6
9	Действие	4	0,6
10	Судить	3	0,4
11	Человеческий	3	0,4
12	Израиль	3	0,4
13	Религия	3	0,4
14	Молиться	3	0,4
15	Человечество	3	0,4
16	Терроризм	3	0,4
17	Палестинец	3	0,4
18	Борец	3	0,4
19	Общечеловеческий	3	0,4
20	Помочь	3	0,4

Примечание. Данные получены с помощью программы на сайте istio.com.

Таким образом, частотные слова текста сосредоточены в главной мысли, аналитической оценке ситуации и констатирующих тезисах, что служит еще одним подтверждением их статуса ключевых фраз текста, ведь повтором всегда выделяется элемент, важный для авторского замысла. Часть этих структурных компонентов выделена автором с помощью полужирного шрифта.

Обратимся к результатам психолингвистического эксперимента. Количество респондентов — 42 человека. Экспериментальные задания: 1) выделить ключевые слова текста (не более 10); 2) выделить ГМ и АОС текста. Совокупное количество выделенных в тексте ключевых слов — 292. Наиболее частотные слова, отмеченные респондентами как ключевые для данного текста, представлены в табл. 2 (Тор-20 респондентов).

Сопоставим Тор-20 и Тор-20 респондентов. В Тор-20 содержатся не отмеченные респондентами частотные слова «земля», «век», «действие», «молиться», «палестинец», «борец», «помочь». Показательно, что большая часть данной лексики не входит в состав основных элементов смысловой структуры (ГМ, Кт, АОС) и, таким образом, не является КЗ текста. Вместе с тем в состав Тор-20 не вошли такие слова, как «отсутствие», «трагедия», «(не) меняться», «политика», «единоверец», «прикрытие», несущие значительную смысловую нагрузку и вклю-

Таблица 2

№	Слово	Количество повторений в НКС	Доля в НКС, % от общего числа слов
1	Ценность	33	11,3
2	Общечеловеческий	26	8,9
3	Стена	18	6,1
4	Жизнь	12	4,1
5	Отсутствие	11	3,7
6	Терроризм	11	3,7
7	Религия	11	3,7
8	Трагедия	9	3
9	Человеческий	7	2,3
10	Друг (друг друга)	6	2
11	Человечество	6	2
12	(Не) меняться	5	1,7
13	Политика	5	1,7
14	Человек (люди)	5	1,7
15	Израиль	4	1,3
16	Судить	4	1,3
17	Террорист	4	1,3
18	Суд	3	1
19	Единоверец	3	1
20	Прикрытие	3	1

Примечания: 1. Данные получены с помощью программы на сайте istio.com. 2. НКС — набор ключевых слов.

ченные в состав ключевых слов респондентами. Все эти слова являются компонентами констатирующих тезисов, т. е. второстепенными КЗ. Что касается лексики, входящей в состав развивающих тезисов, фона и иллюстраций, не образующих КЗ текста, то Тор-20 содержит 9 таких слов, Тор-20 респондентов — 5. Таким образом, лексика, входящая в Тор-20 респондентов, теснее коррелирует с основными элементами смысловой структуры — ключевыми фразами текста.

Наиболее частотным словом текста, как уже отмечалось выше, является слово «стена», а наиболее важным для респондентов оказалось слово «ценность» — второстепенный КЗ по результатам анализа смысловой структуры и доминантный знак по результатам эксперимента. Заметим, что данные количественного компьютерного анализа совпадают с данными Частотного словаря современного русского языка [2], согласно которым слово «стена» имеет большее по сравнению со словом «ценность» число употреблений на 1 млн слов корпуса (ipm). Частота слов в алфавитном списке словаря: «стена» — 261.0 ipm, «ценность» — 81.2 ipm; в разделе «Частотный словарь публицистики» указанного выше словаря: «стена» — 194.4 ipm, «ценность» — 97.5 ipm.

Вместе с тем по результатам эксперимента мы видим, что в интерпретации респондентов смысловой центр текста сместился с главной мысли «стена не поможет избавить мир от терроризма» на третий констатирующий тезис «главная наша трагедия — отсутствие общечеловеческих ценностей», представляющий авторское видение основной причины поднятой в тексте проблемы. Лексика, входящая в состав данного тезиса, в большинстве случаев выделялась респондентами в качестве ключевой, а сам тезис 17 из 42 опрошенных отметили как ГМ текста. В то время как собственно ГМ «опознали» только 2 респондента: «Стена — не выход из сложившейся ситуации, она не сможет отгородить страну от терроризма» и «Стена, которую Израиль хочет возвести, чтобы отгородиться от Палестины, не сможет решить проблему терроризма». Но, пожалуй, самое любопытное — формулировки, объединяющие слова «стена» и «ценности» в поле ГМ, предложенные четырьмя респондентами: «Строить стены бесполезно, пока нет общечеловеческих ценностей», «Проблема не в стене, а в отсутствии у людей моральных ценностей» и т. п. 7 респондентов в качестве ГМ выбрали констатирующий тезис «Человечество не меняется, люди не в состоянии ужиться друг с другом». Еще 1 респондент включил в него слово «ценности»: «Люди не могут ужиться друг с другом из-за отсутствия общечеловеческих ценностей». 5 респондентов в качестве ГМ указали АОС текста: «Мы строим стены и судим стены, вместо того чтобы судить себя и прекратить карать других». 3 респондента выбрали информационный повод публикации в качестве ГМ: «В Израиле хотят возвести стену, чтобы отгородиться от террористов». Трое опрошенных не определили ГМ. Несмотря на то что эксперимент продемонстрировал очевидную разницу в способности респондентов глубоко понять основной смысл текста, его результаты позволяют получить обратную связь: демонстрируют возможную интерпретационную картину, в данном случае — фиксацию внимания респондентов на концепте «ценности».

Подводя итоги, отметим, что подавляющее число частотной лексики (Тор-20) и лексики, выделенной респондентами в качестве ключевой (Тор-20 респондентов), относится к именам существительным и входит в состав ключевых фраз — основных элементов смысловой структуры текста. Тем самым подтверждается неоднократно высказанное исследователями положение о преобладании существительных в поле ключевых слов и о частотности последних.

Вместе с тем понятия «частотное слово» и «ключевое слово» не являются синонимичными: частотные слова не всегда являются ключевыми. Так, частотные слова «век», «действие» и некоторые другие не могут быть отнесены к числу ключевых по результатам содержательного анализа и эксперимента, поскольку они не несут значительной смысловой нагрузки: не входят в состав основных элементов смысловой структуры и не выделяются респондентами.

Использование комплекса количественных и «качественных» методик определения ключевых знаков текста позволяет выделить разные виды последних. Анализ смысловой структуры текста фиксирует ключевые фразы, на базе которых могут быть выделены ключевые слова. Компьютерный количественный анализ представляет собой удобный механизм определения частотной лексики, которую в сфере поисковой оптимизации называют ключевыми словами тек-

ста. Однако его результаты, по сравнению с экспериментальными данными, в меньшей степени коррелируют с результатами содержательного анализа смысловой структуры текста. Анализ данных опроса респондентов приобретает особую важность при дискурсивном подходе, поскольку позволяет уточнить характер ключевых знаков (доминантные/второстепенные) с точки зрения респондентов и получить информацию о том, как аудитория воспринимает определенный текст. Соотнесение результатов нескольких методик дает возможность с высокой степенью точности определить состав и характер ключевых знаков журналистского текста.

1. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999. 192 с.

2. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. 1087 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/>

Статья поступила в редакцию 20.05.2013 г.

УДК 342.7:654(476) + 316.774:654.1

С. В. Венидиктов

ОТРАЖЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СФЕРЫ В ТЕЛЕРАДИОЭФИРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Приводится функциональная характеристика белорусского телевидения и радио как фактора правовой социализации аудитории. В контексте задачи формирования единого правосознания и гражданской морали анализируется потенциал общенациональных и региональных СМИ. Показано, каким образом деятельность медиа в освещении правовой тематики способна определять направления изменений в общественно-политической сфере. Указаны дисфункциональные явления в медиасфере. Предложены пути оптимизации деятельности СМИ Беларуси с учетом опыта зарубежных вещателей.

Ключевые слова: телевидение, радио, правовая сфера, правосознание, правовая культура, повестка дня, органы внутренних дел, имидж, коммуникация, информационный фон.

Информация о деятельности системы права и правоохранительных органов является основой формирования единого правосознания и гражданской морали — «иммунной системы» гражданского общества. В этой сфере формируется картина социальной конфликтности, выясняются причины социальных

ВЕНИДИКТОВ Сергей Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского высшего колледжа Министерства внутренних дел Республики Беларусь (e-mail: venidiktov4444@gmail.com).

© Венидиктов С. В., 2013

проблем. Противоречия правовой системы и актуальных девиаций социума, актуализированные в средствах массовой информации, способны выступать стимулом для оптимизации общественных отношений (изменение или принятие законов, пересмотр принципов права, традиционных отношений на межсубъектном уровне и т. д.). Поэтому медиапроекты, посвященные борьбе с преступностью, профилактике правонарушений и преступлений, освещению деятельности правоохранительных и судебных органов, традиционно обладают высокой популярностью среди различных аудиторных групп.

В эфире центрального и регионального телерадиовещания Республики Беларусь правовая сфера представлена неравномерно. Первое в силу общенационального охвата аудитории и более тесной связи с органами государственного управления демонстрирует максимальный охват всех явлений, входящих в категорию правовых. К таковым относятся факты изменения законодательства, влияния политических решений на систему права, освещение деятельности всех уровней власти, имеющей очевидный правовой характер, а также наиболее резонансные факты правонарушений и показ борьбы с преступностью в целом. К примеру, обзор чрезвычайных происшествий, наиболее значимых судебных дел и иных событий в правовой сфере представлен в телепрограмме «Зона X» на «Первом канале». Здесь же выходит в эфир цикл информационно-публицистических программ «Тайны следствия» — совместный проект Агентства теленовостей Белтелерадиокомпании и Следственного комитета Республики Беларусь. Цели проекта — удержать зрителя от противоправных действий и разъяснить понятие неотвратимости наказания. На развитие правовой компетентности аудитории направлена также программа «Nota Bene» на «Первом канале». Программа «Таможенный союз» на телеканале «Беларусь-24» рассказывает об особенностях валютного, таможенного, налогового регулирования на территории Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Региональные СМИ акцент делают преимущественно на фактах преступлений и правонарушений, представляющих очевидную общественную опасность, и на освещении деятельности органов внутренних дел. Например, в Могилевской области региональное государственное телевидение готовит программу «Экстрим-среда» — обзор происшествий за неделю, в эфир радио выходит проект «Мир безопасности» аналогичного содержания. Городское телевидение «2 канал» предлагает зрителям белорусскоязычные проекты «Скрыжаванні», где анализ ситуации на дорогах города проводится совместно с Госавтоинспекцией, и «Рэйдавы аддзел». Последний создается при активном содействии сотрудников милиции, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Департамента исполнения наказаний, Госавтоинспекции, Комитета госбезопасности, налоговой инспекции, медико-социальных служб и других органов и структур. Цель «Рэйдавы аддзел» — актуализация в публичной сфере проблем общественной безопасности и дисциплины, травматизма, профилактика алкоголизма и пьянства на производстве, в семье, среди подростков, исключение жестокости и насилия. Оршанское региональное телевидение «Скиф» выпускает в эфир программу «Сила закона», направленную на создание позитивного имиджа работников правоохранительных и контролирующих служб, профилактику преступности среди населения.

Таким образом, центральное и региональное вещание образуют взаимодополняемую систему, в которой первое формирует общий информационный фон и «повестку дня» — профильтрованную через СМИ медиареальность, второе же — предлагает детализованный образ правовой системы, отражающий специфику конкретного региона. Повестка дня, закрепленная в медиасистеме на национальном уровне, определяет значимость локальных событий и задает для них оценочную шкалу. Примером может служить ситуация, которая сложилась в Беларуси в конце 2012 г.: в результате дорожно-транспортного происшествия на территории одной из школ Минска погиб ребенок, что стало поводом для общенационального обсуждения проблем безопасности несовершеннолетних пешеходов. В этот период в эфир региональных телерадиостудий периодически выходили информационные и аналитические материалы по указанной проблеме, не имеющие прямого информационного повода на локальном уровне.

С другой стороны, центральное вещание может выполнять функцию «проводника» правовой информации для удаленных регионов. В этом случае освещение определенных локальных событий на национальном уровне служит поводом для анализа в ином локальном сообществе по принципу «как у них — как у нас?». Например, после унесшей четыре жизни трагедии в городском поселке Краснополье 27 января 2004 г., когда в средней школе обрушилась крыша спортзала, в других районах Беларуси были инициированы проверки надежности строительных конструкций социально значимых объектов.

Мы придерживаемся мнения, что проекты криминального и иного конфликтного содержания способны оказывать двойное влияние на аудиторию: с одной стороны, они могут поощрять развитие девинантных форм социальной активности, с другой — поддерживать развитие правовой культуры аудитории. Демонстрация социальных норм и последствий отклонения от них является наиболее доступной для СМИ формой содействия правовой социализации аудитории. Исследователи утверждают, что наибольший эффект достигается, когда у законопослушной части граждан, представляющих аудиторное большинство, формируется психологическое ощущение опасности, исходящей от преступных действий меньшинства.

Деятельность телевидения и радио в освещении правовой тематики не только содействует формированию правового сознания граждан, но также определяет изменения в общественно-политической сфере. Если, например, в эфире уделяется неоправданно много внимания теме преступности, то граждане будут объективно считать, что ее уровень гораздо выше реального. В результате общественность, настроенная либерально, возможно, для решения этой проблемы предложит увеличить количество социальных работников, настроенная авторитарно — предпочтет более строгие виды наказания за преступления [2].

Как центральное, так и региональное телерадиовещание способно оказывать влияние на формирование имиджа сотрудников органов внутренних дел и правоохранительной системы в целом, а также на оценку гражданами эффективности ее функционирования. По мнению А. В. Мяготина, к позитивным чертам имиджа сотрудника правоохранительных органов относятся «эстетичность образа в целом; сформированность гармоничного, целостного образа;

устойчивость положительных черт в сознании и поведении; примерность в выполнении этикетных норм поведения и общения; адекватность восприятия целостного образа» [4, 20].

Изучение общественного мнения о работе милиции Могилевской области в 2011 г. показало, что средства массовой информации являются для граждан вторым по значимости источником информации об органах внутренних дел после личного опыта (25 % против 32 %) [3]. В данном случае действует универсальный принцип формирования «повестки дня»: если акцент в СМИ делается на правонарушениях и росте их количества, то у аудитории складывается впечатление о неспособности правоохранительных структур противостоять криминализации общества (отражается в формулировке «Где была милиция?»); при фокусировании внимания на успешном раскрытии преступлений и наказании виновных формируется относительно благоприятный информационный фон. Идеализация образа сотрудников милиции в телерадиоэфире, противоречащая устоявшимся представлениям и собственному опыту аудитории, как правило, вызывает резко негативную реакцию. Напротив, показ рутинной работы по профилактике и раскрытию правонарушений («без купюр») способствует «очеловечиванию» образа правоохранительной системы и улучшению ее имиджа. Однако на уровне национального вещания в Беларуси подобные проекты присутствуют нерегулярно, а региональное вещание ограничивается единичными выпусками или публицистическими сюжетами.

В связи с этим белорусскому телевидению может быть полезен опыт зарубежных вещателей. В США, например, длительное время существует ряд популярных телевизионных проектов, выполняющих имиджевую функцию: «Копы под прицелом» («Cops uncut»), где полицейские в прямом эфире преследуют подозреваемых; «Полицейские» («Cops»), отражающий деятельность различных подразделений; «Женщины-полицейские» («Police Women»), в котором женщины показываются не только на работе, но и в семейной жизни, таким образом, дополняя привычный образ сотрудника полиции. В целом подобный эффект достигается в результате открытия для средств массовой информации любой прежде информационно закрытой структуры государства.

Помимо собственных телепрограмм, влияние на формирование имиджа правовой системы оказывают выходящие в национальный эфир российские телесериалы («Улицы разбитых фонарей», «Глухарь» и т. п.), безосновательно романтизирующие работу милиции (полиции) и искажающие представление об истинной картине социальной конфликтности. Как считают исследователи, чрезмерное внимание к сотрудникам правоохранительных органов может привести к обратному эффекту: чем больше уделяется внимания, тем меньше доверие граждан.

Стоит учитывать и роль канала межличностной коммуникации: около 20 % информации о работе милиции граждане получают через беседы с друзьями и знакомыми, а также слухи и беседы в общественных местах (данные изучения общественного мнения о работе милиции Могилевской области в 2011 г.). Общепризнано, что общественное значение неформальных источников информации обратно пропорционально влиятельности источников официальных («зона

говoreния слухов равна зоне молчания средств массовой информации»). К причинам возникновения слухов относятся, во-первых, нехватка информации по определенной проблеме, во-вторых, ее значимость для аудитории. Причина может быть как субъективной (личное ощущение нехватки информации), так и объективной (молчание формальных каналов — СМИ). Утрата контроля над их распространением свидетельствует о недостаточной эффективности работы средств массовой коммуникации. Например, история с поимкой в Могилеве весной 2010 г. так называемого «фатинского маньяка» (серийного убийцы) сопровождалась хождением в среде горожан не соответствующих реальности версий («кто убийца?», «сколько жертв?», «будут ли новые нападения?»), в то время как официальные источники воздерживались от преждевременных комментариев. К моменту огласки материалов расследования на уровне слухов существовало сразу несколько псевдoversий произошедшего.

Бесспорно, свободное циркулирование информационных потоков является одним из существенных факторов, обуславливающих развитие общественной системы. Это вытекает из общего принципа управления, согласно которому информация о любом отклонении системы от нормы является стимулом возвращения к норме (правило саморегуляции П. К. Анохина). Однако при освещении событий в правовой сфере электронными СМИ существует опасность выпадения ее элементов из общей информационной картины. Чаще всего в роли таких элементов выступают судебная система и система профилактики. В угоду интересам аудитории телевидение концентрирует внимание на всестороннем рассмотрении исключительно фабулы преступления или правонарушения, его наиболее шокирующих или нестандартных деталей, образа преступника (правонарушителя). Социальные основания проявления различных форм криминального поведения остаются без внимания. Репортажи из зала суда (в особенности на региональном уровне) исключительно редки и связаны в основном с резонансными преступлениями, получившими общенациональную огласку. В результате у аудитории не формируется представление о неотвратимости наказания за общественно опасные действия — вместо этого в сознании складывается гипертрофированный образ противоправной среды («Есть преступление — нет наказания»). Необходимо учитывать и тот факт, что в телевизионный эфир попадают преимущественно сюжеты о громких преступлениях и происшествиях: убийствах, захвате заложников, дорожных авариях со смертельным исходом, тяжких телесных повреждениях, крупных грабежах, разбойных нападениях, финансовых махинациях и т. д. — более мелкие факты остаются без внимания. Однако именно последние доминируют в общей структуре преступности. Например, лишь изредка в информационных блоках упоминается статистика мелких краж и хищений имущества, более широкая огласка которой смогла бы скорректировать поведение граждан (от внимательного отношения к своим вещам при пользовании общественным транспортом до установки в жилище охранной сигнализации).

Созданию объективной информационной картины правовой среды может препятствовать и непонимание входящими в нее структурами своей роли в процессе правовой социализации граждан. Несвоевременное информирование,

замалчивание фактов, искажение статистических данных, нежелание сотрудничать с журналистами — все это способно привести как к формированию в социуме неверных правовых установок, так и к падению имиджа правоохранительных, судебных и законодательных органов. В то же время статья 5 Закона Республики Беларусь от 17.07.2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» гласит, что «деятельность органов внутренних дел является гласной, открытой для граждан и СМИ в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Республики Беларусь о защите государственных секретов и иной охраняемой законом тайны. Органы внутренних дел в порядке и пределах, определяемых законодательством Республики Беларусь, информируют государственные органы, общественные объединения, СМИ, граждан о состоянии общественного порядка и мерах по его обеспечению» [5].

Необходимо учитывать и то, что правовые программы предусматривают особую ответственность авторов: неадекватное отражение событий, излишняя драматизация, искажение фактов способны сформировать у аудитории неверное представление о криминальной обстановке в обществе. Журналисты, готовящие материалы для таких программ, нередко данный фактор игнорируют; эмоциональная перегруженность криминальных хроник, воодушевленность авторов необычностью, сенсационностью материала, и даже некая «романтизация» чрезвычайных происшествий — все это в итоге вызывает недоверие к информации в СМИ. Превалирование новостей негативного характера в телеэфире приводит к тому, что «часть аудитории переживает психологический шок, другая привыкает к физиологическим подробностям, смакованию насилия, к ярким, громким сенсациям и уже ожидает / требует “сильных” впечатлений, остальная часть — просто не доверяет СМИ» [6, 136]. Публика, привыкшая к такому наполнению телеэфира, подсознательно начинает воспринимать программу с ежедневным насилием как желанную. А. Вартанов указывает на обеднение содержания телевизионной публицистики, деформацию некоторых вопросов повседневной жизни в псевдопроблемные, распространение в эфире так называемого «замочноскважинного» жанра [1, 37–38]. Развлечение становится средством поддержания зрительского интереса к псевдоправовым программам, эксплуатирующим обывательскую тематику (к примеру, «Чистосердечное признание», «Русские сенсации» на канале «НТВ»), где используются жесткие формы обращения к аудитории — агрессия, вынесение оценок, шокирующие откровения, давление на аудиторию со стороны ведущего, погоня за сенсационностью, скандальностью.

Таким образом, при отражении функционирования правовой системы телерадиовещанием Республики Беларусь проявляются следующие тенденции:

- 1) доминирование телевидения в системе средств массовой коммуникации как источника правовой информации;
- 2) взаимодополняемость систем центрального и регионального вещания при формировании «повестки дня»;
- 3) двойственное влияние на аудиторию программ криминального содержания: развитие правовой культуры граждан, с одной стороны, и поощрение форм девиантного поведения — с другой;

- 4) возрастающая роль телерадиовещания в определении изменений в общественно-политической системе;
- 5) доминирующая роль СМИ в формировании имиджа сотрудников органов внутренних дел и правовой системы в целом;
- 6) выпадение отдельных элементов правовой системы из общей информационной картины;
- 7) эмоциональная перегруженность телевизионных программ криминального содержания.

Одним из средств преодоления подобных негативных тенденций в медиaprостранстве нам видится развитие у аудитории навыков первичного анализа правового контента телерадиовещания с одновременной актуализацией понятия медиакритики (в ее «бытовом» измерении). Внедрение в социальную практику сознательного, активного потребления продукции СМИ будет способствовать развитию гражданской и правовой культуры, что является необходимым условием для оптимизации информационно-коммуникативной системы общества.

1. *Вартапов А.* Кто мы? // Журналист. 2008. № 7. С. 37–38.

2. *Дзялошинский И. М.* Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества : учеб. пособие. М., 2001.

3. Мониторинг общественного мнения (2011 г.) : офиц. сайт Мин-ва внутренних дел Республики Беларусь. Минск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=66833> (дата обращения: 19.01.2012).

4. *Мяготин А. В.* Имидж и стиль деятельности сотрудника правоохранительных органов как формы проявления его профессиональной этики // Материалы Междунар. семинара по проблемам полицейской этики, 14–15 мая 2002 г. М., 2003.

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 17.07.2007 г. № 263-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Минск, 2012. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700263&p2=%7BNRPA%7D> (дата обращения: 10.01.2012).

6. *Череповская Н. И.* Особенности моделирования образа мира журналистами в теленовостях // Журналистыка-2008: стан, праблемы, перспектывы : матэрыялы 10-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 2008. Вып. 10. С. 134–136.

Статья поступила в редакцию 21.03.2013 г.

УДК 316.772.3 + 316.776

А. Ю. Ларионова

НЕФОРМАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ ЯВЛЕНИЯ

Статья посвящена неформальной коммуникации как огромной и специфичной части современного коммуникативного пространства, вариативности терминологических репрезентаций и особенностям этого явления.

Ключевые слова: неформальная коммуникация, общение, вариативность терминологических репрезентаций; оппозитивный, сингулярный, игровой, экспрессивный характер репрезентаций.

Обращение к общественной реальности языка, к социально успешному его использованию представляется актуальным в сфере современных исследований историко-культурной парадигмы общества в отдельных ее проявлениях. Общественная реальность языка на рубеже веков характеризуется активным «инновационным» отношением к средствам языка, особенно заметным в сфере неформальной коммуникации.

Известно, что вся речевая практика включает два блока реализаций: сферу формального и неформального общения. Первую отличает стремление к воспроизводимости нормативных средств языка, включая элементы фразеологизированного слоя (устойчивые в широком смысле сочетания слов, клише, прецедентные тексты и т. п.), элементы терминологического или социумно (профессионально) ограниченного характера. Вторая объективно занимает огромную часть коммуникативного пространства, включая абсолютную неформальную коммуникацию (в рамках соответствующих социумов) и коммуникацию, фрагментарно претендующую на характер неформально организованного общения, т. е. вкрапленную в официальную сферу с разными прагматическими целями. Отличительной чертой неформальной коммуникации является творческое отношение к средствам языка, избираемым для репрезентации общего для коммуникантов знания. Активная творческая составляющая проявляется в хлынувшем потоке новообразований, в трансформации единиц языка, прецедентов (имен, текстов и пр.) и иных элементов культурного фонда.

Актуальность изучения неформальной коммуникации обусловлена рядом факторов. Во-первых, лавиной долей неформальной коммуникации в общении в целом и признаваемым за ней приоритетным местом в русской культуре [12, 15]. Это своего рода универсальный вид общения, который востребован в «высоких», официальных сферах и в «низких», более непринужденных ситуациях. Во-вторых, синкретичность явления неформальной коммуникации в плане вза-

ЛАРИОНОВА Алла Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: alarionov@bk.ru).

© Ларионова А. Ю., 2013

имодействия общественной и языковой динамики. Общественно-экономические преобразования, своеобразный сбой в духовной жизни общества, трансформация моральных и этических норм в конце XX в. во многом повлияли на существенное расширение субъектно-авторской сферы и характера бытования неформального стиля общения, его локальную и количественную представленность в разных сферах человеческой деятельности, а также на особое с точки зрения традиции и этикета использование языка, игнорирование и расшатывание языковых норм.

Известно, что неформальная коммуникация реализуется в настоящее время не только в условиях близкодружественного общения, но часто ориентирована на неизвестного массового реципиента. На неформальный стиль общения сознательно делается ставка во многих радио- и телепрограммах, в «живом» общении в интернет-коммуникации (социальные сети, живые журналы), в уличной рекламе, в объявлениях с использованием огромных щитов и на мини-плакатах в городских маршрутных такси, в разнообразной кино-, теле- и СМИ-продукции (художественные фильмы и телефильмы, юмористические журналы типа «Красная бурда», программы «Русское радио», «Радио FM», «Приколы от Николая Фоменко», «Кривое зеркало», КВН, «Камеди клуб», «Разрушители пословиц» и др.), в выступлениях на митингах, в граффити, в анекдотах и других устных и письменных произведениях народного творчества. Неформальные вкрапления наблюдаются в деловой сфере общения, где традиционно предпочтителен тщательный отбор слов из существующего активного запаса общеупотребительной нейтральной лексики. Главное, к чему стремится деловая сфера в творческом использовании языка, это чтобы выразительность не противоречила ясности мысли, так как адресант обычно имеет в виду коммерческий интерес и его юридическое обоснование, в связи с чем адресат должен верно истолковать те или иные интенции и связанные с ними новообразования. Так, окказиональные или потенциальные единицы используются на рекламных щитах банков, разного рода сервисных предприятий и др., фиксируются в радио- и телепрограммах. Например, в рекламе банковских вкладов на многометровых стендах встречаем окказионализмы *Когданадий* (от *когда надо*), *мартюнь* (от *март — июнь*), в аналогично масштабной рекламе спортзала (Екатеринбург, ул. Московская) — *Только мы сможем вас офигурить*, в телеинтервью экономиста-аналитика фиксируем потенциальное слово *рублепровод* (телеканал НТВ), а в выступлении члена жюри Людмилы Артемьевой, обращенном к одному из певцов — участников музыкального телепроекта Первого канала «Один в один», — «[Ты нас] *порвал*». На телеканале «Перец» все месяцы года названы по формальной аналогии с названием канала: *январеи, февралей, мартей* и т. п. Развлекательный характер канала проявляется в окказиональных номинациях календарных единиц исчисления времени, в которых узнаваемы объективные (безэмоциональные) производящие названия месяцев.

В связи с темой статьи в задачи входит семантический анализ ряда близких и взаимозаменяемых номинаций неформальной коммуникации и описание характерных признаков данного явления на основе материала телепрограмм, студенческих граффити, рекламных объявлений и пр.

Термин «неформальная коммуникация» широко распространен в научной литературе, функционирует параллельно с понятием общения, а также с атрибутами «неофициальный», «естественный». Взаимозаменяемость терминов «коммуникация» и «общение» наблюдается прежде всего в их сосуществовании в пределах одних научных текстов. Так, например, *коммуникативное* поведение трактуется как реализуемые в коммуникации правила и традиции *общения* [15, 13–16]. Для коммуникации и общения отмечаются общие признаки, такие как комплементарность (наличие как минимум двух партнеров) и управление поведением партнера (изменение его отношения к окружающей среде) [7, 8]. Словарная идентификация понятий в специальных словарях также свидетельствует об их терминологической общности. Например, коммуникация — *общение*, обмен мыслями, сведениями, идеями т. д. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности [1, 233]. Некоторые авторы предпринимали попытку выявить специфику понятий «коммуникация» и «общение», в связи с чем подчеркивалась актуальная целенаправленность первого понятия и актуальная социологичность второго (закрепленное языковое и «человеческое» содержание, мысль о взаимодействии, об этичности) [4, 15]. На наш взгляд, и то и другое взаимосвязано, так как социологичность определяет специфику целенаправленности, а целенаправленность отражает специфику социологичности.

Терминологическая вариативность в названии явления неформальной коммуникации проявляется также в использовании атрибутов «неформальный», «неофициальный», «естественный». Обращаясь к словарным толкованиям данных слов, отметим, что слово «неформальный» отсутствует в МАС [14], и, следовательно, его значение можно рассматривать с опорой на толкование слова «формальный». См.: «Формальный — 1. Официальный, законный, произведенный по форме» [Там же]. Дефиниция дает понять, что лексические пары «формальный» и «официальный» и, соответственно, «неформальный» и «неофициальный» аналогичны по содержанию. В словарном определении слова «неофициальный» подчеркивается значение «не имеющий официального значения; лишенный официальности». Учитывая семантические варианты слова «официальный», предложенные в МАС [Там же], для его определения существенна семантика «противопоставленный официальному, предполагающему соблюдение правил, формальностей, обычно в деловом общении». Для терминологического функционирования данного атрибута важным является значение «организованный не по закону, а по иным неформальным признакам». В случае речетворчества в неформальной коммуникации это признак объединяющего творческого начала, обусловленного сходством установок на оригинальное видение и оригинальные репрезентации действительности. И наконец, определение «естественный» в ряде неосновных словарных толкований имеет трактовки «3. Существующий от природы, прирожденный; натуральный», «5. Непринужденный, простой, обычный для кого-л.» [Там же]. В соответствии с данными значениями терминологическое употребление слова «естественный» в научных работах соотносится с дообщественным состоянием человека, его природными психологическими склонностями и ментальностью в целом. С точки

зрения особенностей речетворчества с естественностью связываются такие признаки, как «народное» авторство (принадлежность народу), неофициальная сфера функционирования; спонтанность и исполнение по инициативе субъекта творчества, а не по требованию официальной культуры; тенденция к стилистической сниженности речи; культураносность речевого поведения и речевого продукта (способность нести информацию о культуре социума в условиях определенного фрагмента коммуникации) [2, 33–34, 45; 10, 150; 11; 13, 6–7; 16, 11–24]. Приведенные дефиниции позволяют говорить об эквивалентных семантических отношениях атрибутов «неформальный», «неофициальный», «естественный», которые при определении коммуникации и общения могут быть непротиворечиво взаимозаменяемы.

Отметим, что, характеризуя неформальную коммуникацию как естественную, мы связываем естественность не только и не столько с «природной» необходимостью человека в самовыражении, сколько с фактором принадлежности тому или иному социуму, фрагменту коммуникации, где речетворчество осуществляется в соответствии с определенными установками и предпочтениями. Предпочтения, по мнению В. Г. Костомарова, есть свидетельство состояния духа, интеллекта, нравственных побуждений, коммуникативных интенций, свойственных времени и обществу [8, 170]. Установки и предпочтения неформально организованных социумов или социумов, поощряющих неформальное общение в «своей» среде (профессиональной, возрастной, по интересам и т. д.), заключены обычно в сознательном игнорировании различных традиций и норм — языковых, этических, ментальных. На степень соотношения игнорируемых норм влияют актуальные социальные признаки «вне закона и в рамках закона», «образованность и необразованность», «следование традициям и отступление от них», «старшее и младшее поколения» и т. п. Можно утверждать, что неформальную коммуникацию отличает «расположенность» и восприимчивость к определенному типу культурных норм и ценностей, характерная интенциональность (ракурсность) осмысления действительности, особая маркированность образов и средств их вербализации. Не случайно ученые, анализируя состояние современного общества и языка в нем, говорят об излишней снисходительности общественных норм в отношении использования общего культурного фонда нации и языка (явление либерализации, демократизации), о падшей культуре владения языком, о плохой языковой компетенции большинства русских современников, о «празднике вербальной свободы», об очень заметной словесной агрессии, о низком уровне редактирования текстов в частной, публичной и даже профессиональной коммуникации: например, многие рекламные объявления, в абсолютном большинстве случаев нацеленные на коммерческий успех и в этой связи используемые во вполне деловых сферах деятельности, объективно не могут быть охарактеризованы как принадлежащие сугубо официальной сфере, так как в них используются языковые средства в высокой степени выразительные, эмоциональные, экспрессивные, нарушающие автоматическое восприятие знакомых форм и содержаний и традиционно не характерные для деловой сферы общения. Нарушение автоматического восприятия средств языка прежде всего достигается использованием окказиональных лексем, необычной

сочетаемостью: например, название интернет-магазина дверей *Барон Дверон* (Екатеринбург), название мебельного магазина *Дон Мебелион*, телереклама солнцезащитных очков *С первой лунки [очки] помогают хорошо читать поле*.

Для неформальной коммуникации принципиально нарушение автоматического восприятия, которое проявляется в факте ожидаемости ряда репрезентативных признаков. С точки зрения отношения к культурной традиции это чаще оппозитивный характер репрезентаций. С точки зрения производимого коммуникативного впечатления это преимущественно создание сингулярного эффекта (эффекта неожиданности). С точки зрения языковых особенностей это частотное игровое использование средств языка, имеющее результатом экспрессивизацию текстов.

Оппозитивность есть обязательное качество неформальной коммуникации, которое заключается в игнорировании жестких организационных структур официальной культуры, включая разные виды норм (языковые, этические, ментальные). Оппозитивность как творческая установка с точки зрения отношения к традиции, этикету проявляется в интересе к «предметам», о которых публично говорить не принято либо ракурс репрезентации которых отличается от традиционных представлений. С учетом данного аспекта оппозитивность может проявляться: а) в критическом звучании социально значимых текстов: *Что у нас хорошо организовано, так это преступность*; б) в детабуировании отдельных тем (часто с использованием грубой, вульгарной лексики): *Сыт по горло* и пр. С точки зрения используемых языковых средств оппозитивность создается рядом таких приемов, как а) замена общепринятого плана выражения окказиональной формой, например, вместо привычных форм *с марта по июнь 2013 года* или *март — июнь* в банковской рекламе использовано *мартюнь*; б) стилистические контрасты, например, в граффити *Господа, постыдно не вписаться в писсуар*; в) антонимия и контекстно обусловленная квазиантонимия, например, в граффити *У меня жил тамагоча. Сдох, сука!; Я либо трезвый, либо не помню*; г) использование оксюморона в сочетании с традиционно социальным звучанием текста, например, в граффити *Ничего так не согревает душу, как холодное пиво*; д) обыгрывание омонимии, например, в рекламе пылесоса *Сосу за копейки*. В связи с последним примером отметим, что данная реклама, расположенная на огромных стендах в Екатеринбурге, возмутила горожан непристойностью второго смысла, отсутствием чувства меры и культурной допустимости и по требованию жителей города была убрана. Однако оппозитивность здесь проявилась не только в отношении соблюдения/несоблюдения этичности речетворческого результата, но и в плане корректности использованных языковых средств. Так, анализ значений глагола *сосать* позволяет выявить повторяющуюся семантику, отсылающую к предметам так называемого живого мира — животного и растительного в разных физических, душевных, поведенческих проявлениях: «извлекать, вбирать при помощи языка, губ, специальных органов», «пить», «жидкость, жидкая еда»; «вымогать хитростью», «о тупой ноющей боли в желудке», «причинять душевную боль» [14]. Как видно, рассматриваемый глагол ни в одном значении не соотносится с неодушевленными предметами, включая «пылесос». Отталкиваясь от толкования слова *пы-*

лесос в словаре [14]: «Аппарат для очистки от пыли матерчатых предметов (...), помещений (...), книг и т. п.» — и при отсутствии в словаре глагола *пылесосить*, последнее можно идентифицировать как «очищать от пыли... с помощью специального аппарата». Таким образом, в силу отсутствия семантики одушевленного предмета здесь возможно говорить не только и не столько об омонимичном, сколько о потенциально паронимичном обыгрывании глагола, так как в языке нет слова *сосить*.

Наблюдения позволяют отметить, что оппозитивность репрезентаций абсолютно характерна для речетворчества в рамках неформальных социумов, однако как запасной, хотя и не всегда удачный способ выражения мысли она используется и в сфере делового общения.

Признак *сингулярности* означает «идуший-вразрез-с-нашими-ожиданиями» [3, 35] и характеризует процесс восприятия произведений неформального творчества. Суть его заключена в замене сформировавшейся, часто оценочной, «проработки» явления (предмета речи) на противоположную (или другую). Реализуется данный творческий шаблон преимущественно на уровне предикативных и атрибутивных (в широком смысле) отношений, однако для выражения характерологических черт он может быть прослежен и на материале отдельных лексем. Особенность последних обычно связана с окказиональностью, с таким выстраиванием известных морфемных или иных фрагментов слова, комбинации которых отсылают к необычным, часто скабрёзным, ироничным смыслам относительно предмета речи. Сингулярное построение текста практически всегда осуществляется с помощью языковой игры и предполагает обусловленное когнитивными инновациями нарушение единства (баланса) знакомых формы и смысла языковых единиц. Например, в граффитийном тексте *Я однолюб: люблю только Катек* неожиданный смысл и шутивно-ироничный коммуникативный эффект создаются необычным использованием собственного имени в форме множественного числа, не характерным для традиционной грамматики и обыденного сознания в силу единичности предмета, названного собственным именем (не фамилией, так как множественные формы фамилий встречаются чаще, обозначая тот или иной человеческий тип, оцениваемый по моральным, особо значимым для общества человеческим качествам, например, в известном выводе Чацкого: «Молчалины блаженствуют на свете»). Важно отметить, что созданию сингулярного эффекта в произведениях неформальной коммуникации способствуют такие «технологические» особенности текстов, как малоформатность и частотная контрастность начального и конечного текстовых компонентов. В приведенном примере это противопоставление семантики слова *один (однолюб)* в начале текста и формы множественного числа собственного имени *Катек* в конце.

Языковая игра, будучи основополагающим свойством психической и социальной деятельности человека [6, 9], естественна для неформальной коммуникации и является главной «технологической» установкой в организации произведений неформального творчества. Языковая игра реализуется на основе ассоциативных сближений языковых единиц, конструирования и варьирования языковых форм и значений, нарушения языковых стандартов [5, 10–12]. Например, в граффити

находим окказиональные примеры слов, грамматических форм, сочетаемости (отражающей новую референциальную отнесенность): *придурочка*; *глупостев*; *Не болтайте ерундой*. Языковые средства (морфемы, слова, словообразовательные модели), прецедентные источники (имена, тексты и др.) вовлекаются и в продуктивные, и в оригинальные схемы образования новых единиц и их функционирования. В данном процессе важна узнаваемость мотивирующих и псевдомотивирующих источников, степень новизны и оригинальности, обуславливающие эмоционально-экспрессивное наполнение новообразований. Известно, что экспрессивность в языке противопоставлена информативной функции. Как признак неформальной коммуникации, она обусловлена эвристической силой оригинальных суждений и форм выражения мысли. Новые планы выражения комплексных в основе смыслов призваны передавать значение «присутствия человека в языке» [4, 36] и удивлять творческими находками. С этой целью используются самые разные приемы экспрессивизации текстов. Например:

1. Использование в качестве производящих стилистически маркированных (обычно сниженных) слов или слов, несущих семантику осуждаемых в традиции явлений, а в качестве словообразовательных средств — известных аффиксальных морфем и словообразовательных моделей: *лохушка*, *безбабье*, *безразвратно* (в граффити), *кобелировать* (в кинофильме «Дорога в пустоту»). См. дефиниции производящих единиц:

Лох — *Пренебр. или презр. жарг.* 2. Простак, слишком доверчивый, наивный человек, которого легко обмануть. 3. *Бран.* О любом неопытном, неловком, неумелом, непрофессиональном человеке [17].

Баба — 3. *Прост.* Женщина вообще [14].

Разврат — 1. Половая распущенность, ... 2. Испорченность общественных нравов, моральное разложение. 3. *Разг.* Избалованность, привычка к излишествам [14].

Кобель — ... // *Груб. прост.* О похотливом мужчине [14].

2. Корреляция с несколькими производящими (или псевдопроизводящими). Например, окказионализм *придурочка* в качестве «женской» номинации словообразовательно связан с известной «мужской» номинацией *придурок* и семантически близок слову *дурочка*. Если в первом случае, помимо нового плана выражения, решена задача нового значения (название представительницы женского пола), то во втором случае значения аналогичны и речь идет, скорее, о псевдопроизводящем значении. В окказионализме *фальшивоминетчица* осознается отсылка к потенциально возможной в языке производящей «мужской» номинации (реально в языке она отсутствует) и к формально схожему псевдопроизводящему слову *фальшивоминетчик*, включенному в языковую игру для создания окказионализма. Слово *дудак* вбирает формальное сходство, семантическую специфику, морфологическую структуру возможных мотивирующих *дурак* и *мудак* («чудак на букву М»). В двух последних примерах к корреляции с несколькими производящими добавляется также прием фонетических трансформаций.

3. Обыгрывание омонимии, при которой окказионализм, будучи формально схожим с единицей языка, представляет собой новое слово в плане словообра-

зования и в плане содержания. Например, слова *электричка*, *соска* (в граффити) в языке не являются окказиональными и широко известны в одном случае в качестве усеченной разговорной номинации неодушевленного предмета «электropоезд», в другом случае — для обозначения неодушевленного предмета «резиновый колпачок, надеваемый на бутылочку с молоком». Однако в граффити данные слова функционируют в качестве «женских» номинаций, первая из которых демонстрирует существующую словообразовательную модель с семантической стилистической сниженности в репрезентации женщины (ср.: *электрик* — *электричка*, *историк* — разг. *историчка*), вторая — исключительно вульгарную семантику в той же репрезентации.

4. Сложение слов (или их частей), которое имеет своим результатом вербализацию узнаваемых слов (морфем), словосочетаний. Например, из приведенных выше примеров это окказионализм *Когданадий* (от *когда надо*), стилизованный под названия элементов химической таблицы (ср.: *ванадий*, *магний* и т. п.); потенциальное слово *рублепровод*, созданное по известной словообразовательной модели. В неформальной коммуникации в связи с оппозитивными и сингулярными установками частотны и такие комбинации единиц языка, которые как бы случайным результатом имеют слова, морфемы, которые обычно неуместны в публичном общении либо с которыми связаны негативные коннотации. Например, окказионализм *Пежопель* (в студенческом граффити объединились *Пежо* и *Опель* и получился *Пежопель*) включает узнаваемый лексический корень (*жоп-*); окказиональный атрибут *черномозговая* в сочетании с грубой «женской» номинацией *кобыла* (в граффити) создает образ внешне непривлекательной и беспросветно глупой женщины (*черные мозги* с очевидностью антонимичны и в этом смысле производны от фразеологизированного сочетания *светлая голова*, используемого для обозначения умного человека).

5. Фонетические трансформации, в результате которых на фоне схожего акцентологического облика, реальной или кажущейся морфологической общности создаются подчеркнуто искусственные, не всегда четко интерпретируемые слова. Например, слова *безуминка*, *щелеустремленность*, *шоферка*, *очковытирательство*, *бычатся*, *бодунее*, *похмелее*, *негееспособен* в соответствующих граффити: *В каждой женщине должна быть своя безуминка; Главное качество таракана — щелеустремленность; Крепче за шоферку держись, баран; Что это вы здесь очковытирательством занимаетесь; Идет качок, бычается; Утро вечера бодунее / похмелее; Негееспособен*. Многие из фонетических трансформаций отсылают к бранным, вульгарным производящим лексемам, например, слова *сирюльник*, *Поносец*, *похер*, в *похеровницах* в граффити: *Цивильный сирюльник; Бронетемкин «Поносец»; Есть еще похер в похеровницах и ягоды в ягодицах*.

6. Использование нечастотных способов словообразования, например усечения или уникальных аффиксальных средств. Результат составляют окказионализмы, конкурирующие с существующими в языке словами. Например, слово *экономик* в граффити (*Ну а завтра снова экономик и декан, спрос, доходы — они загонят нас в капкан*) создано по аналогии с лексическими парами *история — историк*, *техника — техник*. При наличии в языке однокоренного слова *экономист* слово *экономик* в силу новизны и ритмически более подходит для

граффитийного текста. В граффити *Замутиссимо, накуриссимо, приколиссимо и неспалиссимо* окказионализмы в силу корневой общности соотносимы с языковыми формами *замутили, накурились, прикололись, не спали* и синонимичны им, но содержат в составе редкий латинский суффикс превосходной степени *-issimo*. Данный суффикс находится на слуху благодаря рекламе «качественнейшего» йогурта «Даниссимо», а также знаком в театральной среде в составе междометия *брависсимо*, выражающего восхищение и благодарность зрителя. В обоих случаях суффикс используется для выражения позитивной семантики «такой, который нравится, вызывает восторг, доставляет удовольствие». В результате оппозиционность, возникающая на основе необычного сочетания русских глагольных основ и латинского суффикса, мотивированных суффиксом положительных коннотаций и обозначений не самых позитивных проявлений и состояний человека, на основе использования необычных форм для выражения обычных смыслов (синонимичных смыслам, выраженным обычными формами), безусловно, не может не экспрессивизировать текст.

7. Использование окказиональной аббревиации и акронимов. Например: *ЯрГУ — якобы ребенок где-то учится; СТУДЕНТ: Сонное, Теоретически Умное Дитя, Естественно Не желающее Трудиться*.

8. Сочетание нескольких приемов словообразования. Например, окказиональное граффити *Свиноболтус редкозубикус* образовано сочетанием двух окказионализмов, каждый из которых создан сложением основ и прибавлением латинского суффикса, обеспечивающего терминологическую стилизацию граффити. Экспрессивность новообразований достигается за счет контраста кажущейся принадлежности слов научному стилю (благодаря форме) и мотивирующих источников — грубых, бранных номинаций человека (*свин, свинья, оболтус*) и негативно-коннотативного характерологического сочетания *редкие зубы* (ассоциируется с внешней непривлекательностью человека).

Наблюдения за языковой игрой в условиях неформальной коммуникации позволяют говорить о синергетичном характере творческих вербализаций и интерпретаций, когда при создании и восприятии дискурсивного продукта наблюдается соревновательность формы, смысла, интерпретаций, т. е. одна творческая находка порождает другую (хотя и разного эстетического и этического характера).

Итак, анализируя вариативные терминологические презентации неформальной коммуникации, можно сделать следующие выводы. Во-первых, неформальная коммуникация — это сфера массовой культуры, в которой творчески настроенные социумы создают отличные от диктуемого доминирующей культурой (протоколом, условностями делового общения) репрезентации окружающего мира. Как факт языка неформальная коммуникация использует присущие языку формальные оболочки (морфемные, словесные) и привычные синтагматические цепочки. Как частный язык, обслуживающий массовую культуру, неформальная коммуникация демонстрирует подчеркнуто активное, трансформирующее отношение к средствам языка, их производящему и экспрессивному потенциалу, в связи с чем чрезвычайно динамичный пласт неформальных речевых практик представляет интерес в аспекте изучения активных процессов в языке.

Во-вторых, неформальная коммуникация демонстрирует системную организацию, проявляющуюся в стабильном лингвокреативном мышлении относительно языка и действительности, во взаимосвязи ряда речетворческих качеств, организующих любой неформально созданный дискурсивный продукт. К таким наиболее важным качествам относятся оппозитивность, сингулярность, языковая игра, экспрессивность, отличающие все инновационные процессы в неформальном использовании языка и всегда прагматически ориентированные на создание впечатляющего коммуникативного эффекта. Оппозитивность отражает установки на организацию текста, сингулярность – приемы организации текста. Языковая игра позволяет реализовать творческие установки и экспрессивизировать дискурсивные тексты с помощью оригинального использования языкового потенциала. Экспрессивность осознается и продуцентами, и реципиентами как коммуникативно значимое качество текста, заключенное в особо «интенсивной» передаче смыслов, впечатление от которых определяется совокупным взаимодействием оппозитивности, сингулярности, языковой игры. Как показывают наблюдения, интерпретативную тенденцию в неформальной коммуникации составляют шуточные, ироничные, нередко скабрезные смыслы, нарушающие автоматическое восприятие привычных единиц языка в привычных конституциях.

В-третьих, терминологические варианты в обозначении неформальной коммуникации («неформальный, неофициальный, естественный + коммуникация, общение») непротиворечивы, так как социологичность (выделяемая для общения) всегда определяет специфику целенаправленности (выделяемой для коммуникации), а целенаправленность, в свою очередь, не может не отражать специфику социологичности. Терминологическое употребление атрибутов «неформальный», «неофициальный», «естественный» при определении коммуникации также является допустимым, так как не противоречит эквиполентному характеру семантических отношений данных слов.

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. 685 с.
2. Будагов Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989. 151 с.
3. Верещагин Е. М. «И в ус не дует»: как сообщают о сингулярном поведении // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М., 2004. С. 31–46.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. 172 с.
5. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 214 с.
6. Дорошенко А. В. Лексико-фразеологический фрагмент языка биржевой субкультуры (на материале английского языка) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 86–97.
7. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998. 368 с.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999. 320 с.
9. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989. С. 77–85.
10. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 101–114.

11. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестн. БГПУ. Сер. : Гуманит. науки (Барнаул). 2001. № 1. С. 4–11.
12. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. 200 с.
13. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. 189 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1985.
15. Стернин И. А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 13–21.
16. Телия В. Н. От редактора // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 8–10.
17. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. 768 с.

Статья поступила в редакцию 25.04.2013 г.

УДК 070.15 + 316.77 + 007

Д. О. Олтаржевский

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КОРПОРАТИВНЫХ МЕДИА

Корпоративные медиа рассматриваются как специфический инструмент социальных коммуникаций и социального управления. Такой подход является новым и актуальным для современной науки. Он обеспечивает научно-теоретическое обоснование деятельности внутрифирменных СМИ и их связь с основными элементами информационного общества. Впервые комплексно проанализировано социальное назначение корпоративных медиа в различных функциональных проявлениях.

Ключевые слова: корпоративные медиа, корпоративная пресса, корпоративные издания, социальные коммуникации, социальная информация, масс-медиа, информационное общество.

Согласно социологическим исследованиям, среднестатистический американский потребитель информации контактирует с медиа более 9 часов 15 минут в день или пять месяцев в году [9, 3]. При этом современный человек становится не просто пассивным реципиентом медиаконтента, но принимает активное участие в его создании, выкладывая разнообразные текстовые комментарии, фото- и видеоматериалы в социальных сетях, блогах, на форумах, файлообменниках. Таким образом, можно говорить о возрастающей социальной роли СМИ, связанной с обменом информационными потоками, формированием общественного мнения, вовлечением индивидуумов в коллективную деятельность и т. д. Данное предположение, на наш взгляд, всецело относится и к корпоративным медиа — особой категории СМИ, издаваемых компаниями, предприятиями, учреждениями с целью информационной поддержки основного вида деятельнос-

ОЛТАРЖЕВСКИЙ Дмитрий Олегович — кандидат филологических наук, ассистент кафедры рекламы и связей с общественностью Института журналистики Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина) (e-mail: oltarzhewskiy@ukr.net).

© Олтаржевский Д. О., 2013

ти. В своем определении Ю. Чемякин раскрывает многообразие спектра разновидностей корпоративных медианосителей: периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, интернет-сайт, интранет-портал или иная форма периодического распространения информации, которые служат интересам определенной корпорации, созданы по ее инициативе и предназначены, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации [7, 6].

Если говорить в целом, общение через средства массовой коммуникации — это такой вид духовного общения, в ходе которого осуществляется обмен социальной информацией между большими группами людей в рамках социальной макросреды с помощью специальных организаций и технических средств сбора, обработки и распространения информации [3, 103]. Понятие массовой информации соответственно характеризует ту информацию, которая производится для потребления массовой аудиторией. Учитывая ее социальную значимость, вместо термина «массовая информация» иногда используют определение «социальная информация», которое, по мнению С. Квита, отражает общественные отношения и связано с различными видами человеческой деятельности, зафиксировано сознанием, опосредовано психологическими факторами, используется для воздействия на других людей [1, 13]. Объемной выглядит трактовка социальной информации, предложенная Г. Лазутиной: вся совокупность информационных продуктов, возникающих в обществе, закрепленных с помощью знаков в том или ином материале [2, 26].

Попытаемся спроецировать приведенные определения на предложенную нами концептуальную модель социального функционирования корпоративных медиа.

Как считает Д. Шевченко, в мировой практике корпоративные издания выполняют социальную функцию. Подобная пресса — это инструмент управления компанией [8]. С этим утверждением можно согласиться отчасти: социальная функция фирменных медиа не ограничивается сферой интересов отдельной корпорации или стимулированием материального производства и экономики в целом. Поскольку компании функционируют в рамках общества и являются его неотъемлемым элементом, возникает потребность в налаживании соответствующих морально-духовных связей бизнеса с социумом. Таким образом, корпоративное издание становится инструментом общественных коммуникаций и одновременно их формой. Среди конечных социальных результатов этой деятельности можно выделить отстаивание принципов общественной и социальной ответственности, гармонизацию отношений между компанией и обществом, управление корпоративным имиджем, согласование личных и корпоративных интересов в коллективе, содействие мотивации и самоидентификации работников, улучшение производственных отношений и т. д. Не стоит сбрасывать со счетов и прагматическую коммуникативную роль внутрифирменных медиа, которые информируют читателя, разъясняют ему положение дел, дают новые знания и одновременно формируют в сознании сотрудников необходимые компании мысли, убеждения.

С экономической точки зрения подавляющее большинство массовых периодических изданий является самостоятельным бизнесом, в котором непосредственная

деятельность газеты или журнала приносит прибыль благодаря реализации тиража или размещению рекламы. В отличие от них, внутрифирменная пресса для издателя — это не автономный бизнес, а, как отмечалось выше, вспомогательное направление деятельности компании, которое способствует достижению основных ее целей. Поэтому и социокоммуникативную роль корпоративных медиа следует рассматривать комплексно, по меньшей мере, с двух позиций: как влияние СМИ на целевую аудиторию и как процесс совершенствования эффективности работы компании, которая в конечном итоге влияет на социально-экономическое развитие общества.

Исходя из уточненных дефиниций, целей и задач, внутрифирменная периодика не просто решает локальные прикладные проблемы бизнес-сообществ, но и выполняет более широкие функции: распространяет социально значимые сообщения, удовлетворяет информационный спрос читателя на «низовом» уровне (т. е. на уровне отдельных производственных коллективов). Так же, как и традиционные СМИ, корпоративные медиа информируют, пропагандируют, формируют мировоззрение, мобилизуют на определенную деятельность, обучают и развлекают. Не случайно Л. Свитич связывает эффекты информационной деятельности с масштабным воздействием на изменения культуры производства, бизнеса, организации работы, обучения, досуга, потребления и т. д., с воздействием на социальные институты, сознание и поведение людей во всех сферах жизнедеятельности [5, 78].

Разумеется, по сравнению с традиционной прессой масштабы социального влияния корпоративных медиа довольно малы. Тем не менее они затрагивают круг самых острых тем в наиболее чувствительной сфере производственно-личностных отношений. Например, изменение фонда заработной платы или введение новых должностей в небольшой бизнес-организации вряд ли станет заметным событием для общественно-политической газеты или глянцевого журнала. А для сотрудников компании, в которой произошло это событие, такая информация является весьма ценной, поскольку от нее напрямую зависит их карьера, благосостояние, жизненные перспективы. Иными словами, концентрируясь на теме трудовых отношений, карьерно-профессиональных вопросах, имеющих особый общественный вес, корпоративные медиа содействуют массовой прессе в точечном социальном информировании локальных аудиторий. Взаимозависимость таких философско-бытийных категорий, как труд, создание духовных и материальных благ, поведение производственного коллектива, а также коммуникации, образующиеся вокруг описанных процессов, — все это неразрывно связано со сферой деятельности современных корпоративных медиа.

Развивая этот тезис, нужно признать, что коммуникационная активность, а следовательно, тематическая направленность фирменных изданий, ограничена преимущественно корпоративной информацией, сообщениями об определенной отрасли или рынке товаров или услуг. Бесспорно, они имеют узкую аудиторию, связанную, как правило, определенной корпоративной культурой, производственными интересами. Однако эти обстоятельства никак не понижают значения корпоративных медиа для социума.

По мнению М. Федотовой, кроме информационной и регулирующей функций, функций социального контроля и социализации личности, которые традиционно выделяются в отечественной теории массовой коммуникации, существует несколько специфических функций корпоративных изданий, таких как имиджевая, формирование корпоративной культуры и трансляция ее ценностей во внутреннюю среду организации, создание единого информационного пространства предприятия [6].

Итак, рассмотрим общественное назначение корпоративных СМИ в различных функциональных проявлениях.

Имиджевая функция корпоративных медиа заключается в формировании образа бизнес-организации, декларировании принципов развития с целью определения ее места в обществе, понятности для общественности статуса и намерений. Сегодня любая работающая на перспективу и заботящаяся о своем авторитете компания стремится осознанно управлять своим имиджем, приумножать не только финансовый, но и репутационный капитал. И корпоративное издание в этом плане как раз предоставляет бизнес-организации возможность наиболее объемно, концентрированно и системно выражать свое отношение к окружающему миру, заявлять о своей миссии, идеях, целях.

Используя лексикон маркетологов, назовем эту функцию «общественным позиционированием компании», которая позволяет организации не столько выделиться среди других, сколько четко обозначить свои координаты в социально-экономической системе, обосновать свою целесообразность. Ведь если общественность хорошо понимает ваши намерения, пусть даже только задекларированные, она благосклонно относится к вашей компании, ее брендам и всему, что с ней связано.

Играя равно заметную роль в организации общественных процессов, формировании связей между отдельными личностями, производственными коллективами, к которым они имеют отношение, фирменные медиа отличаются между собой аудиторным направлением, а следовательно — спектром социальных задач. Внешние корпоративные СМИ, ориентированные на партнеров, клиентов, конечных потребителей, рассказывают преимущественно о рыночных новинках, качественных характеристиках предлагаемых компанией товаров или услуг, предоставляя необходимую информацию для осознанного выбора. Внутренние корпоративные издания, направленные в основном на персонал организаций, информируют читателей обо всем, что связано с местом их работы.

Социальная специфика фирменной периодики заключается и в определенной **информационно-разъяснительной функции**. Вот почему этот вид СМИ следует рассматривать в том числе и как средство усиления социального диалога, установления взаимопонимания, оптимизации информационного поля внутри коллектива и организации в целом. Таким образом, одна из главных задач корпоративной прессы — урегулирование социальной стороны экономических отношений. А с другой стороны, целью разъяснения политики компании, задач и принципов ее работы, информирования о ее деятельности является повышение общей эффективности всех процессов в компании, формирование ее долгосрочных конкурентных преимуществ.

Если говорить о влиянии корпоративной периодики на общественные процессы, нельзя обойти вниманием ее *воспитательную функцию*, которая характеризуется социализацией, трудовой ориентацией, духовным единением граждан вокруг процессов общественно-производственной деятельности. Механизм этого взаимодействия выглядит следующим образом. Внутренние СМИ информируют аудиторию о важных новостях, стратегических решениях, заметных событиях в жизни компании и рынка, тем самым несут в массы определенную культуру, нормы поведения, которые прямо или косвенно влияют на осознание результатов труда, ощущение работы в команде, наконец, на профессиональное и карьерное развитие сотрудников, их интеллектуальный уровень и моральный облик.

Одновременно воспитательное назначение корпоративных медиа является специфическим, поскольку они прививают морально-культурные ценности не абстрактным массам, а членам локального информационного общества, конкретного коллектива компании, предприятия, учреждения. В идеале внутренние СМИ могут оказывать такое влияние на сознание читателей даже эффективнее, чем традиционные массовые издания.

Во-первых, как уже было сказано, их аудитория сравнительно невелика, она является гомогенной и подготовленной для восприятия информации. Иными словами, информационные послы корпоративного медиа чаще всего не рассеиваются, а попадают напрямик в благодатную почву своей целевой аудитории. Во-вторых, коммуникационное взаимодействие основывается на уже возведенном духовном фундаменте — производственных отношениях, корпоративной солидарности, культуре, традициях, которые сами по себе рождаются и существуют в коллективах. В-третьих, компания — основатель корпоративного СМИ прямо заинтересована, чтобы создать в своем коллективе положительную информационную атмосферу, необходимую для комфортной работы. Вот почему такое издание никогда не напечатает фото окровавленного работника, которому оторвало руку фабричным прессом, и не опубликует статьи, замешанные исключительно на сенсациях, ужасах или курьезах.

То есть в отличие от традиционных массмедиа корпоративная пресса стремится не столько всячески удовлетворять читательские прихоти, сколько формировать определенный положительный стереотип поведения людей, необходимый организации для достижения собственных бизнес-целей. На это обращают внимание и исследователи: «Независимые СМИ в своем стремлении к “негативу”, “чернухе”, скандалам и сплетням настолько “перегнули палку”, что перед многими организациями стоит задача донести до общественности свои позиции и мысли без искажений, сообщить о своих достижениях и планах. Корпоративные, организационные газеты и журналы лучше всего соответствуют этим целям...» [4, 28]. В настоящее время корпоративные медиа вряд ли могут довольствоваться одной лишь функцией отражения жизни компании. Они призваны не просто фиксировать корпоративную хронику, а формировать определенную духовную среду, социальный контекст, конструировать в сознании внешней и внутренней аудитории представление о деятельности бизнес-организации.

Не менее важна и такая общественно значимая функция корпоративных медиа, как **обеспечение профессионального общения**. Зачастую в компаниях специалисты, разрабатывающие новейшие производственные технологии, бизнес-решения, из-за внутренней и внешней конкуренции не спешат делиться с окружающими результатами своего труда. Другое дело — корпоративное издание. Здесь обмен профессиональными мнениями происходит между коллегами, работающими над решением общих проблем в одном коллективе. При таких условиях работники испытывают потребность в том, чтобы заявить о собственных достижениях, почерпнуть определенную полезную информацию от других. Поэтому корпоративное издание способствует развитию профессионалов внутри коллектива, распространению полезного опыта, а также объединению усилий, большей осведомленности работников о том, чем занимаются члены одной команды.

Кроме того, каждый человек в наибольшей степени раскрывает себя именно на рабочем месте, поэтому участие в процессе самоидентификации работника с точки зрения формирования личности также можно рассматривать как важную социальную функцию корпоративного издания.

Очевидно, что работа является местом не только профессионального, но и повседневного межличностного общения, тон которого существенно влияет на психологическую атмосферу в коллективе. Внутренние издания способны организовать обратную связь с аудиторией, инициировать определенные дискуссии вокруг актуальных вопросов. На их страницах можно обменяться «нерабочей» информацией, поздравить коллегу со знаменательным событием и даже попробовать свои силы в эпистолярном жанре. Иными словами, корпоративная пресса представляет собой определенную коммуникационную площадку, место для социализации, самовыражения сотрудников, что также является положительной чертой, значимость которой в будущем будет все более усиливаться, параллельно с ростом роли корпоративной культуры, этики и психологии производственных отношений компаний.

Учитывая функциональные возможности и особенности деятельности в современном обществе, корпоративные медиа можно назвать сотовыми. Они работают как самодостаточный коммуникативный инструмент во многих разрозненных по профессиональному признаку и бизнес-интересам общественных группах, напоминающих соты в пчелином улье. Такие закрытые социальные ячейки требуют внутреннего эффективного управления информацией, репутационного менеджмента, идеологической ориентации персонала и т. п. Все эти функции в компании или организации, т. е. внутри каждой условно замкнутой информационной соты, и выполняют корпоративные медиа. Именно так можно охарактеризовать их работу на микроуровне. Если же посмотреть на деятельность корпоративных медиа шире, то картина выглядит следующим образом.

С одной стороны, внутрифирменные СМИ качественно отстраивают внутри локальные информационные соты, одновременно способствуя совершенствованию как индивидуального, так и коллективного сознания, что в конечном итоге положительно влияет на социально-экономическое развитие общества

в целом. С другой стороны, корпоративные медиа постепенно образуют свою параллельную коммуникационную систему, которая удовлетворяет новые персонифицированные информационные потребности социума.

Вообще, основной особенностью журналистики как социального института является предоставление аудитории информации, ее анализ или полемическое и публицистическое осмысление, на основе которых конкретные индивидуумы и аудитория в целом принимают конкретные решения и прибегают к конкретным действиям. Журналистика выполняет посредническую функцию в системе взаимодействия индивидуумов, из которых состоит общество, и социальных институтов, призванных обеспечивать системную жизнедеятельность и развитие социума. Реализуя функции журналистики, корпоративные медиа дополняют систему массовых коммуникаций, развивают информационное общество, основы которого базируются на реализации спроса и предложения информационных сообщений.

Выводы

Корпоративные медиа активно развиваются в социально-информационном пространстве, становятся его неотъемлемой частью, участвуют в общественных коммуникациях. С одной стороны, они создают медийный контент о жизни компаний или организаций, их целях, достижениях, проблемах и перспективах, который способен мигрировать в глобальное информационное пространство. С другой стороны, корпоративные медиа черпают нужную информацию из массовых коммуникационных каналов, творчески переосмысливая ее и адаптируя для нужд своей аудитории. Это свидетельствует о том, что корпоративные медиа являются активными субъектами коммуникационной деятельности и инструментами обмена важной социальной информацией.

Следует отметить, что корпоративные медиа представляют собой особый институт общественного мнения, возникший в ответ на усложнение социально-коммуникативных запросов аудитории. Несмотря на малый охват, они формируют и выражают общественное мнение, направляют массы и их действия на достижение определенных результатов. На личностном уровне они влияют на выбор человеком линии поведения, помогают ему определить ценностные ориентиры, сформировать индивидуальную мысль, перерастающую в необходимость совершения определенных социальных действий. Фирменные СМИ способны также опосредованно влиять на повышение результатов деятельности самого человека, на степень его трудовой и общественной активности, на практический выбор форм, методов и приемов исполнения им профессиональных, должностных обязанностей. Все эти функции осуществляются журналистскими методами разъяснения, убеждения, внушения, т. е. методами воздействия на чувства и разум аудитории в оптимальном соотношении рационального и эмоционального. На коллективном уровне корпоративные медиа способствуют концентрации моральных и волевых усилий человека на том, чтобы держаться в рамках избранной линии поведения, направленной на осуществление общественно полезных действий.

Общественная система в целом (и особенно деятельность каждой отдельной организации) предусматривает определенную стереотипизацию мышления и поведения людей, программирование на определенный метод существования. А сам коллектив, который является одним из главных звеньев в отношении между социумом и личностью, нуждается в регулировании его жизни изнутри, причем не только в производственно-профессиональной сфере. Таким образом, корпоративное медиа начинает играть роль барометра общественных отношений в производственных коллективах, расставляет ориентиры идейного и морального толка, задает тональность повседневной жизни работников. Это становится особенно ценным в связи с неуклонным повышением роли коллектива в социальной структуре общества. Вот почему перед корпоративными изданиями открываются все новые горизонты в сфере не только массовых коммуникаций, но и социального управления.

-
1. *Квіт С. М.* Масові комунікації. Київ, 2008. 206 с.
 2. *Лазутина Г. В.* Основы творческой деятельности журналиста. М., 2004. 240 с.
 3. *Москаленко А. З., Губерський Л. В., Иванов В. Ф.* Основы масово-інформаційної діяльності. Київ, 1999. 634 с.
 4. *Пономарев С.* Типы текстов в public relations // Советник. 2001. № 4. С. 26–28.
 5. *Свитич Л. Г.* Феномен журнализма. М., 2000. 252 с.
 6. *Федотова М. Г.* Корпоративное издание и коммуникационная стратегия предприятия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.promgupss.ru/publisher/txt1/more.php?more=42>.
 7. *Чемякин Ю. В.* Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург, 2006. 184 с.
 8. *Шевченко Д.* Корпоративная газета – зеркало фирмы [Электронный ресурс]. URL: http://www.hr-land.com/pages/korporativnaya_gazeta_zerkalo_firmy.html.
 9. *Straubhaar D.* Media now: understanding media, culture, and technology. Boston, MA, 2012. 592 p.

Статья поступила в редакцию 15.05.2013 г.

УДК 070.1 + 316.7 + 316.647 + 81:39

Е. К. Рева

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается взаимодействие этнологии, культурологии и журналистики. Предлагается по-новому взглянуть как на способ урегулирования межнациональных отношений, так и непосредственно на журналистику, содержащую национально-культурный компонент и являющуюся важным звеном в построении межкультурного диалога.

Ключевые слова: этнология, культурология, журналистика, национальная культура, толерантность.

Изучение журналистики в межнациональном контексте не может быть осуществлено без анализа совокупного функционирования таких категорий, как этнология и культурология. Предлагаемый междисциплинарный и системно-интегративный подход к исследованию периодической печати с точки зрения репрезентации этнокультуры народов Северного Кавказа позволяет актуализировать и конкретизировать внутренне связанные с указанными категориями понятия «этничность», «самоидентификация», «историческая память», «культурная память» и т. п., определить механизмы, способные влиять на сознание современного общества; последнее, с учетом историко-культурных реалий настоящего времени, требует инновационных методов и концепций, способствующих пониманию глубинных основ системы идеалов, ценностей, которые доминируют в каждой конкретной (национальной) культуре, и обуславливающих поведение ее представителей.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить значение взаимодействия этнологии, культурологии и журналистики для выявления существенных признаков культуры как атрибута принадлежности конкретной этнической группе. Методологическую основу данной работы составили труды В. С. Агеева, Ю. В. Арутюняна, Е. В. Ахмадулина, М. М. Бахтина, Л. М. Дробижевой, А. Г. Здравомыслова, Л. Г. Ионина, И. В. Кондакова, Т. М. Мастюгиной, Л. С. Перепелкина, Ю. П. Платонова, Г. Г. Шпета.

Учитывая, что культура представляет собой разноплановую реальность, эта категория в аспекте предлагаемого исследования будет рассматриваться как основная компонента образа нации. Целесообразность такого подхода подкрепляется имеющейся терминологической базой в этнологии и смежных с нею областях научного знания — этносоциологии, этнопсихологии, этнопедагогике. Культурология в современном понимании есть набор «частнонаучных подходов к своему предмету (культуре) — социологического, психологического, этноло-

гического (курсив наш. — Е. Р.), политологического, семиотического, экологического и тому подобное, которые в сумме и составляют обобщенное проблемное поле междисциплинарных исследований культуры» [9, 287].

Этнология, изучающая разнообразие человеческих культур, — наука «космополитическая» в том смысле, что «она исходно, в своем “профессиональном кодексе”, содержит представление о равноценности всех этнических групп, культур, языков, народов» [11, 7]. Такой характеристике этнологии во многом способствовало возникновение в первые десятилетия XX в. понятия этничности, фиксирующего своеобразие данного этноса в совокупности его культурных черт. Однако в 20-е гг. XX столетия, отмеченные как период национально-государственного строительства, в партийных кругах принцип этничности осознанно не культивировался, поскольку политические силы требовали от рабочего класса «слияния всех рабочих <...> государства, независимо от их национальности, в единых пролетарских организациях», а самоопределение стало пониматься как «требование равенства всех национальных групп в рамках социалистического строя» [Там же, 204, 221]. Не акцентировался принцип национального самоопределения и в последующие годы, о чем свидетельствует Конституция СССР 1936 и 1977 гг. Согласно этому документу, народы в условиях многоступенчатой национально-государственной структуры (Союз — союзная республика — автономная республика — автономная область) приобрели так называемый статус официального ранга. Глобальные изменения в обществе, начавшиеся в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., вызвали появление в науке обстоятельных обзоров национально-культурной обстановки в стране в советский период ее развития. Обозначенный период — время активного роста национального самосознания, которое, учитывая исторический контекст эпохи, можно назвать весьма проблематичным. Последствия того периода обнаруживают себя и сейчас во взаимоотношениях между центральной частью России и республиками Северного Кавказа. Между тем в настоящий момент приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации является стабилизация межнациональной ситуации. Реалии «нового» времени, находящие отклик в журналистике, привели к более яркому социализирующему характеру идеологической деятельности института СМИ: «введение человека в мир общественных отношений на стороне той или иной силы — носителя идеологии» — основной принцип в процессе урегулирования межкультурных связей. И культура, формируемая в идеологическом контексте, нацелена «прежде всего на формирование определенного отношения к современным явлениям и далее (на этой базе) — на формирование мотивов и стимулов социальной активности» [15, 77–78]. Следовательно, в решении вопроса межнационального взаимодействия одним из ключевых понятий выступает культура. Вместе с тем культура — это результат исторического и коллективного опыта людей, национальные ценности, доминирующие в этнической общности и проникающие в быт и семейный уклад ее представителей, передающиеся из поколения в поколение и являющиеся незыблемыми в сознании нации. Предмет этносоциологического изучения культуры составляют ценностные, культурные ориентации, их динамика, а также нормы, идеи, позиции, представления, которые преобладают в национальных

группах. Для журналистики, фиксирующей текущие процессы современности, воспроизводящей факты прошлого, учет этносоциологического опыта необходим, поскольку культурно ориентированная медиасистема, как и социология, «неизбежно становится инструментом анализа исторической трансформации» [8, 260].

Немаловажным обстоятельством для идеологического вектора журналистики в контексте поликультурных отношений является тип межэтнического взаимодействия, доминирующий или стремящийся к преобладающему влиянию в конкретном обществе, государстве. Принято выделять два направления межэтнических взаимоотношений: ассимиляция, предполагающая не только принятие членами той или иной этнической общности культуры другого народа, но и трансформацию этнической принадлежности, национального осознания; этнокультурный изоляционизм — тип отношений, свойственный ситуациям конфликтных взаимодействий [2, 146–147].

Однако поскольку предложенная дифференциация межэтнических взаимодействий конкретизируется понятиями, служащими основой такого деления (бытовая культура, социальные и нравственные ценности), на наш взгляд, она не раскрывает степень контактности этносов в пределах многонационального государства. Более адаптированной к ситуации в нашей стране выглядит классификация А. Г. Здравомыслова, который выделяет установки массового сознания исходя из межэтнических отношений: этноцентризм, который обнаруживает себя, прежде всего, в условиях конфликта и напряженной межнациональной обстановки; общегражданская установка, содержащая в себе «следы интернационального воспитания». Исследователь обращается в большей мере к категориям, выражающим чувства, эмоции, оперирует такими конструктами, как «симпатия», «доброжелательность», «позитивные» или «негативные» оценки, утверждая, что «восприятие другой национальной группы определяется частотой контактов с нею» [7, 131, 136–137]. Такой подход объясняется имеющейся системно-структурной характеристикой взаимоотношений народов в этнической психологии, когда акцентируется изучение отношений в контексте таких явлений, как аттракция — возникновение симпатии при восприятии одного человека другим, при этом важным условием восприятия является этническая принадлежность, и аффилиация — стремление этнофора быть в окружении представителей комплиментарных этносов, уверенность в поддержке [13, 122]. Рассматривая диспозиции (отношения и установки) различных уровней в качестве высшего уровня диспозиционной иерархии, правомерно говорить и о системе ценностных ориентаций как системообразующих мотивах жизнеустройства, которые детерминированы общими социальными условиями жизни конкретного человека и этноса в целом. Не всегда и не все контакты между представителями этнических групп однозначно ведут к стабилизации отношений. Поэтому важно учитывать, что прямое взаимодействие между представителями различных групп не свидетельствует о снижении этноцентризма, создании атмосферы доверия, способствующей улучшению отношений между группами. Причины тому исследователи видят в предшествующей напряженности в межэтнических отношениях, отрицательных установках, вызванных недостат-

ком информированности об этносах [1, 115]. Исходя из этого, считаем целесообразным соотнести указанные причины с нарушением следующих функций журналистики, которые выделяет Е. В. Ахмадулин: функции социальной адаптации, способствующей «приспособлению членов аудитории к условиям жизни в конкретной окружающей среде, социализации — усвоению социально-культурного опыта, навыков, знаний, норм ценностей, традиций, накапливаемых и передаваемых из поколения к поколению — в данном конкретном обществе, в системе его общественных отношений»; интегрирующей функции, которая «направлена на сохранение целостности общества и государства в рамках единого информационного пространства; она нацелена на достижение в обществе духовного единства и согласия»; регулирующей функции, ориентированной на «достижение определенных перемен в социальной практике, в поведении социальных институтов, социальных групп, общностей людей и отдельных индивидов» [3, 220–221]. То есть средства массовой коммуникации могут добиваться определенных социальных действий в среде жизнедеятельности аудитории, в результате чего люди получают «целеполагающую информацию» и социальные ориентации, координирующие их действия. Одним из основополагающих компонентов каждой из перечисленных функций журналистики является категория культуры, которая выступает не только эстетическим, но и социологическим понятием и, как мы считаем, способна играть немаловажную роль в информационном процессе межэтнического регулирования отношений. Так, в контексте функции социальной адаптации публикации в средствах массовой информации, посвященные культурной основе этносов, приближат аудиторию к пониманию сущностной природы народов, глубинного содержания их жизни, мотивационных векторов, определяющих их поведенческие установки и регламентирующих нравственные нормы. Интегрирующая функция, нацеленная на достижение в обществе духовной целостности и согласия, направленная на снятие возможных проблемных ситуаций и достижение взаимопонимания, также содержит в себе культурную компоненту. Особенно значима эта функция в нашем многонациональном государстве: знакомство с особенностями национальной культуры вырабатывает в обществе позиции толерантности, т. е. признания «иных ценностей, взглядов, обычаев как равноправных с привычными “своими” ценностями, взглядами и обычаями, вне зависимости от степени согласия с ними» [10, 8]. Актуальность этого фактора подчеркивает Президент Российской Федерации. В Послании Федеральному собранию (от 12.12.2012 г.) В. В. Путин, имея в виду также и национальный аспект, делает акцент на том, что «в нашем многообразии всегда была красота и сила» [14]. Сохранению этой тенденции способствует пристальное внимание средств массовой информации к национальной культуре всех проживающих на территории России народов, систематичность информирования о ее специфике и репрезентация этнокультурных ценностей. Регулирующая функция журналистики, имеющая целью социально скоординировать действия аудитории, также в той или иной степени предполагает наличие категории культуры: этнокультурная грамотность массового читателя (зрителя, слушателя) позволит ему считаться с ценностями другой культуры. В связи с этим становится актуальным понятие толерантного

отношения, в содержательной характеристике которого главным выступает то, что оно связано с любовью, дружбой, уважением, принятием и, следовательно, исключает ненависть, вражду, презрение и отвержение. При этом место негативных отношений «не обязательно занимают противоположные отношения; очень часто эмоциональным фоном толерантности служит абсолютно нейтральное отношение», которое не рекомендуется отождествлять с равнодушием [10, 9]. Следовательно, осведомленность массовой аудитории о национальной культуре тех или иных народов препятствует возникновению негативной реакции, имеющей в своей основе националистические предпосылки.

В. М. Березин, определяющий категориальное содержание культуры с точки зрения ее функционирования в журналистике, уделяет особое внимание важной для нас проблеме роли журналистики в межнациональных отношениях. Он подчеркивает, что культура как коммуникация — «это пласт, срез подобного информационного изобилия, в котором человек создает, структурирует себя посредством ассоциаций, вызванных этими элементами инфосферы. Это происходит в первую очередь с помощью ассоциаций, связанных с нравственным, эстетическим опытом человечества, традициями народной, национальной, в том числе — религиозной культуры» [6, 145]. Таким образом, ученый обращается к самобытным началам, являющимся ключевыми в понимании образа нации. Актуализация этого фактора способствует не только пониманию этноса через материальную (определенную) культуру, но и, что, на наш взгляд, наиболее важно в аспекте межнациональных отношений, через осознание духовной сферы, которая предопределяет мировосприятие нации.

Культура, в свою очередь, также является функциональной категорией. Ей присущи следующие свойства: социальность — «в ней всегда обязательно присутствует момент взаимодействия людей, она создается в обществе, является его функцией»; преемственность — «культура не может существовать без передачи опыта от поколения к поколению, которая обеспечивает ее развитие»; знаковость — «вся культура может быть представлена как знаковая система, любой ее объект в процессе создания наделяется знаково-символическим смыслом» [12, 200].

Журналистика, репрезентируя особенности национальной культуры, придает смысловую значимость не только этнокультурной сущности нации, но и непосредственно тому образу этноса, который отображается в журналистском материале. В своем исследовании «Вопросы литературы и эстетики» М. М. Бахтин пишет о том, что «ни одна культурная ценность <...> не может и не должна остаться на ступени простой наличности, голой фактичности психологического или исторического порядка; только систематическое определение в смысловом единстве культуры преодолевает фактичность культурной ценности», и далее: «факт и чисто фактическое своеобразие не имеют права голоса; чтобы его получить, им нужно стать смыслом» [4, 9–10]. Адаптация суждений М. М. Бахтина к проблеме взаимодействия журналистики и культурологии приводит к выводу, что журналистика — способ ретрансляции национальных культурных ценностей этноса и своеобразный инструмент, способный в контексте межэтнических отношений актуализировать духовно-нравственное содержание жизни

этноса. Наряду с этим журналистика усиливает функциональную роль культуры в обществе и укрепляет ее свойства:

— репрезентация этнокультуры акцентирует ее социальность, т. е. посредством отражения в тексте национальных духовных доминант этнической группы повышается эффективность процесса межкультурной коммуникации, а понимание этнокультурной природы этноса ведет к стабилизации межнационального диалога;

— журналистика «обеспечивает» культуре преемственность, выступая письменным (устным) источником ее передачи последующим поколениям;

— семиотическая природа культуры, не всегда понятная в процессе бытового общения, акцентируется посредством этнокультурной представленности в журналистике; авторский комментарий расшифровывает символичность национальных поведенческих особенностей, ритуалов, обычаев, межличностного взаимодействия членов этнической группы.

Таким образом, журналистика способна отразить «дух», «душу», «характер» нации, категории, которые этнопсихолог Г. Г. Шпет выделяет как основные применительно к нации. Суждения и выводы, представленные в его знаменитой работе «Введение в этническую психологию», помогают нам продемонстрировать значимость репрезентативных возможностей журналистики в этнокультурном аспекте. Г. Г. Шпет пишет: «Каждый исторически образующийся коллектив — народ, класс, союз, город, деревня и т. д. — *по-своему* воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит объективно текущую обстановку, условия бытия, само это бытие — и именно в *этом его отношении ко всему*, что объективно есть, выражается его “дух”, или “душа”, или “характер” в реальном смысле» [16, 479]. Журналистика, обладая большим арсеналом методов и приемов, способна передать «характер» этноса, показать его «дух» и «душу». Следуя за положениями, выдвигаемыми ученым, скажем, что репрезентация национальных культурных ценностей средствами массовой информации учит «читать “выражение” культуры и социальной жизни так, чтобы и смысл их понять, и овевающие его субъективные настроения симпатически уловить, прочувствовать, со-пережить» [Там же, 480]. Этнопсихологическая точка зрения Г. Г. Шпета неразрывно связана с культурологическим содержанием его теории, поскольку он акцентирует сущностные основы жизни народа, которые составляют культурный базис этноса: «“Духовный уклад” народа есть величина меняющаяся, но неизменно присутствующая при всяком полном социальном переживании», «определяющие источники всякого конкретного переживания лежат в духовном укладе, *который предопределяет действия и переживания* (курсив наш. — Е. Р.) не только индивида, но и всякой группы» [Там же, 574].

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. 240 с.

2. Аратюнян Ю. В., Дробижнева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология : учеб. пособие для вузов. М., 1998. 271 с.

3. *Ахмадулин Е. В.* Основы теории журналистики : учеб. пособие. Москва ; Ростов н/Д, 2008. 320 с.
4. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 809 с.
5. *Бердяев Н. А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 205 с.
6. *Березин В. М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003. 149 с.
7. *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999. 286 с.
8. *Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие : учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 431 с.
9. *Кондаков И. В.* История культурологической мысли // Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. СПб., 1998. Т. 1. 447 с.
10. *Леонтьев Д. А.* К операционализации понятия «толерантность» // Вопр. психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
11. *Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С.* Этнология. Народы России: история и современное положение : учеб. пособие. М., 1997. 320 с.
12. *Набок И. Л.* Педагогика межнационального общения. М., 2010. 304 с.
13. *Платонов Ю. П.* Психология национального характера : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2007. 240 с.
14. Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/17118> (дата обращения: 7.04.2013).
15. *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики : учебник для студентов вузов. М., 2009. 351 с.
16. *Шпет Г. Г.* Предмет и задачи этнической психологии // Сочинения. М., 1989. 601 с.

Статья поступила в редакцию 30.04.2013 г.

УДК 316.343:070.1 + 316.462:070.1 + 347.152:070.1

В. А. Тихомиров

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматривается изменение функций СМИ в современном обществе — переход от «коллективного пропагандиста и агитатора» к функциям создания «полной информационной картины дня», политического просвещения и общественного контроля над властью. Анализируются субъективные и объективные факторы, препятствующие этому. Проблемы обсуждаются в контексте диалектики свободы и ответственности СМИ.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный контроль, функции СМИ, власть, диалектика свободы и ответственности.

В теории российской журналистики постсоветского периода вопрос о ее функциях, проявляющихся через систему СМИ, хотя и находит отражение, однако говорить о достаточно целостной концепции пока не приходится. Это связано с пограничным состоянием российских СМИ, социальной эклектикой их положения: многие из них уже тотально не зависят от власти, однако еще полностью не освободились ни от ее влияния, ни от влияния крупного капитала, ни от рудиментов прежних представлений о роли СМИ, которые господствуют в умах немалой части журналистского корпуса, органов власти и общественных институтов.

Этот факт наиболее серьезные исследователи в области журналистики отмечают и в печати, и на различных профессиональных форумах. Показательно, что чаще всего современное состояние журналистики и СМИ связывается с отсутствием в России полноценного гражданского общества. Так, например, главный редактор журнала «Журналист» Геннадий Мальцев пишет: «Медленно, очень медленно идет становление гражданского общества... в России нет такой территории, где пресса была бы свободной в полном объеме. Телевизионные каналы, ведущие газеты идут путем, который обозначил им тот или иной руководитель региона или их так называемый “независимый” хозяин. И не стесняются даже об этом говорить. А кто сопротивляется или там смеет собственную точку зрения иметь, то удавка найдется или экономическая... а то и физическая. Мы отстаем от цивилизованного мира, хотя и там проблем достаточно. Гласность и свобода слова нуждаются в защите. Доступ к информации — проблема из проблем. Давление владельцев на СМИ — само собой разумеющееся» [3, 1].

Относительно свободная российская журналистика постсоветского периода находится в стадии становления и пока, естественно, за очень короткий отрезок времени в полной мере не восприняла многовековые традиции либертарианства,

ТИХОМИРОВ Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью Забайкальского государственного университета, г. Чита (e-mail: tihomirov49@mail.ru).

существующие в развитых демократических странах и отражающиеся в настоящей исторической период в модели социальной ответственности прессы [9]. Зависимое от власти и крупного капитала положение российских СМИ, ставшее результатом их несовершенной правовой, экономической, организационной и социальной базы, является причиной многих искажений в оценке роли и функций современных российских СМИ и журналистики. Поэтому, как представляется, необходимо отделить зерна от плевел.

Журналистика в системе российских СМИ не может сегодня рассматриваться как пресса гражданского общества, поскольку:

- власть в России по-прежнему в значительной степени централизована, в ее ведении находятся огромные ресурсы, вследствие чего она финансово и организационно контролирует многие СМИ и напрямую влияет на информационную политику средств массовой информации;

- крупный капитал в России получил невиданные в развитых демократических странах возможности приобретать в собственность средства массовой информации, включая каналы ТВ, имеющие общенациональный статус;

- в обществе не сложились традиции профессии журналиста и журналистики как общественного института, главной задачей которой является служение обществу: немалая часть журналистов, особенно старшего поколения, до сих пор видит свою задачу в пропагандистском обслуживании власти или других владельцев СМИ из числа олигархов;

- большая часть общества не готова воспринимать СМИ в качестве свободного выразителя его интересов и не рассматривает прессу как средство общественного контроля над органами власти, этому способствует униженное положение немалой части СМИ перед властью и крупным капиталом;

- общество справедливо предъявляет претензии ко многим СМИ, видя их отношение к общечеловеческим интересам и ценностям.

Учитывая данные факторы, выработка некоей целостной теории трансформации функций журналистики в современных реалиях, как представляется, зависит от совершенствования политической системы общества, главная задача которой — движение к гражданскому обществу. Но именно в этом и содержится основная сложность. Дело в том, что, как справедливо замечает Е. П. Прохоров, «в обществе, где признан и реализуется идейный плюрализм, где существует возможность придерживаться различных взглядов и выражать различные мнения, фактом являются различные трактовки содержания функций журналистики» [7, 126]. Разброс мнений большой. Немалая часть журналистов до сих пор склонна рассматривать СМИ как «пропагандиста, агитатора и коллективного организатора», невзирая на кардинально изменившиеся социальные условия и смену общественно-экономической формации в России. В этом контексте разнообразие трактовок функциональных проявлений СМИ есть следствие неопределенности и противоречий переходного периода в развитии российского общества.

Наша задача — указать на совершенно определенные, ярко выраженные функции журналистики (как общественного института и системы средств массовой информации), в соответствии со сложившимися условиями функциони-

рования СМИ. При этом функции (от лат. *function* — обязанность, характер деятельности) современной журналистики необходимо рассматривать как в их индивидуальных доминирующих проявлениях, так и в совокупности проявлений. От выполнения этой задачи будет зависеть и определение роли журналистики и СМИ в условиях формирующегося гражданского общества.

В рамках данной статьи, разумеется, мы не можем выполнить эту задачу в комплексе. Поэтому есть смысл сосредоточить внимание на одной из самых проблемных функций современной журналистики — функции общественного контроля над властью.

На мой взгляд, в дискурсе данной проблемы существует, по крайней мере, три подпроблемы, не решив которые, мы не сможем понять суть функции общественного контроля СМИ и журналистики над всеми формами власти — законодательной, исполнительной и судебной. Какие же это три подпроблемы? Во-первых, неверное понимание властными структурами роли и места (а значит, и функционального проявления) СМИ и института журналистики в целом; во-вторых, заблуждение на этот счет у значительной части журналистов и даже руководителей СМИ; в-третьих, отсутствие у общества и его гражданских структур четкого осознания роли и места СМИ и журналистики.

Итак, почему сегодня власть предпочитает рассматривать СМИ как свой инструмент с ярко выраженной пропагандистской задачей? Она не ослабляет финансовый поводок СМИ, осуществляет, вопреки действующему законодательству, скрытую или явную цензуру, вмешивается в организационные дела редакций, теле- и радиокompаний, использует подкуп или различного рода административное давление на журналистов.

Проблема настолько остра и настолько противоречит провозглашенной задаче построения гражданского общества (где СМИ выполняют функцию «четвертой власти», т. е. независимы от всех форм власти, действуют исключительно в рамках закона и осуществляют общественный контроль над властью), что о ней не устают говорить на самом высшем уровне. В частности, в Послании Федеральному собранию Президент В. В. Путин подчеркнул роль СМИ в становлении гражданского общества, в правдивом освещении деятельности власти, заметив: «Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания» [6]. Ранее, будучи Президентом РФ, Д. А. Медведев увидел даже некоторую безысходность в борьбе СМИ с бюрократией и подсказал решение проблемы не в рамках законодательного поля или административной ответственности представителей власти за вмешательство в деятельность СМИ, а в увеличении числа источников коммуникации: «Между тем государственная бюрократия по-прежнему, как и 20 лет назад, руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия... берет под контроль средства массовой информации — чтобы не сказали чего-то не так» [4]. Что же предложил предпринять Д. А. Медведев, чтобы исправить такое отношение к СМИ со стороны

власти? Он сказал: «Свобода слова должна быть обеспечена технологическими новациями. Опыт показал, что уговаривать чиновников “оставить в покое” СМИ практически бесполезно. Нужно не уговаривать, а как можно активнее расширять свободное пространство Интернета и цифрового телевидения. Никакой чиновник не сможет препятствовать дискуссиям в Интернете или цензурировать сразу тысячу каналов» [4].

Как представляется, в данном предложении есть некоторая эклектика. Нельзя смешивать технические возможности журналистики и массовой коммуникации с изменением правового сознания и даже менталитета представителей власти. Конечно, возможности Интернета и цифрового телевидения использовать необходимо, этот процесс идет, он фактически объективен. Однако это вовсе не исключит попытки власти грубо вторгаться в информационное поле, с помощью финансовой зависимости подчинять себе газеты, телевидение, радиовещание, кинодокументалистику и т. д. Поэтому в настоящий период требуются радикальные меры в сфере соблюдения существующего законодательства со стороны власти, создание новых законов, которые бы исключили вмешательство власти в деятельность СМИ, изменение сознания общества и, конечно, изменение понимания роли журналистики и СМИ со стороны журналистов и руководителей СМИ, издателей и учредителей.

Проблема отношений власть — СМИ — общество в постсоветском периоде развития нашей страны — комплексная и должна рассматриваться в контексте формирования гражданского общества. Прошедший в ноябре 2001 г. Гражданский форум в перечень практических задач общества и всех его институтов включил задачу «разработки механизмов диалога и равноправного партнерства между обществом и властью на федеральном, региональном и муниципальном уровне, включая... гражданский контроль над текущей деятельностью властных структур и гражданскую экспертизу законодательных и административных актов» [5]. Наиболее полно, всесторонне и комплексно могут обеспечить такой диалог именно средства массовой информации. Другого столь универсального общественного института просто не существует. Кроме того, с помощью СМИ общество может наладить постоянный общественный контроль над деятельностью власти, а также обеспечить гражданскую экспертизу принимаемых ею решений. Значит, СМИ должны выступить в роли эффективного посредника, т. е. своими специфическими средствами способствовать формированию гражданских отношений в обществе.

Как справедливо замечает президент факультета журналистики МГУ профессор Я. Засурский, идея гласности, идея прозрачности деятельности правительства, государства, всех институтов власти остается очень важной. После окончания Второй мировой войны аналогичная идея была выдвинута Карлом Поппером в виде концепции открытого общества. Она была несколько иначе развита Михаилом Горбачевым в его положении о гласности. Концепция развития гласности в нашей стране в интерпретации Засурского такова: мы имеем трех партнеров в средствах массовой информации — это государство, частные корпорации и граждане. К сожалению, журналист должен балансировать между бизнесом, государством и частным интересом. У нас имеются государствен-

ные и муниципальные газеты, государственное телевидение, и влияние государства на СМИ очень велико [1].

Представляется, что в этом содержится большая проблема, без решения которой вообще нельзя говорить об адекватной роли СМИ в формировании гражданского общества. В самом деле, разве можно при существующей чудовищной зависимости СМИ от государства вести речь о диалоговой демократии, в основе философии которой лежит идея о том, что качество этого диалога, как верно замечает Е. Прохоров, напрямую определяет качество самой демократии [7]. В решении этой задачи мы не можем обойти необходимое условие — установление демократических взаимоотношений СМИ и власти.

Здесь несколько проблем, в том числе и проблемы соответствующего понимания самой сути диалога, сути народной журналистики, роли и места СМИ в современной политической структуре общества, демократизации журналистики, ее гражданской ответственности. Все их надо решать в комплексе, но все-таки проблема зависимости современных, особенно региональных и местных СМИ от власти, государственных структур стоит, на мой взгляд, на первом месте. И она не является сегодня однозначной, бесспорной.

Есть немалое количество публикаций, в которых утверждается, что независимая от власти пресса сегодня просто несвоевременна, надо дожидаться более «демократичных» перемен, когда общество «созреет» для такой прессы. Неудивительно, что подобную точку зрения отстаивают представители государственной власти. Так, зам. начальника управления печати и массовой информации администрации Архангельской области Алексей Крехалев считает, что решающим фактором в получении независимости «недостаточно ответственными СМИ» должен стать фактор времени. Автор пишет, что «возможно, “чистую” свободу (интересно, что он под этим термином подразумевает? — В. Т.) печати нам реализовать еще рановато» [2, 11]. По его мнению, при современной «хрупкой» демократии абсолютно независимая пресса представляет угрозу социальной и государственной стабильности. Этим «буйным скакуном», утверждает он, может управлять только сильное гражданское общество, которое успело понять свои интересы и научилось их защищать. Пока этого нет, независимая пресса несет в себе — ни больше, ни меньше! — «угрозу национальной безопасности». А значит, делает автор вывод, «власть может и должна обеспечивать право граждан на обыкновенную информацию через управляемые государством СМИ» [Там же].

В связи с этим уместно привести точку зрения президента Фонда защиты гласности А. Симонова, который пишет: «Нынче в России все больше утверждается официальная версия, по которой интересы государства отстаивает власть, а те, кто эту власть критикует, блюдут якобы иной, корпоративный, ведомственный, олигархический или еще какой-нибудь подозрительный интерес... Государственный интерес — это продукт диалога власти и общества» [8, 7]. И трудно с этим не согласиться. Ибо если поддерживать сторонников «огосударствления» СМИ, тогда вопрос о построении гражданского общества в стране вообще надо отодвинуть на неопределенное время, поскольку как может начаться сам процесс диалога власти и граждан, власти и общества без свободной прессы?

Прессу нельзя рассматривать только как самостоятельный институт. Ее нужно рассматривать в диалектическом единстве с политической и гражданской системами общества. Ждать, что сначала гражданское общество появится, «вызреет» из авторитарного, а потом можно будет дать свободу и независимость СМИ — это нонсенс. Без свободной прессы этого не случится никогда. Проблема состоит в том, что сегодня понятие «общество» у нас очень часто подменяется понятием «государство», т. е. государственными структурами, властью.

Надо признать, что в большой степени проблема лежит в сфере экономической свободы. Сегодня многие СМИ добровольно отказываются от роли «четвертой власти» потому, что издание экономически самодостаточных СМИ просто невозможно (особенно районного звена). Рост цен на производство печатных и электронных СМИ и одновременно ограниченные возможности повышения цен на готовую продукцию массмедиа ставят издателей в безвыходное положение: или «сдавайся» на милость властей и выполняй их требования, или прекращай выпускать СМИ. Многие выбирают первый путь. В итоге мы видим возврат к инструментальной роли журналистики, выражающийся в пропаганде того, что считает нужным власть. И, конечно, в таком случае никакого общественного контроля над деятельностью власти со стороны СМИ быть не может. Более того, это развращающе действует на самих журналистов, особенно молодых, порождает цинизм и нигилизм, скептическое отношение с их стороны к ценностям гражданского общества, свободных СМИ. В результате уничтожается конкурентная среда, так как одни СМИ вынуждены зарабатывать деньги сами, а другие — пользуются государственными, т. е. общественными, средствами.

Таким образом, чтобы СМИ соответствовали нормам гражданского общества и выполняли свою основную функцию общественного контроля над деятельностью всех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), нужно, с моей точки зрения, решить ряд первоочередных задач в области информационной политики государства:

1. В законодательном порядке запретить органам государственной власти всех уровней выступать в роли издателей, учредителей и финансовых источников массмедиа. При этом следует установить строжайшую ответственность руководителей госорганов за нарушение данной нормы закона.

2. Создать такие экономические условия, чтобы СМИ при умелом менеджменте могли быть самодостаточными.

3. Создать законодательные и иные механизмы, запрещающие владельцам СМИ оказывать прямое воздействие на информационную политику этих средств, как это сделано в странах развитой демократии.

4. Институтам гражданского общества необходимо проводить идею, в том числе через все виды СМИ, о средствах массовой информации как «четвертой власти», трибуне общественного контроля над деятельностью всех ветвей власти.

5. В учебных программах по журналистике, в программах повышения квалификации в области СМИ следует акцентировать роль и функции СМИ как средства общественного контроля над всеми ветвями власти. Необходимо раз-

работать методики, которые должны помочь реализовать формы общественной экспертизы деятельности власти. Делать это необходимо в тесной связи с воспитанием социальной активности и ответственности журналистов как организаторов общественного контроля над властью.

Конечно, это далеко не полный перечень всех необходимых действий в плоскости данной задачи на современном этапе развития журналистики и СМИ.

-
1. *Засурский Я.* СМИ и становление в России гражданского общества // Журналист. 2009. № 1. С. 8.
 2. *Крехалев А.* Там, где кончается гласность, начинается свобода // Там же. 2007. № 9. С. 11.
 3. *Мальцев Г.* «Черная карта» // Там же. № 1. С. 1.
 4. *Медведев Д. А.* Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 5.11.2008 г. [Электронный ресурс] : сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru>
 5. О целях и задачах Гражданского форума : заявление оргкомитета ГФ // Аргументы и факты. 2001. № 44.
 6. *Путин В. В.* Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 12.12.2012 г. [Электронный ресурс] : сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru>
 7. *Прохоров Е. П.* Журналистика и демократия. М., 2009.
 8. *Симонов А.* Предисловие // Общественная экспертиза: анатомия свободы слова. М., 2000. С. 7.
 9. *Сиберт Ф. С., Шрам У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М., 2008.

Статья поступила в редакцию 20.05.2013 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СМИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

Новые технологии, пришедшие за последние несколько лет на смену традиционным способам передачи массовой информации, кардинальным образом изменили очертания современного медиапространства. Ему стали присущи не просто возросший, а уже едва ли не подавляющий человека объем сообщений, их конвергентный характер, выраженный в единении текста, звука и изобразительного ряда, а также активное развитие новых типов СМИ и т. д. Все названные проявления выглядят поистине уникальными на фоне предшествующей эволюции массовых коммуникаций.

Сбылось предвидение канадского социолога М. Маклюэна, полагавшего в 60-е гг. прошлого века, что уже в скором времени мы получим технологический прорыв, которому не было равных в медиасфере¹. Этот прорыв действительно состоялся, затронув (хотя и в разной степени) все без исключения страны. Правда, как справедливо отмечал в конце 1990-х гг. немецкий исследователь Х. Кляйнстеубер, далеко не все они получают преимущества от нынешней трансформации медиасферы: в выигрыше оказываются в этом случае экономически развитые страны, обладающие мощным финансовым и техническим потенциалом, благодаря которому они имеют возможность определять общемировую информационную повестку дня². Оценивая сегодняшнее развитие медиапространства в общемировом масштабе, действительно нельзя отрицать, что одни информационные культуры оказываются «довлеющими», а другие — «ведомыми», не способными на равных с первыми оказывать влияние на международную аудиторию. На то же самое указывает, в частности, видный британский исследователь Ф. Уэбстер³. Это создает неравные условия развития для различных стран, порождая информационную зависимость одних от других. Несмотря на быстрые способы доставки информации, мировое сообщество не сумело преодолеть неравенство в этой сфере. Постановка данной проблемы в рамках научного обсуждения, бесспорно, имеет как теоретическое, так и прикладное значение.

Новые технологические возможности, развивающиеся в информационном пространстве сегодняшнего дня, активизируют профессиональные дискуссии, которые носят междисциплинарный характер. Изменилось ли сегодня по сравнению с минувшими десятилетиями качество самой массовой информации? Обладает ли она принципиально новыми содержательными характеристиками по сравнению с информацией, распространяющейся посредством традиционных СМИ? В какой мере новые технологические возможности повлияли на характер журналистского труда? Утратил ли он свою изначальную сущность,

¹ McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto, 1962; *Idem*. *Understanding media: The Extensions of Man*. N. Y., 1964.

² Kleinstueber H. *The Digital Future // Media Policy: Convergence, Concentration and Commerce* / D. McQuail, K. Siune (eds.). L., 1998. P. 74.

³ Webster F. *Theories of the Information Society*. L., 2006. P. 132.

Пленарное заседание конференции

Китайская делегация на пленарном заседании

сформировав новые профессиональные возможности, или приоритеты журналистской профессии не изменились? Выиграла наша профессия, в конце концов, или проиграла от открывшихся для нее новых возможностей в области обработки и распространения информации? Вот лишь некоторые вопросы, неизбежно заставляющие размышлять и теоретиков, и практиков, работающих в сфере массмедиа.

Названные вопросы обсуждались на научно-практической конференции, проходившей на факультете журналистики УрФУ 25–26 апреля 2013 г. Следует оговориться, что нынешняя конференция «СМИ в условиях информационной глобализации» стала уже далеко не первой, организованной на журфаке. Каждый год, в апреле, сюда приезжают коллеги, работающие в других городах России, а также зарубежные исследователи.

В нынешнем году в обсуждении проблемных вопросов современного развития СМИ приняло участие около ста человек. С сообщениями выступили исследователи из Екатеринбурга, Челябинска, Казани, Тюмени, Ханты-Мансийска, Перми, Пензы и других российских городов, а также из Украины, Турции, США и Китая. Было приятно осознавать, что ежегодная научная конференция, организуемая на факультете журналистики УрФУ, уже давно переросла региональный уровень, стала по-настоящему масштабной, привлекающей к себе внимание большого числа коллег.

Конференция открылась пленарным заседанием. На факультете журналистики стало уже традицией приглашать на свои научные форумы тех, кто может посмотреть на журналистскую сферу «сторонним» взглядом — профессионально состоявшихся людей из мира науки, искусства, медицины. В этот раз со вступительным словом выступил *Николай Коляда*, известный уральский драматург, театральный режиссер и художественный руководитель «Коляда-театра». Основное внимание в своем выступлении Николай Владимирович уделил вопросам журналистской культуры. Казалось бы, какое отношение это имеет к заявленному названию конференции — «СМИ в условиях информационной глобализации»? — Самое что ни на есть прямое. В условиях больших объемов и ускоренных возможностей распространения и потребления информации важными становятся способность журналиста грамотно и точно изложить факты, его умение общаться с аудиторией. Н. В. Коляда отметил низкий, по его мнению, уровень образованности и информированности современных журналистов. Эти высказывания вызвали бурную реакцию собравшихся, главным образом студентов.

Продолжил разговор о проблемах журналистского образования директор департамента «Факультет журналистики» доктор филологических наук *Борис Николаевич Лозовский*. Он высказал мнение, что, несмотря на существующие сложности, у профессии есть будущее. Его поддержал профессор Университета коммуникаций Китая *Юецзе Лэй* (г. Пекин, Китай), рассказавший о растущем интересе к журналистскому образованию в его стране.

Профессор Калифорнийского государственного университета *Элизабет Джексон* (г. Бекерсфильд, США) подняла очень важную проблему коммерциализации американских СМИ в условиях информационной глобализации.

Доцент департамента «Факультет журналистики» УрФУ Елизавета Голоуслова и профессор Калифорнийского государственного университета Элизабет Джексон

Директор научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор философских наук, профессор *Владимир Иосифович Бахитановский*

Примечательно, что сама Э. Джексон чрезвычайно критично настроена по отношению к «четвертой власти» в своей стране, полагая, что в условиях политической и экономической зависимости СМИ утрачивают самостоятельность позиций, превращаются исключительно в источники развлекательной информации. С этим трудно согласиться в полной мере: все-таки американские СМИ и по сей день остаются очень разными по содержанию. Однако можно утверждать и то, что возрастающая роль глобальных медиакорпораций постепенно ведет к исчезновению расследовательской журналистики. Данная тенденция ощущается сегодня не только в США, но и во многих других странах.

Эта тема получила развитие и в докладе профессора Стамбульского университета *Вейзеля Батмаза* (г. Стамбул, Турция), посвященного активному проникновению информационных технологий в сферу журналистики. По мнению ученого, сегодняшние новости повсеместно утрачивают свою непредвзятость, трансформируясь в соревнование брендов. В. Батмаз высказал в какой-то мере парадоксальную, но не лишённую интереса мысль: «Президент Путин — это такой же бренд, как... и бренд корпорации ИВМ. Потому что и в первом, и во втором случае СМИ стремятся не к достижению полной информированности, а к созданию упрощенности мышления». Вся журналистика уже стала исключительно брендовой сферой деятельности, далекой от всестороннего познания мира, что сводит на нет основы этой профессии.

Директор научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор философских наук, профессор *Владимир Иосифович Бакштановский* начал свой доклад с напоминания о выступлении заместителя министра связи и массовых коммуникаций РФ А. Волина на недавней ежегодной научно-практической конференции в МГУ. Волин рекомендовал преподавателям журфаков забыть, что журналистика призвана служить интересам общества. Наш гость выразил категорическое несогласие с такой позицией и подчеркнул важность разговора о журналистской этике, о том, как сохранить ценности и принципы профессии даже в условиях, когда крупные медиакорпорации нацелены только на получение прибыли.

Во второй половине дня работа конференции проходила по четырем секциям. Обсуждались общие вопросы теории и практики СМИ, исторический опыт российских и зарубежных СМИ в контексте глобальной трансформации, актуальные речевые практики медиадискурса и другие вопросы. С одной стороны, участники конференции говорили о развитии новых информационных технологий, в частности об активном использовании Интернета, ставшем важным фактором информационной глобализации (доцент кафедры русского языка и стилистики УрФУ, кандидат филологических наук *Е. В. Горина*; зав. кафедрой телевидения, радиовещания и технических средств журналистики УрФУ доктор философских наук *И. В. Зиновьев* и др.). С другой стороны, как отметил доцент кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики УрФУ, кандидат филологических наук *В. Ф. Зыков*, информационная глобализация явилась причиной серьезных изменений в системе современных СМИ. В связи со скоростью изменений самого характера медиапотребления и

необходимостью поиска ответов на вопросы о соответствии содержания СМИ реальным информационным потребностям населения обсуждался, в частности, вопрос эффективности социологических исследований в сфере массмедиа (профессор кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, доктор филологических наук *М. В. Загидулина*).

Современным редакциям зачастую недостает точных представлений об интересах аудитории, да и сами журналисты в условиях современной технологической революции нередко забывают о миссии журналистской профессии. Эти коллизии, подчеркивалось в ходе конференции, рождают пессимистичные разговоры о том, что традиционные СМИ скоро совсем прекратят свое существование. С этим, впрочем, согласны далеко не все, что нашло подтверждение и в ходе отдельных выступлений.

Так, выступивший на заседании исторической секции доцент кафедры истории журналистики УрФУ, кандидат политических наук *Ю. В. Чемякин* склонен полагать, что быстрое развитие технического прогресса в сфере массмедиа не приведет к исчезновению прессы, поскольку различные политические и бизнес-структуры еще долгое время будут нуждаться в своих источниках информации.

Исследователи обращались и к опыту зарубежных СМИ, представив в своих докладах отдельные вопросы исторической эволюции СМИ в США (кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета *И. М. Удлер*) и в Китае (профессор, заместитель директора Института литературы и журналистики Сычуаньского университета *Фу Цилинь* (г. Ченгду, Китай) и др.). В свою очередь, доцент Университета коммуникаций Китая *Цзя Лэжун* (г. Пекин, Китай) рассказала, как в этой стране идет формирование медиаиндустрии. По ее мнению, развитие новых технологий (в том числе Интернета) неизбежно будет влиять на особенности правового регулирования СМИ. Профессора Университета коммуникаций Китая *Лю Сяоин* и *Сюй Цинъюань* (г. Пекин, Китай) проследили тенденции развития телевидения в Китае и показали особенности влияния новых технологий на тележурналистику. Важно отметить, что заседание секции с участием иностранных гостей конференции целиком проходило на английском языке. И вдвойне приятно сознавать, что студенты факультета журналистики, участвовавшие в нем, сумели поддержать этот разговор: вступали в диалог с преподавателями, задавали вопросы. Как отметила позже профессор из США Э. Джексон, ее по-хорошему удивила заинтересованность

Представители китайской делегации

студентов, их желание беседовать со своими наставниками на равных. Наверное, такая свобода мышления студентов — в какой-то мере тоже следствие глобализации, при которой все стороны становятся равными участниками диалога.

Несколько докладов на конференции было посвящено речевым практикам медиадискурса. Так, особенности конструирования образа героя в ходе современных вооруженных конфликтов были рассмотрены доцентом кафедры периодической печати УрФУ, кандидатом филологических наук *В. М. Амировым*. Доцент кафедры речевой коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук *Е. М. Крижановская* на примере персонального сайта лидера партии «Справедливая Россия» Сергея Миронова показала, как формируются тематические, композиционные и прагматические особенности текстов этого политика. К проблемам речевой культуры в детско-юношеской прессе обратилась в своем докладе профессор кафедры журналистики и медиаобразования Челябинского государственного университета, доктор педагогических наук *Л. А. Месеняшина*. Зав. кафедрой русского языка и стилистики УрФУ доктор филологических наук *Э. В. Чепкина* рассказала о практиках конструирования истины в дискурсе новых медиа.

Во второй день конференции, 26 апреля, состоялись мастер-классы гостей конференции и студенческие научные чтения. С докладами выступали те, кто только начинает свою исследовательскую деятельность, — студенты и магистранты. Это очень важно — обсуждать насущные вопросы коллективно, невзирая на возраст и опыт участников. Многие выступления студентов были содержательными и интересными, сопровождалась презентациями. Рассматривался широкий круг вопросов: влияние Интернета на процессы информационной трансформации, структурные изменения современного телевидения, ценностно-смысловые, культурные и стилистические аспекты функционирования медиатекстов в эпоху информационной глобализации и многие другие.

По мнению многих участников конференции, она отличалась разнообразием выступлений и их содержательностью. Зарубежные гости прежде всего отметили возможность свободного обмена мнениями по самым острым вопросам. Мы убедились, что повестка дня конференции дала возможность сблизить интересы исследователей, работающих в различных областях медиазнания. И в этом, думается, заключается главный итог ее работы.

Еще одним результатом работы стал выпуск сборника материалов конференции, который будет разослан в различные университетские центры нашей страны и зарубежья.

Д. Л. Стровский, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры истории журналистики департамента «Факультет журналистики» УрФУ

О. В. Ильина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» УрФУ

УДК 6(09)(07) + 355.233(07) + 37.017.4

В. В. Запарий
А.В. Бармин

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Рассматриваются некоторые исторические аспекты появления в техническом вузе такой учебной дисциплины, как история науки и техники, которая органически синтезирует в себе учебные, методологические, научно-исследовательские и воспитательные задачи по подготовке инженерных кадров. Авторы на примере самого крупного в России федерального университета показывают необходимость и плодотворность преподавания этого нового для системы высшего профессионального образования курса.

Ключевые слова: история науки и техники, инновации, гуманитарное, естественно-научное и техническое образование, традиции, патриотизм, общечеловеческие ценности.

Как известно, в конце прошлого и начале нынешнего тысячелетия в нашей стране произошли грандиозные и очень противоречивые изменения. Была осуществлена серьезная модернизация содержания высшего образования. Наука и образование деполитизировались. Исчез ряд учебных дисциплин, таких как история КПСС, марксистско-ленинская философия, научный коммунизм. Появились новые дисциплины: культурология, социология и ряд других, возросла роль гуманитарного знания. Отражением этих процессов в нашем вузе — Уральском государственном техническом университете-УПИ (ныне — Уральском

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vvzap@mail.ru).

БАРМИН Александр Вячеславович — доцент, ученый секретарь кафедры истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: allo-barmin@mail.ru).

© Запарий В. В., Бармин А. В., 2013

федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) стало внедрение нового курса истории науки и техники.

Известно, что в связи с реформой высшего образования в течение 1990-х гг. шло постепенное структурное преобразование Уральского политехнического института (УПИ) в Уральский государственный технический университет. Новый статус учебного заведения требовал и нового осмысления учебных дисциплин, в том числе и гуманитарных.

Необходимо было создать уникальные и интегральные курсы, устраняющие различия между естественно-научным, техническим знанием, с одной стороны, и знанием гуманитарным — с другой. История науки и техники представлялась именно такой формой, воплощающей единую культуру человечества. В этом качестве она одинаково важна для гуманитарного, естественно-научного и технического образования.

Кафедра истории науки и техники Уральского государственного технического университета была создана по приказу ректора (№ 454/03 от 06.12.1999 г.), заведующим кафедрой был избран В. В. Запарий. Однако в Уральском политехническом институте была предшественница этой кафедры. Она называлась кафедрой истории техники. В соответствии с приказом министра высшего образования СССР от 19.11.1948 г. № 1643 и на основе положительного решения ученого совета института исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории техники с 1 января 1949 г. был назначен А. С. Качко, директор института.

На кафедре истории техники в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. работали старшие преподаватели Н. Н. Крюков и П. А. Плотников, старшие лаборанты Г. И. Корчемный и Ю. Д. Киселев.

Преподаватели и сотрудники кафедры занимались пропагандой знаний по истории отечественной техники, выполняли преподавательскую работу на различных факультетах института, читали курс истории техники, занимались исследовательской работой. Так, П. А. Плотников написал книгу «Наука и производство», статью «Ученый-механик А. И. Сидоров»; Н. Н. Крюков — «Очерки истории энергетики»; Г. И. Корчемный — «Историю возникновения и развития первых машиностроительных предприятий Екатеринбурга». Сотрудники кафедры принимали участие во всесоюзных научных конференциях по истории техники, а также в работе семинара для преподавателей истории техники, проходившем в московских вузах под руководством профессора А. А. Зворыкина.

По поручению дирекции института и деканата инженерно-экономического факультета сотрудники кафедры выполняли, как тогда говорили, работу, связанную с содружеством института с промышленностью, а также производственной практикой студентов. Так, П. А. Плотников сначала был директором Уральского дома техники, а затем переведен в УПИ на должность начальника научного отдела и старшего преподавателя кафедры истории техники.

Конечно, новая кафедра существует в совершенно других условиях и решает совершенно другие задачи, чем кафедра истории техники, что отражено даже в названии кафедры, где слово «наука» вынесено на первое место.

В конце 90-х гг. на кафедре истории России в течение нескольких лет читался курс «История науки и техники» в качестве гуманитарного спецкурса,

а на кафедре философии читались курсы по философии науки и техники. В 1998 г. на кафедре истории России была создана секция истории науки и техники в составе трех преподавателей. Инициатором создания секции стал доцент В. В. Запарий, которого активно поддержал заведующий кафедрой истории России профессор Б. В. Личман. В 1999 г. по решению ученого совета УГТУ была создана кафедра истории науки и техники.

Первоначально новым структурным подразделением читались спецкурсы по истории науки и техники на 3–4-х курсах ряда факультетов в рамках гуманитарного спецкурса. С 1 сентября 2000 г. такой курс начал читаться на первых курсах всех факультетов. Кроме этого кафедра подготовила курс «Концепции современного естествознания». В 2005 г. на кафедре была создана секция «Концепции современного естествознания» (КСЕ) во главе с В. А. Дорошенко, в состав которой входили А. И. Кузнецов и М. Р. Москаленко.

В течение последних лет на кафедре идет активная разработка мультимедийного учебно-методического комплекса по истории науки и техники [19]. Ряд преподавателей прошли специальную подготовку на факультете повышения квалификации УГТУ-УПИ. Кроме созданного на кафедре мультимедийного учебно-методического комплекса, на учебных занятиях достаточно широко применяются мультимедийные энциклопедии по истории, музеям, городам, странам и т. д., мультимедийные учебники, позволяющие организовать учебный процесс с использованием новых методов обучения, мультимедийные тестовые программы для контроля знаний студентов, онлайн-видео мультимедиа продукты и многое другое. Мультимедийные технологии позволяют разнообразить образовательный процесс, способствуют формированию интереса к истории науки и техники и актуализируют творческий потенциал студентов.

Интегративный курс истории науки и техники состоит из следующих частей: история науки и техники с древнейших времен до современности (будущие инженеры и менеджеры знакомятся с общими закономерностями развития науки и техники на протяжении всей истории человечества); философское осмысление роли и места науки и техники, ее истории и современного состояния, рассмотрение определенных прогностических аспектов; осмысление современного состояния той отрасли человеческого знания, которой будет заниматься будущий специалист.

Студенты слушают лекции, составляют сравнительные таблицы, пишут эссе и рефераты, создают презентации, выступают с этими творческими работами перед своими коллегами. Их работы посвящены важнейшим этапам в развитии науки и техники, деятельности выдающихся ученых или научных школ, заметным изобретениям, истории предприятий или отраслей науки и техники.

По завершении курса студенты сдают зачет. Курс способствует формированию у студентов патриотизма, любви к своей профессии, ответственности. Планирование учебной деятельности, работа с учебной и научной литературой, справочными и энциклопедическими изданиями, ведение записей лекций, использование компьютерных источников информации и т. д. — все это составляет своеобразный инструментальный фундамент подготовки будущих специалистов. Это содействует формированию учебно-познавательных, учебно-организационных,

учебно-методологических и поисково-информационных умений. На основе приобретенных умений и навыков такой работы в дальнейшем развиваются сложные интегрированные свойства мышления, такие как логичность, креативность, индивидуальность, творческий подход, необходимые специалистам высшей профессиональной квалификации.

Более чем за десять лет существования кафедры накоплен определенный опыт преподавания курса. Было издано методическое пособие с программой курса, а также два варианта курса лекций [7, 9]. Сокращенный электронный вариант пособия для студентов-заочников имеется на сайтах ряда университетов в Интернете [8]. Коллективом кафедры (В. В. Запарий, А. В. Бармин, С. А. Нефедов, В. А. Дорошенко, А. И. Кузнецов) также написан полный курс, который пользуется большой популярностью у студентов [10, 11].

В. А. Дорошенко подготовил пособие по курсу «Концепции современного естествознания» и мультимедийный курс, который представлен на сайте УГТУ-УПИ. На кафедре истории науки и техники сложился работоспособный коллектив, куда входят четыре профессора, десять доцентов, четыре старших преподавателя, три аспиранта, ряд соискателей.

В 2002 г. заведующий кафедрой В. В. Запарий защитил докторскую диссертацию, а в 2004 г. стал профессором. В 2005 г. аспирант кафедры И. Е. Еробкин защитил кандидатскую диссертацию и стал кандидатом исторических наук, первым кандидатом наук, воспитанным на кафедре. Затем защитились соискатели кафедры А. М. Кот (2011) и И. И. Васина (2012). Организацией учебной, учебно-методической и исследовательской работы на кафедре занимается ученый секретарь кафедры доцент А. В. Бармин.

Коллектив кафедры ведет большую научную работу. Регулярно организуются всероссийские конференции «Урал индустриальный», ставшие заметным явлением в региональной исторической науке. В сентябре 2011 г. проведена уже Десятая юбилейная Всероссийская конференция [25]. Установлено тесное сотрудничество с Институтом истории и археологии УрО РАН. В составе кафедры много лет плодотворно работали директор Института истории и археологии УрО РАН академик РАН В. В. Алексеев, главный научный сотрудник, заслуженный деятель науки РФ профессор Д. В. Гаврилов. Продолжают работать старшие научные сотрудники института профессор С. А. Нефедов, доценты Е. Ю. Рукосуев, Н. В. Суржилова, Е. Ю. Баранов, Н. Н. Мельников.

За время работы кафедры ее сотрудниками написан ряд крупных научных работ [4–6; 15–18]. Преподаватели кафедры активно участвуют в международных и региональных конференциях. Их деятельность заметна в историческом сообществе Урала. Научная работа кафедры координируется ежегодными научными конференциями кафедры, которые проводятся в День науки — 8 февраля. Всего состоялось три конференции.

По решению ректора еще в начале деятельности кафедры ей был подчинен Музей УГТУ-УПИ на правах проблемной лаборатории с отдельным финансированием и штатом работников. Сотрудники музея (Г. Я. Таратоненков, Н. П. Селиванов, Л. Д. Митрофанов, И. А. Кашина, бывший директор музея С. В. Скробов) вели большую работу по сохранению исторической памяти о выдающихся

ученых и педагогах нашего вуза. Однако в 2010 г. музей был выведен из-под научного подчинения кафедры, и сейчас он реструктурируется.

Большая работа была проделана коллективом кафедры в связи с подготовкой и празднованием 60-летия и 65-летия победы в Великой Отечественной войне. Была издана книга «Уральский индустриальный в годы Великой Отечественной», посвященная Великой Победе [27]. К 85-летию родного вуза при активном участии работников кафедры вышла монография «УГТУ-УПИ: Очерки истории» [24] и презентационное издание «Уральский государственный технический университет–УПИ» [26], а также два «Вестника УГТУ-УПИ», посвященные его истории [2]. Ряд книг был подготовлен к 90-летию вуза [28].

Значительную роль в подготовке этих изданий сыграл один из старейших работников университета доцент кафедры Н. П. Селиванов. Этот человек прошел Халхин-Гол, Великую Отечественную войну. Он был ведущим доцентом на кафедре истории, заведовал этой кафедрой, работал деканом. Сейчас Н. П. Селиванов активно передает свой опыт молодым коллегам.

Признанием значимости работы коллектива кафедры стало избрание заведующего кафедрой профессора В. В. Запария национальным представителем России в Международном комитете за сохранение индустриального наследия (ТІССІН). Кафедра развивает направление, связанное с сохранением и реабилитацией национального индустриального наследия, принимает участие в деятельности Свердловского отделения Российского вольного экономического общества. Большая научно-исследовательская работа ведется сотрудниками кафедры: профессором Б. В. Личманом, который является автором многоконцептуальной парадигмы развития российской истории, редактором и автором известного учебника по отечественной истории для вузов [12, 13]; профессором С. А. Нефедовым, разрабатывающим концепцию технологической интерпретации истории [20, 21]; доцентом Е. Ю. Рукосуевым [23].

С введением нового кандидатского экзамена по истории и философии науки в 2005 г. существенно возросла роль кафедры истории науки и техники как регионального координатора организации данного экзамена. Преподаватели кафедры (В. А. Дорошенко, А. И. Кузнецов, А. В. Бармин) во главе с заведующим прошли повышение квалификации и получили сертификаты, дающие право принимать новые кандидатские экзамены по истории и философии науки. Методическая разработка кафедры (программа) [3] включена в пакет методических материалов для подготовки преподавателей, имеющих право вести с аспирантами занятия по данному курсу и принимать соответствующий экзамен, а кафедра объявлена базовой на Урале по всеобщей истории науки и техники.

С 2009 г. преподаватели кафедры разрабатывают сетевые учебные курсы для студентов факультета дистанционного обучения всех специальностей. Во-первых, это учебный курс по истории науки и техники (В. В. Запарий, А. В. Бармин и Е. С. Лахтионова) и, во-вторых, курс «Концепции современного естествознания» (В. А. Дорошенко, М. Р. Москаленко, А. И. Кузнецов). Данные сетевые учебные курсы прошли апробацию и введены в учебный план кафедры с 2010/11 уч. г.

Программа сетевого учебного курса рассчитана на один семестр обучения. Обучение проходит в основном дистанционно. На первой неделе обучения предусмотрена установочная лекция. Все остальные занятия проводятся с использованием электронной образовательной среды (ЭОС) «ЭЛИОС» им. В. Б. Бурнева.

Дистанционная технология обучения позволяет студентам заниматься в удобное время без отрыва от основной работы. В ЭОС выложены задания на весь период обучения, рекомендации по их выполнению, материалы, содержащие теоретические сведения по изучаемым вопросам. Готовые выполненные работы студенты также размещают в ЭОС для рецензирования. Если в ходе выполнения работы у студента возникают вопросы, можно задать их преподавателю и получить ответ через ЭОС.

Кроме курсов «Истории науки и техники» и «Концепции современного естествознания» на кафедре разработаны программы и курсы по другим учебным дисциплинам. Для студентов-магистров металлургического, механико-машиностроительного, электротехнического и теплоэнергетического факультетов преподаются «История и методология науки и производства» и «История и методология создания и производства материалов», для студентов-магистров химико-технологического факультета — «История и методология химической технологии» и «История и методология наук в области защиты окружающей среды», для студентов факультета гуманитарного образования — «История материальной культуры и хозяйства» и «Этнология», а для студентов факультета безопасности — «История защиты в чрезвычайных ситуациях».

В последние годы на факультетах, которые были преобразованы в институты университета, произошел переход на подготовку специалистов-бакалавров. Учебная дисциплина «История науки и техники» является дисциплиной цикла ГСЭ по выбору (университета, факультета, выпускающей кафедры). В рамках разрабатываемого ФГОС данная учебная дисциплина относится к циклу Б1. Общий объем дисциплины — 72 часа, объем аудиторных занятий — 36 часов (лекции — 18 часов, практические занятия — 18 часов), объем самостоятельной работы — 36 часов. Лекционный курс делится на базовую (14 часов) и вариативную (4 часа) части. Вариативные части (модули) дисциплины всегда формировались в соответствии со спецификой факультета. Так, на металлургическом факультете — это «История металлургии»; строительном факультете — «История строительного дела и техники»; механико-машиностроительном — «История механики (теоретической и практической)»; электротехническом — «История электротехники»; химико-технологическом — «История химических наук и технологий»; факультете строительных материалов — «История и технология строительных материалов»; теплоэнергетическом — «История теплоэнергетической отрасли»; радиотехническом — «История радиотехники и информационных систем»; факультете гуманитарного образования — «История развития гуманитарного и естественно-научного знания» или «История развития гуманитарного знания в сфере экономики, управления и организации производства»; факультете экономики и управления — «История экономики»; факультете военно-технического образования и

безопасности — «История военного дела и военной техники»; факультете информационно-математических технологий и экономического моделирования — «История информационно-математических технологий и экономического моделирования».

Вместе с тем данные вариативные модули по потребности и желанию университета, института или выпускающей кафедры могли бы стать полноценными и самостоятельными учебными дисциплинами.

Особенно важно в преподавании курса «Истории науки и техники» сочетать авторский творческий подход преподавателя к учебному процессу и исследовательский, творческий подход учащихся. На достижение этой цели должны быть направлены создаваемые преподавателями кафедры обширная информационная база и специальные программы данного курса. Одно из перспективных направлений работы кафедры — это ее хоздоговорная научная деятельность.

Однако в связи с переходом на новые Федеральные государственные образовательные стандарты по подготовке бакалавров в последние год-два произошло резкое сокращение учебных дисциплин. В первую очередь институты расстались с гуманитарными дисциплинами. В большой степени это затронуло кафедру истории науки и техники. Несмотря на все заслуги кафедры и заинтересованность технических институтов в сотрудничестве с ней, резко сократилась учебная нагрузка (за прошлый учебный год — с 15 ставок до 7). Подобная тенденция может привести к ликвидации кафедры. Это ударит не только по учебной и научной составляющей вуза, но и по его престижу, ведь небольшая кафедра истории науки и техники делает большую и нужную работу в одном из самых крупных вузов России, насчитывающем более 50 тыс. студентов и более 8 тыс. преподавателей и сотрудников.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что необходимо создание всероссийской структуры по изучению истории науки и техники, пропаганде российского опыта, которую, возможно, возглавит Российская академия наук. Это может быть институт истории естествознания и техники.

-
1. Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.
 2. Вестник УГТУ–УПИ (Екатеринбург). 2005. Вып. 3, № (2).
 3. Всеобщая история науки и техники // История и философия науки : учеб.-метод. материалы по Федер. программе переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Екатеринбург, 2005. С. 95–109.
 4. Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв. : избр. тр. Екатеринбург, 2005.
 5. Запарий В. В. Черная металлургия Урала. XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
 6. Запарий В. В. История черной металлургии Урала в 90-е гг. XX в. М., 2003.
 7. Запарий В. В., Нефедов С. А. История науки и техники : курс лекций. Екатеринбург, 2003.
 8. Запарий В. В., Нефедов С. А. История науки и техники : курс лекций [Электронный ресурс]. URL: <http://hist1.barod.ru>.
 9. История науки и техники : рабочие программы для студентов фак. гуманитар. образования (кафедра социологии и социальных технологий управления) по учеб. курсам и дисциплинам.

- линам специальности 06110 «Менеджмент организаций», специализации «Административный менеджмент», «Управление сервисом». Екатеринбург, 2003. С. 23–34.
10. История науки и техники : курс лекций / под ред. В. В. Запария. Екатеринбург, 2005.
 11. История науки и техники : курс лекций / под ред. В. В. Запария. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2007.
 12. История России с позиций разных идеологий / под ред. проф. Б. В. Личмана. Ростов н/Д, 2007.
 13. *Личман Б. В.* Толерантная история России. Екатеринбург, 2008.
 14. *Личман Б. В.* Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половине 50-х — середине 80-х гг. Екатеринбург, 2008.
 15. *Кауфман А. А., Запарий В. В.* Очерки истории коксохимической промышленности. Екатеринбург, 2007.
 16. *Кауфман А. А., Запарий В. В.* Металлургическая промышленность России XVIII–XX веков. Саранск ; Екатеринбург, 2007.
 17. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энцикл. Екатеринбург, 2001.
 18. Металлурги Урала : энцикл. Екатеринбург, 2001, 2003.
 19. Мультимедийный учебно-методический комплекс инновационная образовательная программа «История науки и техники». ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://study.ustu.ru/view/aid_view.aspx?AidId=8063. Ресурс 8063.
 20. *Нефедов С. А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.
 21. *Нефедов С. А.* Война и общество: факторный анализ исторического процесса. М., 2008.
 22. *Рукосуев Е. Ю.* Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2004.
 23. *Рукосуев Е., Григорьев Г.* Правители стран мира с древнейших времен до наших дней : в 3 кн. Екатеринбург, 2008.
 24. УГТУ-УПИ: очерки истории. 1920–2005 / под ред. чл.-корр. РАН С. С. Набойченко. Екатеринбург, 2005.
 25. Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы Десятой юбилейной Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 27–28 сент. 2011 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2011.
 26. Уральский государственный технический университет–УПИ. Екатеринбург, 2005.
 27. Уральский индустриальный в годы Великой Отечественной. 1941–1945. Екатеринбург, 2005.
 28. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 1920–2010: Этапы большого пути. Екатеринбург, 2010.

Статья поступила в редакцию 6.05.2013 г.

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

Рассматриваются вопросы формирования грамматической компетенции в процессе подготовки будущих переводчиков на основе коммуникативно-функционального подхода с применением элементов традиционных и нетрадиционных методов обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: компетентность, грамматическая компетенция, коммуникативно-функциональный подход, коммуникативная интенция, коммуникативная ситуация, альтернативные методы обучения иностранным языкам.

Мы живем в глобализирующемся пространстве, где иностранный язык получает широчайшее распространение. Новая философия образования развивается на срезе двух философских направлений: философии экзистенциализма, ориентированной на активность самого субъекта, самообразование, самовоспитание, самосовершенствование, и философии прагматизма, ориентированной на практическую пользу и значимость.

Новая парадигма высшего образования, действующие образовательные стандарты высшего профессионального образования в области профессиональной языковой подготовки разработаны на основе компетентностного подхода, под которым понимается реализация образовательных программ, формирующих и развивающих способность выпускника применять полученные знания, умения и навыки на практике в определенной сфере деятельности. Компетентность определяется как «способность человека успешно взаимодействовать с социальным окружением; мера освоения компетенции, определяемая способностью решать предписанные задачи; владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности; специфическая способность, необходимая для эффективного выполнения конкретного действия в конкретной предметной области и включающая узкоспециальные знания, особого рода предметные навыки, способы мышления, а также понимание ответственности за свои действия» [3, 105]. Компетенция — это более узкое понятие, которое включает «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним» [Там же, 104].

КОРНЕЕВА Лариса Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода Института фундаментального образования Уральского федерального университета (Logakorn@list.ru).

ШВЕЦОВА Светлана Владимировна — преподаватель кафедры иностранных языков и перевода Института фундаментального образования Уральского федерального университета.

© Корнеева Л. И., Швецова С. В., 2013

Грамматическая компетенция как часть лингвистической (языковой компетенции) и как важная составляющая профессиональной компетенции переводчика предполагает сформированность знаний, умений и навыков передачи категориальных значений (временных и залоговых форм, числа, рода, падежа и т. д.), понимание принципов построения синтаксических конструкций, знание фонетических, словообразовательных, орфографических и иных норм и правил, а также умение использовать их на практике.

В ряде работ по методике преподавания иностранных языков студентам языковых специальностей отмечается недостаточная разработанность теоретических положений и методической базы, необходимых для эффективного развития грамматической компетенции и навыков грамотной иноязычной речи.

Традиционные методы обучения, применяемые в высших учебных заведениях, предполагают усвоение знаний (в частности грамматического материала) в искусственных ситуациях, снижая тем самым мотивацию общения на иностранном языке и затрудняя процесс запоминания. Анализ работ, посвященных освоению грамматического аспекта иностранного языка, показал, что при использовании традиционных методов обучения иностранным языкам основное внимание уделяется обучению грамматике как таковой, а не грамматической стороне речи.

Наряду с традиционными методами изучения иностранных языков в настоящее время все более актуальными становятся нетрадиционные (альтернативные) методы овладения одним или несколькими иностранными языками. Предлагаются различные авторские методики, часть из которых основана на нейролингвистическом программировании, на использовании мнемотехнических приемов, применении нестандартных комбинаций различных традиционных техник овладения иностранными языками.

Венгерская переводчица Като Ломб, владеющая шестнадцатью языками, в своей книге «Как я изучаю языки» дает краткий исторический обзор методов изучения языка, применявшихся еще с эпохи Древнего Рима (с I в. до н. э.). Массовое изучение иностранных языков началось с изучения двух мертвых языков — латинского и греческого. Автоматическое заучивание правил и перевод текстов были основными, долгое время преобладавшими приемами. Спустя много столетий начали появляться альтернативные методы [4]. Однако не все они могут применяться в контексте вузовского образования.

Так, например, иммерсионный («погружающий») метод, возникший в Соединенных Штатах Америки, основан на механическом усвоении нового материала путем многочисленного повторения речевых шаблонов. Последователи данного метода совершенно отказываются от разъяснения грамматических аспектов или теоретических взаимосвязей языковых явлений, утверждая, что это отрицательно сказывается на результате. Как совершенно справедливо, на наш взгляд, отметила К. Ломб, можно уяснить, освоить какое-либо языковое явление, осознав его и выучив правило, а можно добиться того же результата путем автоматического многократного повторения [Там же]. Простому повторению человеческий мозг оказывает меньшее сопротивление, нежели необходимости осознать и умственно переработать то или иное языковое явление, описанное

в правиле. Однако современный темп жизни и требования, предъявляемые к специалистам, вызывают необходимость интенсифицировать и ускорить процесс формирования и развития профессиональных компетенций.

В качестве примеров современных нетрадиционных методов овладения иностранными языками можно привести также метод, разработанный доктором биологических наук, профессором, членом-корреспондентом Российской академии медицинских наук Е. А. Умрюхиным, в котором учтены основные принципы работы мозга и который основан на «формировании слуховых и моторных энграмм (следов памяти) автоматического восприятия и проговаривания фраз иностранного языка» [6, 5]; «матрично-медитативный метод обратного языкового резонанса с перипатетическими элементами» Н. Ф. Замяткина, основанный на создании резонансно-медитативной матрицы, представляющей собой определенный набор диалогов, предназначенных для многократного прослушивания и последующего громкого артикулированного начитывания, что позволяет мозгу «привыкнуть» к незнакомому языку [2]; авторский метод Т. А. Байтукалова, основанный на нейролингвистическом программировании [1], и др. Залогом успеха, по мнению авторов, является сильная мотивация и самодисциплина, необходимые для выработки привычки к регулярной систематичной работе. Н. Ф. Замяткин, Е. А. Умин и Т. А. Байтукалов отмечают, что ключевую роль в процессе изучения иностранных языков играют мотивация изучающего иностранный язык, постановка конкретной цели и регулярность занятий. И Замяткин, и Байтукалов говорят о необходимости уделять внимание всем языковым аспектам одновременно.

Авторские методы изучения иностранных языков, описанные выше, базируются на тезисе о том, что процесс изучения иностранных языков у взрослых людей должен протекать по аналогии с тем, как изучают свой первый (родной) язык дети, постоянно наблюдая, повторяя звуки, слова, фразы за носителями языка, копируя поведение, мимику, жесты. При этом, по мнению авторов, необходимо заблокировать все попытки аналитической деятельности. Грамотность придет сама собой. Однако, выступая с позиции взрослого человека, нерационально, на наш взгляд, отказываться от опыта, накопленного предыдущими поколениями, который содержится в сводах фонетических, грамматических и иных правил и всевозможных справочниках. Процесс изучения языков, с нашей точки зрения, должен протекать с максимальным приложением умственных усилий со стороны изучающего. При этом важно комбинировать различные виды аналитической деятельности для получения лучшего результата.

К. Ломб формулирует несколько принципов, которые необходимо соблюдать при изучении любого иностранного языка и которые, на наш взгляд, очень важны в процессе формирования лингвистической компетенции в целом и грамматической компетенции в частности. Эти принципы касаются регулярности занятий, необходимости заучивать новый материал в контексте, максимально частого подключения переводной деятельности к процессу овладения иностранным языком, необходимости уделять внимание всем языковым аспектам одновременно, отсутствия боязни совершать ошибки в речи и уверенности в успехе и собственных силах. В целом результативность процесса изучения иностранного языка

автор выражает следующим уравнением: (ЗАТРАЧЕННОЕ ВРЕМЯ + МОТИВАЦИЯ) : СТЕСНЕНИЕ = РЕЗУЛЬТАТ. Стеснение вызвано боязнью ошибиться либо трудностями в связи с «отрывом от родного языка» [4].

К нетрадиционным (альтернативным) методам обучения в контексте вузовского образования относятся тренинги, метод анализа конкретных ситуаций, проблемное обучение, метод проектов, учебная дискуссия и другие методы активного и интерактивного обучения [3, 221].

Специфика переводческой деятельности и современные требования, предъявляемые к профессиональным переводчикам, обуславливают и специфику процесса подготовки будущих переводчиков. Формирование грамматической компетенции, на наш взгляд, должно протекать не только в рамках практического курса иностранного языка, но и на занятиях по практике перевода. Развитие грамматической компетенции, умение выявлять все смыслы, заложенные в грамматической конструкции, способность порождать грамотные, соответствующие языковым и речевым нормам высказывания, естественно звучащие на переводящем языке в конкретной коммуникативной ситуации, являются обязательными и неотъемлемыми атрибутами квалифицированного переводчика.

В рамках практического курса перевода формируется способность студентов подобрать максимальное число вариантов перевода для передачи инвариантного смысла и выбрать наиболее приемлемый вариант с учетом специфики оригинала, коммуникативной ситуации, коммуникативной интенции и цели переводческой деятельности. Кроме этого на занятиях по практическому курсу перевода у студентов формируется и развивается умение анализировать различные варианты перевода с точки зрения их малейших семантических и функциональных различий. При этом поиск не должен ограничиваться подбором грамматических и синтаксических структур, общих для данной пары языков, а должен включать работу по подбору конструкций, естественно звучащих и часто употребляемых на переводящем языке.

Пособия по грамматике и практическому курсу перевода для студентов переводческих специальностей должны быть методически организованы в одном ключе, в рамках одного подхода и должны содержать перекрестные ссылки и отсылки к тому грамматическому материалу, который встретился в переводимом тексте (фрагменте текста). Учебные пособия должны учитывать специфику обучения переводчиков, способствовать формированию и развитию ключевых переводческих компетенций и развитию способности свободного оперирования языком на профессиональном уровне.

В основе разрабатываемого на кафедре иностранных языков УрФУ учебного пособия, содержащего комплекс упражнений по практической грамматике для студентов переводческих специальностей, лежит коммуникативно-функциональный подход. Под коммуникативно-функциональным подходом мы понимаем изучение грамматических явлений не как форм и структур, а как средств выражения определенных коммуникативных интенций, определенных мыслей, эмоций и отношений в определенной ситуации коммуникации. «Этот подход предполагает воссоздание на занятии ситуации коммуникации, имитирующей ситуацию реальную» [5, 13]. В рамках коммуникативно-функционального под-

хода формирования грамматической компетенции происходит на функциональной и ситуативной основе.

Учебное пособие содержит несколько разделов в рамках каждой изучаемой грамматической темы. В разделе I студентам предлагается проанализировать изучаемый грамматический аспект на материале одного русскоязычного и двух аутентичных учебных пособий по грамматике. Далее следуют теоретические вопросы по изученному материалу, носящие систематизирующий характер. Цель данного раздела – развитие аналитических способностей студентов, систематизация, обобщение, а также наглядное представление изученного материала в виде схем, диаграмм, рифмованных списков исключений, иллюстративного образного представления некоторых фрагментов изучаемого материала. Студентам предлагается составить свои примеры на каждое правило. Раздел II (Practical Section) содержит комплекс упражнений разных типов на отработку изучаемого грамматического явления. Упражнения не снабжены ответами и предназначены для самостоятельной проработки в качестве домашнего задания и последующей аудиторной проверки под контролем преподавателя. Упражнения без ключей, контроль над выполнением домашнего задания со стороны преподавателя и наличие обратной связи способствуют повышению мотивации студентов. Раздел III содержит Case Study на отработку изучаемого грамматического явления в конкретной коммуникативной ситуации или видеоматериал, который студент должен просмотреть, проанализировать на предмет особенностей употребления тех или иных грамматических явлений и, например, записать и предложить свой вариант перевода того отрывка, в котором прозвучали отрабатываемые грамматические явления. Цель упражнений данного раздела – поставить обучающегося в коммуникативные условия, максимально приближенные к реальной ситуации общения.

При разработке данного учебного пособия учитывалась общая суммарная нагрузка студентов и была сделана попытка оптимизировать время, необходимое для выполнения предложенных заданий, интенсифицировать процесс формирования грамматической компетенции, совместив элементы традиционных и нетрадиционных методов овладения иностранным языком.

Неоспорима значимость функционально-интенционной составляющей в усилении мотивации студентов. Обучающиеся должны четко представлять себе, для чего необходимы и в какой ситуации им могут понадобиться данные теоретические знания и практические навыки. Нормативная правильность устной и письменной речи важна и на иностранном, и на родном языке, однако формированию нормативной грамотности уделяется до сих пор недостаточно внимания. Важно также акцентировать внимание на необходимости стимулирования самостоятельной внеаудиторной работы студентов, целенаправленного приложения усилий для развития ими своих коммуникативных навыков и навыков грамотной иноязычной речи.

2. *Замяткин Н. Ф.* Вас невозможно научить иностранному языку. Тула, 2006. 176 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://zamyatkin-nikolay.narod.ru/kniga3eizdanie.pdf> (дата обращения: 18.09.2012).

3. *Корнеева Л. И., Шельтен А.* Основные дидактические аспекты повышения квалификации преподавателей (Россия и Германия: сравнительный анализ). *Grundlegende didaktische Aspekte einer Weiterbildung von Lehrkräften (Russland-Deutschland: vergleichende Analyse)*: учебник. Екатеринбург, 2012. 323 с.

4. *Ломб К.* Как я изучаю языки (заметки знатока 16 языков). [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/lomb_kato/lomb_kato_kak_ya_izuchayu_yazyki/ (дата обращения: 12.08.2012).

5. *Сдобников В. В.* Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: моногр. / под общ. ред. В. В. Сдобникова. Н. Новгород, 2007. 165 с.

6. *Умин Е. А.* Иностраный — легко и с удовольствием: практ. руководство. М., 1993. 51 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://coleccion.narod.ru/manuales/Umin-Inostran.pdf> (дата обращения: 02.10.2012).

Статья поступила в редакцию 17.05.2013 г.

УДК 37.013.78 + 37.013.75 + 378.147

О. П. Маторина
О. А. Соколова

КЕЙС-СТАДИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Рассматривается сущность и значение формирования социальной компетентности будущих специалистов социально-культурной деятельности; показано использование метода кейс-стади (анализа конкретных практических ситуаций), обосновываются его сущность, этапы решения и доказывается эффективность использования этого метода в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе вузов культуры и искусств.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, социальная компетентность специалиста, профессионально-педагогическая компетентность, социально-культурная компетентность, метод кейс-стади.

Характеризуя современный этап развития человеческого общества, Д. И. Фельдштейн отмечает: «Огромные технические, технологические, производственные, культурные достижения, с одной стороны, и одновременно глобальный кри-

МАТОРИНА Октябрина Павловна — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования Белгородского государственного института искусств и культуры.

СОКОЛОВА Ольга Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики профессионального образования Белгородского государственного института искусств и культуры (e-mail: olga9803284560@mail.ru).

© Маторина О. П., Соколова О. А., 2013

зис — экономический, социальный, демографический, охвативший все сферы жизнедеятельности человеческого сообщества, включая и российский социум, объективно фиксируют реально новое историческое состояние развития, которое некоторые ученые связывают с рубежными переменами стадийного характера» [8, 3].

Любое общество стимулирует процесс развития образования, а образование, со своей стороны, является фактором общественного прогресса, но в период кризисов баланс их взаимосвязи нарушается. «Одним из социальных последствий стремительного технологического развития общества, которое стало особенно сильным, является кризис системы образования, суть которого заключается в неадекватности целей и содержания образования, а также форм, методов и уровня развития образовательных систем постиндустриальному обществу» [7, 3].

Устаревшая образовательная система перестала соответствовать потребностям общества и стала превращаться в тормоз прогрессивного развития цивилизации. В орбиту мирового кризиса оказалась втянутой и Россия, в которой затянувшийся кризис конца XX и начала XXI в. с особой силой проявился в духовно-нравственной сфере, в образовании и воспитании подрастающего поколения.

В условиях духовно-нравственного кризиса российского общества актуальной становится задача повышения эффективности и качества высшего социокультурного образования. **Социально-культурная деятельность**, соответственно, может быть определена как и интегративная многофункциональная сфера деятельности, одна из составляющих социальной работы; ее целью является организация рационального и содержательного досуга людей, удовлетворение и развитие их культурных потребностей, создание условий для самореализации каждой отдельной личности, раскрытия ее способностей, самосовершенствования и любительского творчества в рамках свободного времени [6, 6]. В силу возрастания значимости повышения эффективности и качества социокультурной деятельности в современных условиях повышаются требования к подготовке профессионалов в этой сфере. Главными парадигмами социально-культурной деятельности становятся человековедческая (Е. Васильева) и деятельностная.

Важнейшей составляющей подготовки современных специалистов социокультурной деятельности является формирование профессиональной компетентности. Категория **«профессиональная компетентность»** определяется «как динамически развивающееся интегративное качество личности, характеризующее ее способность профессионального действия на основе получения в вузах культуры и искусств знаний, умений, навыков, способов деятельности и ценностно-смысловых ориентаций; это системное интегративное единство когнитивной и деятельностной составляющих, социокультурных, личностных характеристик и опыта. Она не сводится ни к отдельным качествам личности, ни к их сумме, ни к отдельным знаниям, умениям и навыкам, не только отражает имеющийся у человека интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал и способность их использования, но и позволяет будущему специалисту

социально-культурной деятельности быть успешным, творческим профессионалом, счастливым человеком и активным гражданином» [4, 79].

Ядром профессиональной компетентности специалиста социокультурной деятельности является **социальная компетентность**, которая исследовалась в трудах Е. Н. Борисенко, Г. Э. Белецкой, С. З. Гончарова, И. Н. Зимней, А. К. Маркова, Г. К. Селевко, А. В. Хуторского и др.

Е. Н. Борисенко рассматривает социальную компетентность как «интегративное качество личности, дающее человеку возможность жить и действовать в социуме с учетом позиций и интересов других людей и своих собственных позиций и интересов» [3, 85]. Безусловно, с такой укороченной психолого-педагогической и социально-педагогической формулировкой социальной компетентности согласиться нельзя. Поэтому вслед за А. Н. Нежелским мы, исходя из сущности и содержания понятий «социальная» и «компетентность», даем следующее определение социальной компетентности будущих специалистов социально-культурной деятельности: *это интегративная характеристика совокупности таких качеств личности профессионала, как осознанные и прочные знания, умения, навыки и способы культурно-досуговой деятельности в социуме, направленные на интенсивное взаимодействие с социальной средой в процессе внутренней (психолого-педагогической) и внешней (социально-культурной) практической деятельности по преобразованию и себя, и людей социума — потребителей социально-культурных услуг в соответствии с целями и задачами (социализационными, образовательными, воспитательными, просветительскими, коммуникативными, рекреационными) в рамках учреждений культуры для массовой передачи (трансляции) элементов ее ценностного фонда как группам лиц, так и отдельным представителям социума в процессе индивидуальной работы с ними.*

Какие же методы обучения наиболее эффективны для формирования социальной компетентности будущих специалистов социально-культурной сферы? Наш опыт работы в Белгородском государственном институте искусств и культуры свидетельствует о том, что наиболее эффективны интенсивные формы и методы интерактивного характера, активизирующие учебный процесс (имитационные ролевые игры, тренинги), и неимитационные: игровое проектирование, кейс-стади, мозговой штурм, творческие мастерские, мастер-классы, дискуссии и т. д. Интенсивные интерактивные формы, методы, приемы и средства обучения формируют необходимые для социально-культурной деятельности социальные компетенции, профессиональные умения, навыки, а также психологическую готовность внедрять в реальную социальную практику потребительских услуг полученные в процессе обучения знания, умения и способы деятельности. «Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все обучаемые оказываются вовлеченными в процесс познания. Обучаемые при этом получают опыт кооперации и сотрудничества. В интерактивном обучении активность педагога уступает место активности обучаемых. Задачей преподавателя становится создание условий для их инициативы. Использование интерактивных методов обучения предусматривает моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых, деловых игр, тренингов, метода case-study (анализ конкретных практических

ситуаций), создание проектов, учебные дискуссии, мини-лекции, решение ситуационных задач, презентации, инсценировки» [5, 66].

Сущность метода кейс-стади заключается в самостоятельной работе будущих специалистов социально-культурной деятельности в искусственно созданной профессиональной среде. Это дает возможность соединить теоретическую подготовку и выработку практических умений для профессиональной деятельности в социально-культурной сфере. Студентам предлагается в ходе лекций, на семинарских и практических занятиях осмыслить конкретные ситуации профессиональной деятельности, предусматривающие решение проблемы. Техника метода кейс-стади была разработана в начале 20-х г. XX в. в Гарвардской бизнес-школе, но сам подход использовался еще Сократом, считавшим, что знание, полученное человеком в готовом виде, менее ценно и не так долговечно, как результат собственного размышления. Тысячелетия спустя этот метод получил название «метод кейс-стади». Мы уже убедились в том, что метод кейс-стади — метод активного обучения на основе реальных ситуаций.

Кейс — маленькое литературное произведение, которое не только дает информацию, но и заставляет погрузиться в атмосферу происходящего. Проблема внедрения кейс-метода в процесс формирования социальной компетентности студентов вузов культуры и искусств весьма актуальна и обусловлена тенденциями развития и совершенствования образования в условиях реализации компетентностного подхода.

Как положительное в кейс-стади можно отметить то, что этот метод может быть использован в группе на едином проблемном поле; он экономит учебное время; создает возможность не только получения студентами интересной социальной информации, но и глубокого ее осмысления и понимания; позволяет эффективно использовать принципы проблемного обучения применительно к анализу конкретных практических ситуаций и овладевать различными способами социально-культурной деятельности в конкретных социальных ситуациях; формирует навыки анализа и обобщения информации.

Кейс-метод достаточно сложен, интегративен, педагог должен уметь создать творческую атмосферу поиска истины при осмыслении конкретной практической ситуации, упражнения, задачи, события. Этот метод интенсифицирует креативные способности студента, его творческое мышление, повышает ответственность за принимаемые социально-культурные решения, учит работать в команде, развивает умение вести дискуссию, аргументировать свою точку зрения, учит эффективно выполнять свои профессиональные функции в социуме.

Достаточно точно и четко сложность, комплексность, интегративность данного метода показана в таблице К. Ю. Сидоровского [1, 34].

Метод, интегрированный в кейс-метод	Характеристика его роли в кейс-методе
Моделирование	Построение модели ситуации
Системный анализ	Системные представления в анализе ситуации
Мысленный эксперимент	Способ получения знаний о ситуации посредством ее мысленного представления

Метод описания	Создание описания ситуации
Проблемный метод	Представление проблемы, лежащей в основе ситуации
Метод классификации	Создание упорядоченных перечней, свойств, сторон, составляющих ситуации
Игровые методы	Представление вариантов поведения
Мозговая атака	Генерирование идей относительно ситуации
Дискуссия	Обмен мнениями по поводу проблем и путей ее решения

Кейс-стади как метод обучения способствуют формированию у студентов способности принимать решения сначала в аналогичных, а потом и в нестандартных конкретных социально-культурных ситуациях. Учебные кейс-стади должны быть ориентированы на проблемы, типичные для ситуаций реальной социально-культурной работы. Более того, интегративные кейс-стади методы могут быть использованы в аудиторной работе, внеаудиторной работе и непосредственно в практике социально-культурной деятельности, ориентированной на действенное решение конкретных актуальных социальных проблем.

В педагогическом образовательном процессе должны быть четко сформулированы дидактические, воспитательные, развивающие и социализирующие цели кейса на основе содержания того учебного материала, который изучают студенты. Решение цели, поставленной в кейсе, как бы органично включается в формирование знаний, умений и навыков студентов, на основе которых ими осваиваются способы социально-культурной деятельности. Кейс может быть как иллюстрацией к теории, так и практической ситуацией, а может включать в себя и то и другое.

Каждый кейс-стади имеет свое построение, содержание, структуру тезисов, выдвигаемых для решения. Покажем это на нескольких примерах кейсов по психологии, педагогике, социологии, культурологии, технологии социально-культурной деятельности.

Кейс-стади 1 (предмет: психология; тема: «Формирование личности в психологии»)

Какие психолого-педагогические и социально-педагогические проблемы поднимает С. Л. Рубинштейн в своем высказывании? Выразите, аргументируйте и обоснуйте свою точку зрения. Вынесите решение по поводу мыслей Рубинштейна, попробуйте спрогнозировать, что это даст, применимо ли сейчас.

Главное дело воспитания как раз в том и заключается, чтобы тысячами нитей связать человека с жизнью так, чтобы со всех сторон перед ним встали задачи, для него значимые, для него притягательные, которые он считает своими, в решение которых он включается. Это важнее всего потому, что главный источник всех нравственных неполадок, всех вывихов в поведении — это та душевная пустота, которая образуется у людей, когда они становятся безучастными к окружающей их жизни, отходят в сторону, чувствуют себя в ней посторонними наблюдателями, готовыми на все махнуть рукой, — тогда все им нипочем [2, 34].

Сделайте вывод: где и как вы можете использовать это психологическое положение в будущей практической работе.

Кейс-стади 2 (предмет: технология СКД)

На какие размышления по поводу социально-культурной деятельности наводят вас следующие слова? Какие проблемы в данном высказывании поднимаются?

Изменения в мировоззрении молодежи, которые произошли за последние полтора десятка лет, можно вкратце охарактеризовать такими новыми типичными чертами: отсутствие высоких нравственно-социальных идеалов и жизненных целей, стремление к личному обогащению как жизненный идеал, падение авторитета государства, общества, культуры, снижение общего культурного уровня по сравнению с тем, что был у молодых людей 20–30 лет назад; нежелание выпускников школы служить в армии и защищать Родину; плохая подготовленность к серьезному труду и семейным отношениям, ранние половые связи, широкая криминализация, рост наркомании и преступности среди молодежи [2, 34].

Кейс-стади 3 (предмет: технология СКД)

Прокомментируйте высказывание режиссера С. Говорухина. Какие актуальные практические проблемы в социальной жизни его волнуют? Выскажите ваше отношение к ним.

За последние 20 лет мы воспитали 60 % молодых людей, даже и не подозревающих о духовных радостях, живущих на уровне тупого биологического прозябания.

Ваш проект решения данной проблемы с позиций СКД (мозговой штурм).

Мы также проводили рефлексивный интегративный семинар «Что мне дало использование в образовательном процессе метода кейс-стади для формирования социальной компетентности», в котором участвовали преподаватели педагогики, психологии, культурологии, социологии, социальной педагогики, технологии СКД. Каждый участник семинара в качестве своеобразного пропуска должен был разработать кейс и вручить его преподавателям. Кроме того, каждому студенту вручалась памятка с вопросами, по которым он должен был высказать свое мнение. Эпиграфом были слова Расула Гамзатова: «Уважай чужое мнение, но, достойный мудреца, сам высказывай суждение лишь от первого лица».

Вопросы памятки:

1. Считаете ли вы метод кейс-стади интересным и полезным с точки зрения формирования умений и навыков решения конкретных социальных задач?
2. На ваш взгляд, способствует ли развитию творчества и креативных социальных способностей использование в вашей профессиональной подготовке кейс-метода?
3. Активизирует ли кейс-метод вашу познавательную активность, учит ли принятию решений, разработке плана их реализации?
4. Способствует ли этот метод формированию социальной компетентности?
5. Служит ли метод кейса укреплению интегративных связей педагогики и психологии, культурологии, социологии, социальной педагогики, технологии СКД?
6. Какими вы видите пути повышения качества формирования социальной компетентности методом кейсов?

Ответы студентов свидетельствовали о том, что метод кейс-стади является одним из самых результативных интерактивных методов, потому что создает возможность творчески осмыслить и применять в теории и на практике учебный материал, который ориентирован на эффективное решение конкретных стандартных и нестандартных проблем и ситуаций в социально-культурной

деятельности. Так как метод кейс-стади основан на интерактивном взаимодействии педагогов и студентов, он предоставляет будущим работникам социально-культурной сферы возможность проявить инициативу, самостоятельность в принятии решений, способствует овладению практическими навыками, способными социально-культурной деятельности, т. е. вносит существенный вклад в формирование их социальной компетентности.

Выводы

- На постиндустриальном информационном этапе развития общества возникла необходимость повышения качества образования.
- В современных условиях наиболее актуальной становится проблема повышения качества социокультурного образования.
- Важнейшим звеном повышения качества социокультурного образования является формирование социальной компетентности студентов.
- Одним из интенсивных интегративных методов формирования социальной компетентности в подготовке будущих профессионалов социально-культурной деятельности является метод кейс-стади. Применение данного метода усиливает практическую направленность профессионального образования, способствует его дальнейшему развитию и совершенствованию.

-
1. *Белкин А. С., Ткаченко Е. В.* Диссертационный совет по педагогике (опыт, проблемы, перспективы). Екатеринбург, 2005. 315 с.
 2. *Беляев В. И.* Педагогика А. С. Макаренки: традиции и новаторство. М., 2000. 222 с.
 3. *Борисенко Е. Н.* Теоретико-методологическое обоснование педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студента // *Инновации в образовании.* 2012. № 1. С. 84–94.
 4. *Нежелский А. Н.* Реализация компетентностного подхода в высшей военной школе на основе контекстного обучения // Там же. 2011. № 11. С. 73–83.
 5. *Новолодская С. Л.* Синергетический подход к исследованию педагогических проблем в поликультурном образовании // Там же. 2012. № 1. С. 60–72.
 6. *Тестов В. А.* Информационное общество: переход к новой парадигме образования // *Педагогика.* 2012. № 4.
 7. *Фендельштейн Д. И.* Психолого-педагогическая наука как ресурс развития современного социума // *Педагогика.* 2012. № 1.
 8. *Хуторской А. В.* Педагогическая инноватика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2008. 256 с.

Статья поступила в редакцию 16.05.2013 г.

СОЦИОЛОГИЯ

Более 30 лет Уральские социологические чтения являются главным научным мероприятием социологов Уральского региона. При поддержке Российского общества социологов этот форум приобрел статус российской конференции с международным участием. Уральские социологические чтения служат площадкой для обсуждения актуальных социальных проблем Уральского региона и российского общества в целом, формирования и укрепления профессиональных связей социологов Урала и других регионов России, формой повышения квалификации ученых, преподавателей, практических работников. В работе чтений постоянно принимают участие и студенты многих вузов Уральского региона.

Уральская социология заявила о себе в 1960-е гг. и формировалась как один из ведущих социологических центров России. Ее признанным лидером стал выдающийся отечественный социолог Л. Н. Коган, к которому позднее присоединились в Уфе Н. А. Аитов, в Перми — З. И. Файнбург. У истоков социологической науки на Урале стояли современные авторитетные социологи — Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский, Г. В. Мокронос, Г. П. Орлов и др. Социологическими центрами в Екатеринбурге стали отдел социологии Института экономики Уральского отделения РАН, философский факультет, а позже факультет политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Уфимский авиационный институт, а также Пермский политехнический институт.

Уральские социологические чтения проходили в различных городах — республиканских и областных центрах региона, где в среднем раз в два года социологи имели возможность творчески общаться и публиковать в сборниках доклады и выступления. Состоявшиеся 14–16 марта 2013 г. на базе Уральского федерального университета Уральские социологические чтения стали девятнадцатыми по счету. Они предваряют проведение на базе УрФУ крупнейшего социологического мероприятия — V Всероссийского социологического конгресса, проводимого под эгидой Российского общества социологов.

XIX Уральские социологические чтения были посвящены региональным особенностям разработки и реализации социальной политики. В них приняли участие социологи Москвы, Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени, Уфы, Перми, Сургута, Нижневартовска, Новосибирска, Кемерово, Владивостока и других городов.

По общему мнению социологической общественности, Уральские чтения —

это уникальная форма научного сотрудничества социологов в масштабах всей страны. Ни в одном регионе России нет ничего подобного, и это делает каждую новую встречу исследователей социальных проблем важным событием в жизни профессионального социологического сообщества.

УДК 316.1(09)

Г. Е. Зборовский

ПОЧИТАЯ СТАРОЕ, ОБРЕТАЕШЬ НОВОЕ, ИЛИ НУЖНА ЛИ СОЦИОЛОГУ ИСТОРИЯ ЕГО НАУКИ*

Доказывается необходимость историко-социологического анализа как неотъемлемого компонента социологического исследования и обучающих практик. Анализируются два противоположных подхода к классическому социологическому наследию.

Ключевые слова: история социологии, классики социологии, историко-социологическое знание.

На первый взгляд постановка проблемы представляется абсурдной: может ли нормально работающий в науке, в частности в социологии, человек отрицать необходимость изучения и знания ее истории? Вопрос, казалось бы, риторический. И все же не будем торопиться с ответом.

В самой постановке проблемы выражено стремление сформулировать отношение к прошлому социологии, другими словами — к истокам и классикам социологической науки. Есть две принципиальные позиции в этом вопросе. Одна ведет начало от идеи английского философа Альфреда Уайтхеда, который в 1917 г. утверждал: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена» [7, 115]. Из этого следует, применительно к социологии, что постоянное обращение к ее классикам, стремление не забыть Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера и др., активно использовать их идеи сегодня обрекает эту науку на гибель.

Вторая позиция противоположна по своему отношению к истории социологии и — коротко — сводится к необходимости постоянного к ней внимания и ее изучения. Разумеется, имеются и промежуточные точки зрения, одни из которых ближе к первой, другие — ко второй позиции. Но на них, в силу ограниченности научной задачи, мы здесь останавливаться не будем.

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

Обратим внимание на то, что положение Уайтхеда было сформулировано на рубеже двух этапов в развитии социологии — классического и современного, когда еще не только были живы, но и активно работали Дюркгейм, Зиммель, Вебер, Теннис. Разумеется, оно не имело прямого отношения к социологии. Но Уайтхед был слишком крупной фигурой в философской науке, чтобы его суждения оказались незамеченными.

На новом этапе развития социологии, связанном уже с появлением эмпирической социологии, перед ее представителями возник вопрос: как относиться к максиме Уайтхеда? Один из ответов на него недвусмысленно продемонстрировал Парсонс, когда построил свою классическую работу «О структуре социального действия» (1937) на комбинации идей Дюркгейма, Вебера, Парето. Тем самым было показано отношение к истории социологической науки — глубоко уважительное и базирующееся на понимании важности использования ее прошлых достижений.

Хотелось бы привести интересный фрагмент из названной выше работы Парсонса: «Многие ли нынче читают Спенсера? Нам сейчас трудно понять, насколько большой интерес вызывали идеи Спенсера в его время... Очевидно, что существуют определенные причины как того, что идеи Спенсера забылись скорее, чем идеи других мыслителей, так и того, почему Спенсер в свое время возбуждал общий интерес» [4, 43].

Авторитет Парсонса в последующем оказался настолько велик, что среди крупных социологов-теоретиков ни у кого не появлялось сомнения в необходимости изучать и применять идеи классиков. Такое отношение к ним было характерно прежде всего для учеников Парсонса, как ранних, так и поздних, — сначала для Р. Мертона, Н. Смелзера, Г. Гарфинкеля, затем — для Дж. Александера и др., а также для А. Гоулднера, Ч. Р. Милса и т. д. Блестящие образцы бережного отношения к классикам и истокам социологии демонстрировал в свое время П. Сорокин.

В последней трети прошлого столетия резко возрос интерес к Марксу и Веберу. Он был вызван разными причинами. К первому — из-за кризиса и крушения мировой системы социализма, а также в связи с системным анализом капитализма, который продемонстрировал Маркс. И даже его ошибки и противоречия, а также «двусмысленности» Марксовой социологии, как называл их Р. Арон, не уменьшили интерес к его творчеству. Что касается усиления внимания к М. Веберу, то оно было связано с поиском путей реанимации интереса к труду. В ряде западных стран, в первую очередь в США, наблюдалось падение (или западение) этого интереса, и возникал вопрос: нельзя ли найти у Вебера какие-либо теоретические рецепты (вроде активизации протестантизма) относительно решения этой проблемы?

Такое бережное отношение к истории социологии и ее основоположникам имело место вплоть до появления социологического постмодернизма, который, как известно, характеризовался негативной реакцией на прошлые достижения социологической науки, на ее классиков. И даже Ж. Бодрийяр, по образованию социолог, испил из этой чаши отрицания классической социологии.

В целом же теоретическая социология сохранила, вплоть до настоящего времени, позитивный настрой относительно классического наследия, особенно когда речь заходит об идеях Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера.

Но социология — не только наука в ее, так сказать, теоретической ипостаси. Есть еще и практическая деятельность социолога, и эмпирические социологические исследования, и социологическое образование (как минимум, на уровне бакалавриата). В этих же сферах социологической деятельности положение дел несколько иное. У людей, включенных в них, нет непосредственной потребности в глубоком знании истории социологии. Как писал известный польский историк социологии Шацки, «...труды классиков перестали быть непосредственно полезными для среднего социолога. Для проведения исследований в специальных областях социологии не нужно читать объемистые труды, часто заумные и полуфилософские по природе, написанные Марксом и Спенсером, Зиммелем и Вебером, Мидом и Знанецким. Для исследований достаточно уметь пользоваться новым справочником, стандартными техниками и современными теориями среднего радиуса действия» [6, 360].

Как же тогда учить будущих социологов? Насколько фундаментально знакомить их с прежними достижениями социологической науки? Как вообще формировать социологическое мышление? На какое знание опираться?

Именно в названных выше сферах деятельности социологов и стали возникать призывы отказаться от изучения классиков, призывы, которые до сих пор находят значительную поддержку среди целого ряда социологов, включая и преподавателей университетов, и их студентов. Американский социолог Дэвид Паркер в статье «Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s» (примерный перевод: «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом? Изучая социологию в 1990-е»), ссылаясь на мнение своих студентов, заявляет, что тексты классиков социологии сегодня мало актуальны, что они сложно написаны и трудно читаемы вследствие незнания особенностей времени и места их появления и т. д. [5, 122–146]. Представляется, что если бы мы сегодня попытались выявить мнения наших студентов относительно изучения классиков социологии, то получили бы примерно такие же ответы. (Но вообще интересно было бы провести исследование среди студентов-социологов на эту тему.) Значит ли это, что классиков не нужно изучать?

Вернемся к приведенной выше своеобразной максиме Уайтхеда. По существу, за ней скрывается мысль о том, что науке не следует все время повторять как заклинание ранее открытые знания. В суждении английского философа нашла свое отражение также мысль о том, что наука не должна воспроизводить старое знание, не должна его повторять, ее задача — создавать новое знание и тем самым двигаться вперед. Это, безусловно, верно в том плане, что наука является прежде всего творчеством и означает рождение нового знания. Поэтому в приведенной выше цитате есть зерно истины.

Но не менее верно и противоположное суждение (высказанное в полемике с А. Уайтхедом), которое представляется необходимым здесь привести и которое мы полностью разделяем. Оно принадлежит А. Б. Гофману, известному отечественному историку социологии: «...наука, забывшая своих основателей, также

обречена на гибель. Вот почему она нуждается в собственной истории, которая является своего рода биографией, коллективной памятью науки» [1, 17].

Очевидно, что в приведенном высказывании — суть второй позиции, которая противостоит сформулированной выше точке зрения. Мы исходим именно из этой позиции, и прежде всего потому, что она позволяет рассматривать преемственность социологии и перспективы ее развития с учетом прошлых достижений.

Есть еще более крайние точки зрения относительно роли историко-социологического знания. Так, Н. Ю. Матвеева полагает, что с его помощью можно преодолеть кризис социологической науки. Для этого нужно обратиться к принципиальной схеме М. Вебера «о сущности социального, как особой сферы бытия, заключающей единство мира фактов и мира ценностей через смысловое отношение индивидов к миру», и переосмыслению теории социальных фактов Э. Дюркгейма в русле понимания того, что они заключают в себе ценностные идеи, или идеи социальных явлений. Она пишет: «Исходя из этих постулатов и с опорой на методологию классической социологии, необходимо выстроить логически стройную систему научной социологической методологии. Сам по себе возврат науки к своим истокам призван найти общую почву для многочисленных теорий и подходов и общее видение дальнейшего движения» [3, 126].

Позиция Н. Ю. Матвеевой вполне понятна: преодоление кризиса в социологии и ее дальнейшее развитие возможно лишь за счет возвращения и обращения к истокам этой науки. Вряд ли можно согласиться с однозначностью и категоричностью такой позиции. Ее можно было бы принять в лучшем случае в качестве одного из пунктов решения проблемы кризиса, но не более того. Конечно, это не панацея от всех бед современной социологии и не единственный выход из кризиса. Есть и иные варианты и пути развития социологического знания, которые нельзя игнорировать.

Но дело даже не в этом, или не только в этом. Что нужно знать (изучать) в истории социологии и как это делать? Вот, с нашей точки зрения, вопросы, на которые следует ответить в первую очередь. А следующие за ними вопросы, логически вытекающие из предыдущих, — кому и для чего нужна история социологии? Ответы на поставленные вопросы не просты, поскольку требуют дифференцированного подхода к разным группам людей, занятым в сферах социологической науки и практики или просто изучавшим (изучающим) социологию.

Начнем с первого вопроса. К истории социологии можно относиться по-разному: считать ее разделом (частью) социологической науки в целом, знание которого необходимо для тех, кто ее изучает; рассматривать ее освоение как элемент социологического мышления и социологической культуры; видеть в ней предмет собственной профессиональной деятельности (спрос на которую, к сожалению, резко упал в последние годы). Известный древнеримский теоретик ораторского искусства Квинтилиан говорил: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит оставаться всю жизнь ребенком». Перефразируя Квинтилиана, мы могли бы утверждать: не знать историю социологии — значит оставаться в этой науке всю жизнь ребенком, не стать по-настоящему зрелым, профессиональным социологом.

Но нам представляется, что овладение знанием истории социологии не должно быть в подавляющем большинстве случаев самоцелью. Так же как «*Historia est magistra vitae*» (в переводе с латыни — история есть учитель жизни), история социологии тоже выступает учителем жизни (может быть, даже еще большим, чем просто история, учитывая специфику предмета и функций социологии). Это означает на практике, что знание ее должно способствовать осмыслению проблем, имеющих значение в современном обществе. Мы зачастую недооцениваем вклад наших великих предшественников-социологов в осмысление многих жизненно важных вопросов, волнующих сегодня все общество. Нередко вообще выступаем «Иванами, не помнящими родства».

Возьмем лишь один пример из близкой нам всем области — образования. Более 70 лет назад известный немецкий социолог К. Манхейм создал очень емкую и многообразную концепцию образования, в которой нашлось место не только школьному (общему), но и профессиональному, в том числе социологическому, образованию и которая до сих пор мало и плохо известна и социологам, и педагогам. Между тем он одним из первых сформулировал и разработал, причем достаточно детализировано, идею непрерывного образования как образования, проходящего через всю жизнь человека [2, 461–498]. У нас же в 1970-е гг. с большим успехом, как доказательство подлинного творчества, защищались докторские и кандидатские диссертации, посвященные непрерывному образованию, причем, разумеется, без ссылок на Манхейма. И это касалось как социологии и философии, так и педагогики и образования.

Еще один пример касается социально-педагогической проблемы успеха, которая рассматривается в целом ряде трудов педагогов. Однако ни в одном из них не содержится даже ссылки на парадигму обмена и работу Дж. К. Хоманса «Социальное поведение, его элементарные нормы» (1961), посвященную этой парадигме. Одна из глав этой книги так и называется — «Общие положения теории обмена». В ней содержится изложение основных аксиом (постулатов) этой теории, а понятие «успех» является таким же ключевым, как и понятия «вознаграждение» (награда), «ценность», «наказание», «одобрение», «лишение», «поведение» и др. Первая аксиома называется аксиомой успеха и формулируется так: чем чаще соответствующие действия людей получают вознаграждения, тем вероятнее, что эти действия будут осуществляться ими с определенной частотой и дальше. В педагогических работах по проблеме успеха многие их авторы строят свои концепции на этом тезисе, разумеется, применительно к воспитанию детей, но не ссылаются на Хоманса, что реально выступает как плагиат.

Примеры такого рода можно бесконечно множить, доказывая тем самым, что, во-первых, мы плохо знаем историю своей науки, во-вторых, даже «не заглядываем» в смежные отрасли знания (например, педагоги — в социологию), в-третьих, зачастую просто занимаемся плагиатом (не догадываясь об этом). Отсюда следует несколько выводов:

1. Необходимо изучение и знание не только истории социологической науки в целом, но и истории разработки ее конкретных проблем.
2. В ходе выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ

нужно требовать от студентов обязательной разработки и написания соответствующего историко-социологического раздела по теме исследования.

3. Столь же важным следует считать обращение к смежным с социологией отраслям знания. Такое обращение является хорошей предпосылкой перехода от предметного к междисциплинарному и, стало быть, проблемному исследованию, в чем социологическая наука явно нуждается и где содержится один из важных ресурсов ее развития.

Следующий вопрос: как изучать историю социологии? По нашему мнению, только на основании чтения первоисточников. Сегодня они широко представляют все основные социологические метапарадигмы, парадигмы и теории. Как бы хороши ни были отдельные учебники по истории социологии, они ни в коей мере не могут заменить чтения первоисточников. Благо, что сегодня есть переводы на русский язык сочинений (или фрагментов из них) практически всех крупных зарубежных социологов XIX–XXI вв. Здесь можно провести параллель с изучением истории философии, где требуется обязательное прочтение работ всех ее крупных представителей, начиная с античности. В истории социологии объем материала намного меньше, тем более необходимо его изучение.

Вообще же в социологии ситуация особенная: реально история социологии и есть сама социологическая наука, поскольку знание первой предполагает, так или иначе, наличие представления о том, что такое собственно социология. Более того, в социологической науке есть точка зрения (она принадлежит английскому социологу Э. Гидденсу), согласно которой современная социология восходит к началу XIX в. и охватывает тем самым эпоху капитализма. В связи с нашей постановкой вопроса о соотношении истории социологии и социологической науки в целом это значит, что история социологии есть лишь определенный срез социологической науки в целом, совпадающий с ней хронологически, но отличающийся постановкой, характером и способом рассмотрения проблем.

Наконец, вопрос о том, кому и для чего нужна история социологии. В силу своей очевидности ответ на него может быть достаточно лаконичным. Любой социолог принадлежит к группе интеллектуальных слоев общества и, следовательно, по определению должен быть как минимум культурным человеком, что предполагает знание как истории в целом, так и истории своей науки. Тем более что речь идет о такой науке, история которой чрезвычайно близка к истории общества.

Что дает это знание? То же, что дает владение определенным капиталом и ресурсом. Историко-социологическое знание, если оно имеется у социолога, выступает его интеллектуальным и культурным капиталом и таким же ресурсом. А дальше все зависит от того, как субъект этого знания сумеет им распорядиться, превратить в другие виды капитала и ресурсов.

1. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

3. Матвеева Н. Ю. Современная социологическая наука. Возвращение к истокам // Социол. исслед. 2012. № 5. С. 350–374.

4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
5. Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // The Sociological Review. 1997. Vol. 45, № 1. P. 3–204.
6. Szacki J. The History of Sociology and Substantive Sociological Theories // Bottomore T., Nowak S., Sokolowska M. Sociology, the State of the Art. L., 1982. P. 117–126.
7. Whitehead A. N. The Organization of Thought, Educational and Scientific. L., 1917.

Статья поступила в редакцию 7.05.2013 г.

УДК 316.722 + 316.73 + 398.22

К. М. Ольховиков
С. В. Ольховикова

АКТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ПРАВОВ И МИФОВ*

Статья посвящена анализу мифа в контексте социальной регуляции и культурной идентичности. Большинство исследователей мифа предпочитают подчеркивать неморальность мифа, однако именно социальные регуляторы и образы идентифицируют человека и культуру в контексте актуальной мифологии. Для России особенно остра проблема корней культурной самоидентичности.

Ключевые слова: миф, мифология, нравы, культура, динамика культуры.

Нравам свойственно меняться, они не могут не быть всегда другими, не могут не включать в себя иные, неморальные компоненты, противопоставляющие их осознаваемым в обществе моральным ценностям. Российское общество начала третьего тысячелетия обладает нравами, вобравшими в себя характерные последствия экономического перехода от иерархического распределения к рынку. Вакансии мудрого вождя и самоотверженных руководителей не заняли инструментальные лидеры и целерациональные предприниматели, дефицит искреннего доверия публичности не сменился рациональной легитимностью частных лиц. Традиционное нравственное сочувствие в критериях справедливости — несправедливости не сменилось прагматичным желанием плюрализма, поддерживаемого средствами толерантного социального отбора личностей, институтов, отношений. Потребление стало в российских нравах собственной метафорой, но не в соответствии с моделью Ж. Бодрийера [8], а в качестве само-

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

ОЛЬХОВИКОВ Константин Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (ok.mymail@yandex.ru).

ОЛЬХОВИКОВА Светлана Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (ok.mymail@yandex.ru).

© Ольховиков К. М., Ольховикова С. В., 2013

оправданного отклонения от индустриальной этики (трудолюбия). Потребительская мифология современной экономики превращает нравы в вариант социальной моды, заменяет проповедь рекламным искушением, заменяет традицию глобальными образцами повседневно потребляемой продукции. Теперь не человек меняет маски, рискуя испытать пустоту окружающих «я» и собственную пустоту, но маски живут своей жизнью, поддерживаемой потребительским поведением индивидов, лишая при этом человека опасности встретиться со своей собственной опустошенностью. Публичный символ этой опустошенности — утрата национальной идеи. Остатки национального самосознания российских граждан рискуют погибнуть под осколками советского образа жизни, не выдержавшего столкновения с глобализмом.

Мифологическое величие потребления заставляет его порождать свои собственные дискурсы и антидискурсы. Именно к последним принадлежит современное морализаторство, обреченное на критический жанр. Морализм становится важным участником реструктурирования всей ценностной идеологии, становится чем-то существенно большим, чем традиционное вторжение в нравы. Но никто сегодня не в силах отмыться от публичного заигрывания с повседневностью.

Советская этика разрывалась между Сциллой идеологической конъюнктуры и Харибдой метафизической сухости. И то и другое позволяли на некоторое время избегать упреков в излишних увлечениях своим контрагентом. Безупречный стиль А. И. Титаренко [5] и теоретическая строгость О. Г. Дробницкого [1] были лучшими и сильнейшими аргументами для преодоления идеологических и метафизических оков марксистско-ленинской этики. Исследования нравов оставались на периферии проблемного поля этического познания. Собственно, сверхзадачей советской этики оставалось оправдание ее права на жизнь в рамках марксизма-ленинизма. Большинство исследований нравов были посвящены авторским версиям понимания предмета этики, а не ожидаемой феноменологии взаимодействия морального сознания и нравов, в их непосредственном качестве поведенческих предписаний и ожиданий.

Общее отсутствие научной теории управления обществом в стране сосуществовало с марксистско-ленинской идеологией. Скрупулезно и вездливо эту проблему отсутствия науки управлять анализировал и критически переосмысливал А. А. Зиновьев [2]. Но он заряжен на логическую адекватность, а нравы для него оказываются вспомогательным ресурсом, поставляющим художественные образы и метафоры. И теория нравов — это все-таки прозрачный структурный компонент социологии Зиновьева, пример талантливой характерологии. Так общество само куёт в небольших количествах собственных морализирующих отщепенцев, приносимых в жертву за грехи общества.

Одной из главных жертв глобализации является национальное государство. Сама постановка вопроса о появлении новых реалий, мировой организации перемещения материальных, финансовых, информационных ресурсов непосредственно воспринимается как угроза национальным культурам, традиционному укладу жизни в целом. Идеи глобализации, доносимые до массового сознания средствами массовой информации, воспринимаются эмоционально или

на уровне мифа. Это выявляет противоречие между национальным и общечеловеческим мифом в сознании большинства современных народов. В основе мифа лежит бинарная оппозиция «свой — чужой», составляющая инвариантную основу мифомышления, его базу. Поскольку миф в целом, как таковой, лежит в сердце культуры, определяя ее специфику, то это базисное противопоставление становится попыткой рефлексии мифа о самом себе, но уже средствами современных глобальных информационных технологий. Вопрос о национальной идее становится вопросом современного развития российской культуры.

Ключевыми измерениями современной глобализации, ее действенными агентами выступают менеджериальная и рыночная революции в массовом сознании россиян. Происходит хроническое отставание диспозиций социальной и образовательной политики, кадрового обеспечения и широкого популярного просвещения граждан России по причине «разрыва», вакуума между реальными нравами и действующими образцами экономического поведения. В массовом сознании произошел фактический раскол, расщепление общественной жизни на должное и возможное. Порядок и прогресс, выразившие когда-то идеалы социальной статики и социальной динамики в позитивизме О. Конта, как никогда до этого в мировой истории, далеко разошлись в современном российском массовом сознании.

Социология, возникшая в поздних индустриальных обществах Запада как попытка осознания быстрой динамики и нарастающего плюрализма образов жизни на фоне массового производства вещей и внедрения массового светского образования в сочетании со становлением средств массовой информации, достаточно быстро привнесла в общенаучную логику социальных исследований ритмы национальных школ. Успешные общества сегодня — это те, кто смогли найти формулы общенаучного оправдания собственных национальных стилей в организации управления и в предпринимательстве. Безусловно, классическим остается тезис М. Вебера о взаимосвязи протестантской этики и духа современного капитализма. Глобализация не решает проблем мобилизации общественных нравов помимо ресурсов, выработанных национальными религиозными традициями, а также помимо их постоянных творческих переосмыслений. Сильное общество сегодня — это то, которое достаточно активно входит в мировые процессы, сохраняя баланс в циркуляции материальных, финансовых, информационных ресурсов для внешнего и внутреннего потребления. Нужны новые прочтения, обращающие исходную основу российской национальной идеи в перспективу.

Тема нравов была прозрачна в творчестве крупнейших советских социологов. Они всегда жили обращением к несомненным смыслам и стилям советской эпохи — но тем интересней обращение к этой теме сегодня. Общие положения социологической теории позволяли предметно переходить от исторических экскурсов и обзоров социальной мысли к острым и непосредственным жизненным ощущениям советского быта. Содержательно и нарицательно вдохновляющей фигурой подобных применений общекультурных ресурсов в социологическом мышлении является Л. Н. Коган [3], смело обращавшийся к философско-исторической и социально-нравственной тематике в ее не стесненных привычно-

тью пределах. Можно сказать, что советская социология была отзывчивей и восприимчивей к классическому морализму по сравнению с его неклассическими западными прочтениями.

Достаточно досадно наблюдать то самоограничение социологов в их обращениях к Марксу, которое возникло сегодня в тени Франкфуртской школы и К. Поппера [7]. Именно полемика относительно позитивизма в немецкой социологии 70-х гг. прошлого века и связанные с ней недоразумения сегодня затрудняют вычленение конструктивных составляющих социологической теории Маркса. Но и в этом своеобразном симптоме можно ясно различить Марксову версию социологии морали. Лобовое столкновение социального конфликта и социальной этики как главных смыслообразов, квалифицирующих значение социальной теории марксизма, вложенное ее основателем, открывает широкое поле идеологем власти, определяющих базисное проблемное поле современной политической философии. Власть не остается вещью-в-себе, формально представляющей в конкретных проявлениях господства. Власть не осуществляет случайным образом иррациональные порывы воли. Наконец, власть не исчерпывается рациональным прочтением публичных символов.

Великим прорывом социологии к нравам (и не только) стала понимающая социология, идущая от М. Вебера. Парадигма социального действия недвусмысленно оппонирует упрощенным трактовкам морального прогресса, религии, социального отбора, борьбы. Параллелизм субъектных и объектных оснований социальной реальности, неизбежное взаимодействие внутреннего произвола и внешней формальной устойчивости социальной действительности открывают широкое поле типологии нравственных мотивов, ориентаций, порядков, управляющих воздействий. В отличие от позитивизма, структурно-функционального анализа, социального эволюционизма, материалистического понимания истории здесь впервые происходит четкое разграничение объектной классификации и смысловых типологий общественных нравов. Так созревает новая ситуация. Мировая и отечественная мысль оказывается связанной единством подписи под одними и теми же структурными фигурами науки и повседневности.

Теоретически очевидно, что, поскольку утверждение утилитарной нравственности является необходимым для перехода к либеральным ценностям, российские реформы должны опираться на гибридный нравственный идеал, объединяющий либеральные, утилитарные и традиционные ценности. Но будет ли жизнеспособен этот гибрид, и какая лаборатория должна его создать?

О необходимости формирования новой структуры ценностных предпочтений в России говорил А. Панарин [4]. По его мнению, только так Россия может ответить на вызовы глобализма XXI в. Если элита действительно занимает позицию медиатора, то предательство национальной элиты может оказаться роковым для России, инверсионные настроения в народе будут нарастать. Победа Запада в «холодной войне» была истолкована победителями как новая победа Запада над Востоком, цивилизации над природой, экономического начала над социальным, приспособленных над неприспособленными.

Разрушение пантеона героев советской мифологии привело к серьезному вакууму в системе актуальных российских ценностей — все чаще мы слышим

о «времени без героев». Показателен в этом смысле и конкурс, проведенный телеканалом «Россия» в 2008 г. «Имя Россия»: среди пятисот имен были выбраны с минимальным разрывом Александр Невский, Петр Столыпин, Иосиф Сталин. На разных этапах голосования набирали большинство голосов Владимир Ленин, Петр I, Юрий Гагарин. Делая скидку на PR-компанию, проведенную телеканалом, можно выделить имя П. Столыпина, как наименее мифологизированное и поэтому сомнительное в данном ряду. Противоречивость и неоднозначность этого набора имен еще раз подтверждает фрагментарность национальной мифологии, отсутствие целостности. Ведь герой — это еще и психологическое воплощение идеи центра. Герой — это духовный центр нации, воплощение огромной энергии, стягивающий к себе все смыслы, ценности и цели.

Еще сложнее обстоит дело с героями мифологии настоящего. Мы намеренно оставляем за скобками рассуждения о политических деятелях и вождах современности — слишком далеки современные политики от нравственного идеала. Однако возможно предположить, что в России всегда были особые трудности с поиском современного героя. Коллективное «мы» всегда очень негативно оценивало настоящее, предпочитая умиляться героям прошлого или мечтать о светлом будущем. Цельная картина мира отсутствует, настоящее рассыпается в противоречивых оценках прошлого и отсутствии образа цели. Герои настоящего должны действовать во имя чего-то, героизму настоящего должно быть воздаяние в будущем. Одной из глобальных целей поступков героя является восстановление справедливости. Мифологема справедливости наиболее востребована в современной российской действительности, это ее своеобразная «болевая точка». Востребованность мифологемы справедливости актуализирует вновь идеологему равенства, одну из базовых идеологем российской культуры. Идеи равенства и справедливости были базовыми в русской крестьянской общине. После краха коммунистической идеологии казалось, что идеологема равенства исчерпала себя. Но в условиях глубокого раскола страны она оказалась вновь востребованной. Ощущение крайней несправедливости происходящего в стране нарастает. Если власть и элита не осознают этого настроения масс, ситуация может обостриться до крайности. Предпосылки этому налицо, ведь деятельность бизнес-элиты чаще всего не соотносится с общественным мнением. Например, К. Бендукидзе провел в свое время реструктуризацию Уралмаша в соответствии с современными требованиями науки управления и закона. Однако в общественном мнении его деятельность воспринималась как несправедливая, а следовательно, незаконная. Российские олигархи не понимают, что бизнес в нашей стране должен быть не только законным, но и справедливым прежде всего. Только так из сознания людей уйдет идея экономического уравнивания и передела.

Итак, очевидно, что потребность в герое есть потребность в справедливости, а дефицит справедливости в реальном «безгероичном» мире — симптом упадка национального духа. В диалоге двух персонажей из пьесы Брехта «Галилей» эта мысль выражена ясно: «Несчастлива та страна, где нет героев. / Нет. Несчастлива та страна, которая в героях нуждается».

Если рассматривать путь мифологического героя с психологических позиций, то он всегда ведет внутрь, в глубины души. Движение может быть беско-

нечным, в сущности, это движение к центру и есть смысл движения. Это не только путь в себя, это путь к себе через творение. Цель таких мифов — раскрыть заложенный в нас потенциал. Не каждый человек способен одолеть путь к центру, но еще сложнее обратная дорога, ведь Тесею, чтобы выбраться из лабиринта, понадобилась нить Ариадны. Что же представляет собой этот обратный путь? Это реализация тех приобретений, которые и были смыслом путешествия в глубины своей души, это обретение целостности. Для К. Г. Юнга ощущение целостности и есть идея центра. Целостность достигается только тогда, когда социум принимает дары героя, когда все жертвы и лишения свершаются не напрасно.

Соответственно, целостность национальной мифологии немислима без мифологии будущего. Неудовлетворенность настоящим должна быть оправдана воздаянием, светлой целью. Отказ государства от футурологического проекта «коммунистического рая» означал отказ от образа цели на уровне общественного сознания. Но массовое сознание по инерции создавало себе образ «капиталистического рая», рухнувший уже без помощи государства. Последнее десятилетие прошло под знаком дискуссий о национальной идее, потребность в которой на уровне общественного мнения осознается все более остро. Не претендуя на исчерпывающее исследование этой проблемы, хотелось бы обозначить позицию в контексте нашей проблематики.

Национальная идея — это идеологема, теоретическое выражение приоритетов и ценностей нации, некий хронотоп национального духа. Базой этого футурологического проекта должна стать мифология будущего, которой пока нет. Поэтому «пробуксовывает» и футурологический проект. На сегодняшний день есть только осознание общественным мнением необходимости национальной идеи. Власть в постперестроечный период, проповедуя идею «прагматизма», на деле реализовала политику отложенного стратегического выбора. Для того чтобы была сформулирована национальная идея, необходимо, чтобы власть как минимум содействовала формированию гражданского общества в России, найдя точки соприкосновения с ним. Это тяжелый путь в силу особенностей менталитета, но противоречия законности и справедливости необходимо преодолевать. Думается, что такой уровень единства нации позволит постепенно сформировать национальную мифологию, преодолевая в ней дискретность и фрагментарность. А уже впоследствии идеологи государства и духовные авторитеты гражданского общества совместно могут сформулировать цели развития России и ее футурологический проект.

Когда это случится и случится ли в принципе, мы не можем знать, но сегодня мы живем в условиях отсутствия внешних авторитетов, причем эта ситуация не уникальна для России, она характерна для многих стран. Американский психоаналитик Дж. Холлис [6] считает, что в последние сто лет произошло изменение базовой установки — переключение с обязательного соотношения своего мировосприятия с мировосприятием, обусловленным внешним авторитетом, на необходимость поиска собственной внутренней точки опоры. Долгое время именно мифологические системы объединяли людей и придавали их существованию смысл. Затем их заменили социальные представления и

политические идеологии, но и они оказались несостоятельны, поскольку мифическая связь с космосом была утрачена. К. Г. Юнг по этому поводу говорил, что воплощение смысла, которое когда-то являл собой миф и поддерживающие его социальные институты, ушло внутрь, спустившись с Олимпа в солнечное сплетение. Мир стал психологичным, психика каждого человека — это место, где внешнее встречается с внутренним. Именно там можно найти заново сформированный миф, ибо каждый должен взять на себя ответственность за формирование смыслов собственной жизни и собственной системы ценностей, если не хочет оказаться объектом манипуляции псевдомифов. Жить героической жизнью сегодня — не значит копировать киношных супергероев. Кумир лишь напоминает человеку о его собственном предназначении, его собственном призвании, его собственном героическом зове. И насколько человек услышит этот зов, настолько он сможет стать главным героем в собственной жизненной драме. Возможно, работа над индивидуальным мифом будет первым шагом в формировании национальной мифологии или мифологии какой-то иной общности российских граждан.

-
1. Дробницкий О. Г. Понятие морали: историко-критический очерк. М., 1974.
 2. Зиновьев А. А. Логическая социология. М., 2006.
 3. Коган Л. Н. Человек и его судьба. М., 1984.
 4. Панарин А. Народ без элиты // Лит. газ. 2001. № 48 (5858), 28 нояб. — 4 дек.
 5. Титаренко А. И. Антиидеи: Опыт социально-этического анализа. М., 1984.
 6. Холлис Дж. В поисках божественной обители. М., 2008.
 7. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000.
 8. Baudrillard J. La societe de consommation: Ses mythes: Ses structures. P., 1991.

Статья поступила в редакцию 7.05.2013 г.

УДК 377.1:376.722

Е. А. Шуклина

СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ*

В статье ставится проблема изучения качества образовательных услуг учреждений среднего профессионального образования в области культуры. На примере конкретно-социологического исследования музыкальных и художественных колледжей, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области, анализируются результаты мониторинга качества услуг этих государственных образовательных учреждений.

Ключевые слова: качество образования, образовательная услуга, учреждение образования в сфере культуры.

Среднее профессиональное образование в сфере культуры в последние годы не являлось сферой исследовательских интересов социологов ни на теоретическом, ни на прикладном уровне. Вместе с тем ситуация настолько неоднозначна, что требует комплексного описания проблем для принятия адекватных управленческих решений [1, 3, 4, 6, 8]. В данной статье представлены результаты мониторинга качества образовательных услуг учреждений среднего профессионального образования (СПО) в сфере культуры в Свердловской области.

Проблемы методологии изучения качества образовательных услуг учреждений среднего профессионального образования

Реализация данного мониторинга представляет собой комплексную проблему. Для ее решения необходимо учитывать ряд обстоятельств. Прежде всего, тот факт, что образовательная услуга учреждений СПО представляет собой процесс взаимодействия социальных общностей, прямо и/или косвенно включенных в образовательный процесс: студентов, преподавателей, представителей менеджмента образовательных учреждений, управленчески воздействующих на ее организацию и реализацию, а также родителей студентов и учащихся, получающих дополнительное образование в данных образовательных учреждениях. Именно поэтому мониторинг предполагает сбор и сопоставление информации от максимально возможного числа субъектов, включенных в образовательный процесс, и по разным аспектам их взаимодействия: социально-профессиональным, социокультурным, социально-педагогическим, социально-психологическим, методическим, материально-техническим, информационно-технологическим и т. д.

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

ШУКЛИНА Елена Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, директор Центра социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного университета, г. Екатеринбург (e-mail: shuklina_elen@mail.ru).

© Шуклина Е. А., 2013

Функция образовательной услуги заключается в удовлетворении потребности личности (социальной группы) в профессиональном образовании, овладении основами профессиональной культуры, получении практических навыков профессиональной деятельности, формировании общей культуры, переобучении, повышении квалификации [5]. Социальными последствиями реализации образовательных услуг становится удовлетворение потребности общества в воспроизводстве социальной структуры посредством подготовки специалистов соответствующей квалификации, изменение социокультурной ситуации в обществе в целом, развитие культурного потенциала страны.

На уровне образовательного учреждения образовательная услуга СПО может быть рассмотрена как продукт, представляющий собой комплекс образовательной программы и ее педагогического, материально-технического и организационно-управленческого сопровождения. На уровне социума в целом специфика образовательной услуги учреждений СПО состоит в том, что она является не только средством трансляции духовных ценностей, но и частью духовного производства. Изучение социальной эффективности образовательной услуги заключается в выявлении степени удовлетворенности непосредственного потребителя (личности, отдельных социальных групп) качеством образовательной услуги, а также в отслеживании широких социальных и социокультурных эффектов от реализации образовательных услуг на уровне региона, общества.

Еще одной особенностью образовательной услуги является то, что она формирует определенные социальные и социально-профессиональные качества, создает культурный потенциал, задающий общую направленность профессиональной и творческой деятельности личности. Полученный результат имеет отложенный характер и проявляется не сразу, а через определенное время, когда потребитель реализовывает свой потенциал уже за пределами образовательного учреждения.

Важной составляющей и необходимым условием реализации образовательной услуги являются субъективные (потребностно-мотивационные и ценностно-нормативные) характеристики учащихся и преподавателей, они определяют эффективность их сотворчества в сфере образования и профессионального становления. Именно поэтому мониторинг ориентирован на сбор информации субъективного плана: мотивов, оценок, настроений, ожиданий и т. д., сопровождающих образовательный процесс.

Образовательная услуга является протяженной во времени, проходя разные стадии жизненного цикла, она для одних и тех же потребителей может иметь в разные периоды времени разное качество, в большей или меньшей степени удовлетворяя их образовательные потребности. Будучи реализована во времени, образовательная услуга должна быть исследована в рамках мониторинга с точки зрения качества целей, средств, процесса и результата. Изучение представлений различных социальных групп, включенных в образовательную деятельность, об этих составляющих позволит получить всестороннюю и комплексную картину эффективности реализации образовательной услуги на уровне образовательного учреждения.

Понимая сложности исследования, укажем еще на одну проблему методологического свойства, которая возникает при определении понятий «качество (эффективность) образовательной услуги» и «качество образования». Присоединяясь к позиции целого ряда исследователей, мы будем рассматривать понятие «качество образования» как более широкое, распространяющееся на микроуровень личности, мезоуровень социальной группы, организации и макроуровень общества в целом. Понятие «качество образовательной услуги» менее абстрактно, более инструментально и характеризует, как правило, деятельность образовательного учреждения и эффективность образовательной деятельности обучающихся в нем [3, 333–352].

Именно поэтому методологически сложный и трудоемкий процесс исследования глобальных социальных и социокультурных эффектов, заключающийся в анализе воспроизводства социальной структуры, характеристике уровня кадровой обеспеченности региона выпускниками-специалистами в сфере культуры и качества этих специалистов, а также в анализе социальных эффектов культурного воспроизводства, являющихся результатом их профессиональной деятельности, остается за бортом мониторинга, поскольку относится к сфере качества образования как системы и социального института [2, 7].

Свердловская область обладает уникальными образовательными учреждениями СПО, каждое из которых имеет свое лицо, длительную историю, сложившиеся традиции, их выпускники являются достоянием и гордостью не только российской, но и мировой культуры. Конкретно-социологическое исследование качества образовательных услуг учреждений СПО в области культуры — музыкальных и художественных колледжей Свердловской области было проведено автором в 2012 г. по заказу Министерства культуры и туризма Свердловской области в рамках мониторинга качества услуг этих государственных образовательных учреждений. Объектом исследования выступали студенты (стратифицированная выборка с пропорциональным размещением, объем выборки — 833 чел.), директора учреждений СПО (6 чел.), дети, получающие дополнительные образовательные услуги, и их родители (в целом они репрезентируют 50 % от годового объема государственной услуги по программе дополнительного образования для детей), родители учащихся, получающих в колледжах среднее (полное) общее образование (всего 67 чел.).

Структурные характеристики выборочной совокупности, показывающие распределение по образовательным учреждениям, представлены в табл. 1.

Условия реализации образовательных услуг учреждений СПО в сфере культуры в Свердловской области

Оценка условий реализации образовательных услуг колледжей студентами и администрацией образовательных учреждений культуры СПО оказалась противоречивой. Студенты продемонстрировали высокий уровень удовлетворенности качеством преподавания; характером социально-педагогического взаимодействия с педагогами колледжа; организацией учебного процесса, практики, концертной (выставочной) деятельности; социально-психологическими условиями

Таблица 1

Структура выборочной совокупности

Средние профессиональные образовательные учреждения культуры и искусства	Количество респондентов	
	чел.	%
Нижнетагильский колледж искусств	101	12,2
Уральский музыкальный колледж	50	5,8
Свердловское музыкальное училище им. П. И. Чайковского	150	18,2
Свердловский колледж искусств и культуры	190	23,2
Свердловский мужской хоровой колледж	46	5,4
Асбестовский колледж искусств	84	10,1
Красноурьинский колледж искусств	116	14,0
Свердловское художественное училище им. И. Д. Шадра	96	11,1
Итого	838	100,0

взаимодействия в учебном коллективе; учебно-методическим оснащением образовательного процесса. В меньшей степени они удовлетворены информационно-технологической и материально-технической обеспеченностью учебного процесса, организацией внеучебной деятельности. У студентов есть претензии относительно санитарно-гигиенических условий образовательного учреждения (табл. 2).

Директора колледжей гораздо более категоричны в оценке условий реализации образовательных услуг. Высказываемые ими претензии относительно финансирования, материально-технического и организационного обеспечения образовательной деятельности студентов напрямую связаны с кризисной ситуацией в отрасли и хроническим недофинансированием образования в области культуры. К наиболее проблемным сферам они относят: плохую материально-техническую оснащенность зданий, аудиторий, необходимость ремонта в них; отсутствие финансирования в соответствии с госстандартами на получение учебной литературы, методических материалов, особенно на современных носителях; низкую заработную плату учителей, ограничивающую воспроизводство кадрового состава образовательных учреждений; отсутствие финансирования на повышение квалификации педагогов, а также практику студентов.

Для представителей образовательного менеджмента обеспечение колледжа качественными музыкальными инструментами — одна из серьезнейших управленческих проблем, решение которой требует постоянных усилий.

«Серьезная проблема — это отсутствие новых инструментов. Парк роялей изношен более чем на 90 %» (В. Г. Пастухов, директор Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского).

Директора колледжей говорят о необходимости помощи в организации концертной деятельности учащихся. Кроме финансирования, нужна организационная работа (выделение, создание концертных площадок, работа с целевой аудиторией, ориентированная на предлагаемый культурный продукт).

Таблица 2

Результаты опроса студентов об условиях реализации образовательной деятельности

<i>Насколько вы удовлетворены содержательными, организационными и социально-психологическими условиями?</i>	Индекс
Качеством преподавания	0,51
Стилем преподавания	0,46
Отношениями с преподавателями	0,57
Организацией учебного процесса	0,40
Организацией практики	0,38
Организацией концертной деятельности	0,46
Организацией внеучебных мероприятий	0,29
Психологической атмосферой в учебном заведении	0,56
<i>Насколько вы удовлетворены методическими, материально-техническими, информационно-технологическими условиями?</i>	
Уровнем доступности учебной и методической литературы в библиотеке образовательного учреждения	0,40
Наличием и качеством музыкальных инструментов в образовательном учреждении	0,11
Наличием, удобством концертного(ых) зала(ов)	0,42
Оснащением учебных аудиторий техническим оборудованием (аудио, видео и др.)	0,04
Уровнем доступности современных информационных технологий (возможность работы на компьютере, использования ресурсов Интернета)	0,04

Примечание. Здесь и в табл. 3 индекс рассчитан по порядковой шкале и меняется в границах от -1 до +1.

Необходимо создавать среду для культурного взаимодействия зрителей и детей-музыкантов.

Для образовательных учреждений так называемого полного цикла, когда среднее профессиональное образование совмещено с получением среднего общего полного образования, проблемы аудиторного фонда и его оснащения обретают особый характер, остро стоит проблема учебной литературы.

«Важнейшая проблема для нас — это проблема отношений с министерством образования. Наши дети непонятно почему не входят ни в одну программу министерства образования, хотя мы даем начальное образование основное, начальное общее и основное общее. Но при этом мы не получаем учебников, наши преподаватели получают зарплату совершенно другого уровня, мы не попадаем в программы по компьютеризации и т. д. Мы никуда не попадаем. Но министерство образования понимания сути проблем нашего учебного заведения пока не демонстрирует» (Э. Г. Архангельская, директор Уральского музыкального колледжа).

Межведомственные противоречия между министерствами образования и культуры приводят к прямым нарушениям права учащихся на получение образования.

Важной проблемой, по мнению директоров колледжей, является оптимизация системы повышения квалификации. Прежде всего, необходимо как минимум восстановить финансирование курсов повышения квалификации для педагогов. Важна комплексность и системность в подготовке и переподготовке педагогов. Директора колледжей отмечают, что решение проблем кадрового обеспечения и повышения квалификации кадров государственных образовательных учреждений должно осуществляться на государственном уровне, в противном случае бесполезно говорить о перспективах развития не только образовательных учреждений, но и отрасли в целом.

Для образовательных учреждений культуры, особенно такого уровня, как в Свердловской области, повышение квалификации не может замыкаться только на переобучении и переподготовке. Для профессионалов высокого уровня необходимы профессиональная коммуникация и культурные обмены. По мнению администрации колледжей, учитывая достаточно масштабное развитие фестивальной деятельности в области, надо и дальше совершенствовать формы профессионального общения педагогов.

Администрация колледжей убеждена в необходимости корректировки правовой регламентации взаимодействия образовательных учреждений со спонсорами, разработки на государственном уровне политики формирования культуры меценатства. По ее мнению, изменение порочной практики финансирования образования в области культуры должно сочетаться с современными проектными методами управления и адресной поддержкой конкретных образовательных учреждений и программ с помощью системы грантов и иных управленческих механизмов.

Представители образовательного менеджмента убеждены, что среднее профессиональное образование развивается скорее вопреки, чем благодаря политике в области культуры, реализуемой на федеральном уровне. В целом суть их высказываний заключается в том, что государство должно выполнять свои обязанности по поддержанию и воспроизводству культуры в обществе.

Отношение студентов к процессу и результату образовательной деятельности

Характеризуя отношение студентов колледжей к процессу реализации образовательной услуги, мы выявили, что они демонстрируют высокий уровень удовлетворенности процессом обучения. При этом для них характерна активная позитивная динамика интереса к образовательной деятельности за время обучения в колледже. В структуре факторов, определяющих интерес студента к учебе, оказываются значимыми как материальные и социально-педагогические условия обучения в колледже, так и мотивационные, личностные факторы. Основной причиной эффективности учебной деятельности студенты называют интерес к содержанию обучения, преподаваемым предметам. Именно этот фактор определяет успешность освоения дисциплин разного профиля, являясь решающим в организации учебного процесса, выстраивании приоритетов выбора методики и других способов педагогического воздействия на учащихся.

Характеризуя отношение студентов к результату реализации образовательной услуги, отметим, что студенты удовлетворены уровнем профессиональной подготовки в образовательном учреждении: формированием профессиональных навыков; возможностью приобрести в образовательном учреждении разносторонние и глубокие знания, раскрыть свои индивидуальные способности. Особенностью профессиональной мотивации студентов образовательных учреждений, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области, является доминанта мотивов самореализации и интереса к профессии. Для студентов характерна позитивная динамика отношения к профессии за время обучения в колледже. Большинство респондентов укрепились в сделанном профессиональном выборе.

Для определения степени реализации жизненных планов студентов в области получения образования и профессионального становления были выбраны четыре ключевых показателя. К ним относятся удовлетворенность студентов: 1) получением профессионального музыкального (художественного) образования; 2) учебой в колледже; 3) учебой по специальности; 4) получением выбранной профессии (табл. 3).

Таблица 3

Результаты опроса студентов о реализации ожиданий относительно выбора профессионального образования, образовательного учреждения, специальности, профессии

<i>Оправдались ли ваши ожидания, связанные с...</i>	Индекс
Получением музыкального (художественного) образования	0,57
Учебой в колледже	0,59
Учебой по специальности	0,64
Получением выбранной вами профессии	0,61

По всем показателям мы получили оценки, свидетельствующие о высокой степени удовлетворенности студентов результатами своего выбора. Два последних показателя, выявляющие приверженность студентов специальности, по которой реализуется обучение в образовательном учреждении, и выбранной профессии, наиболее явно демонстрируют характеристики устойчивости профессионального выбора и позитивной динамики процесса профессионального становления студентов. В целом студенты показывают приверженность будущей профессии, выбранной специальности, по которой реализуется обучение, образовательному учреждению.

Учащиеся, получающие дополнительные образовательные услуги, обучающиеся в музыкальной школе при колледже, дают самые позитивные (приближающиеся к 100 %) оценки качеству и стилю преподавания, отношениям с преподавателями, высоко оценивают психологический комфорт процесса обучения, удовлетворены различными формами организационной деятельности коллектива музыкальной школы: организацией учебного процесса, концертной деятельности, внеучебных мероприятий. Столь же высоко учащимися оценивается

и результат обучения: полученные профессиональные навыки музыканта; знания по интересующим предметам; самореализация, развитие музыкальных способностей.

Вместе с тем учащиеся не вполне удовлетворены условиями образовательного процесса. Как и студентов, каждого третьего не устраивает оснащение учебных аудиторий техническим оборудованием, доступность современных информационных технологий, санитарно-гигиеническое состояние учебных аудиторий и общественных туалетов. Аналогичные тенденции прослеживаются и в отношении родителей к условиям, в которых реализуется образование их детей. Это характерно для родителей, чьи дети получают как дополнительное, так и основное общее образование. Последние также высказывают опасения относительно глубины и разносторонности знаний, получаемых их детьми в образовательном учреждении, в связи с их перегруженностью и сложностью сочетания специальных и общеобразовательных дисциплин.

Характеризуя особенности потребительского поведения, следует сказать о высокой степени лояльности учащихся и их родителей к образовательному учреждению, о приверженности выбранной специальности, оправданности ожиданий, связанных с получением музыкального образования.

В целом мониторинг отношения потребителей к качеству образовательных услуг учреждений СПО, подведомственных Министерству культуры и туризма Свердловской области, показал высокий уровень удовлетворенности студентов, учащихся и их родителей процессом и результатом реализации образовательных услуг, который подчас вступает в противоречие с наличием возможностей у образовательных учреждений по созданию оптимальных условий для образовательной деятельности. Исследование убеждает, что имеющийся у колледжей мощный культурный, образовательный и социальный потенциал нуждается в постоянной управленческой поддержке госструктур областного, а главное — федерального уровней.

1. Анисимов П. Ф. Регионализация среднего профессионального образования (вопросы теории и практики). М., 2002.

2. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Профессиональное образование и рынок труда // Социол. исслед. 2003. № 4. С. 99–106.

3. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. М., 2005.

4. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование: Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М., 2008. 552 с.

5. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?33602>

6. Осипов А. М. Социология образования : очерки теории. Ростов н/Д, 2006.

7. Чередищченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социол. исслед. 2011. № 9. С. 101–110.

8. Хохлушкина Ф. А. Социальная селекция в системе среднего специального образования // Актуальные проблемы образования. М., 2003. С. 144–165.

Статья поступила в редакцию 15.05.2013 г.

УДК 316.344.34 + 316.422

Е. Н. Заборова
М. В. Озерова**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И ТРАДИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ***

В статье обоснована актуальность использования понятия «образовательная стратегия» для изучения поведений социальных групп в сфере образования. На основании анализа общих свойств стратегического поведения дано авторское определение данного термина. Представлен обзор имеющихся традиций изучения образовательных стратегий. Показана специфика детерминации образовательных стратегий социальными факторами и условиями образовательной среды.

Ключевые слова: стратегии поведения, образовательные стратегии, неравенство в образовании, стартовые возможности, образовательная среда.

В ситуации масштабной модернизации российской системы образования исследователи испытывают потребность в выработке подходов к изучению поведения ключевых участников образовательного процесса — обучающихся. Характеристики их поведения являются одним из информативных способов оценки последствий реформирования, указывающих как на имеющиеся положительные эффекты модернизации, так и на социальные противоречия, возникающие в результате внедрения инноваций. Данная статья посвящена анализу подходов к определению понятия «образовательная стратегия» и описанию специфики различных традиций их изучения.

Понятие «образовательная стратегия» активно используется в современных социологических публикациях, этот термин применяется для анализа проблем образования на разных уровнях: государственном, региональном, организационном, групповом, личностном.

Повышение интереса исследователей к изучению поведения социальных групп и отдельных индивидов с позиции стратегического подхода обусловлено, с одной стороны, развитием социологической теории: произошло расширение сферы применения категории «стратегия», которая ранее употреблялась исключительно для анализа военно-политической сферы, области организационного управления и бизнес-процессов [6]. В настоящее время исследователи ведут речь о стратегиях поведения, стратегиях личности и необходимости «...определить, при каких условиях человек превращается в подлинного актора, способного к реализации собственных стратегий» [10, 10].

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-13-66502.

ЗАБОРОВА Елена Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: ezaborova@yandex.ru).

ОЗЕРОВА Мария Викторовна — старший преподаватель кафедры социологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (e-mail: mv.ozeroва@yandex.ru).

© Заборова Е. Н., Озерова М. В., 2013

С другой стороны, популярность стратегического подхода объясняется социальными факторами, особенностями современных социальных условий жизнедеятельности индивидов. Так, актуальность исследования образовательных стратегий объясняется тем, что сама сфера образования в силу ряда современных тенденций является областью стратегического поведения социальных групп. Во-первых, в современных обществах сложно переоценить влияние института образования на процессы социального воспроизводства и мобильности, во всех развитых обществах образовательные стратегии используются представителями различных социальных групп для воспроизведения своей позиции в социальном пространстве. По мнению П. Бурдьё, «образовательные стратегии... представляют собой очень долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся, как полагает экономика “человеческого капитала”, к экономическому или денежному измерению. В действительности, они, прежде всего, направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы...» [2, 103].

Во-вторых, происходит постепенное увеличение сроков получения образования, все большее распространение приобретает практика непрерывного образования человека в течение всей жизни. В таких условиях индивиды вынуждены продумывать линию своего поведения на достаточно длительный промежуток времени, выбирая уровни и направления подготовки.

В-третьих, система образования взяла курс на повышение вариативности образовательной среды, на всех ступенях образования прослеживается стремление к гибкости условий и форм обучения, к расширению спектра образовательных программ. Обучающимся все чаще предлагается самостоятельно делать выбор образовательных программ и самим нести ответственность за последствия принятых решений.

Таким образом, сфера образования для социальных групп является пространством неопределенности, в котором они должны совершать выбор, принимать решения, предполагающие отложенные во времени последствия, влияющие на их социально-профессиональный статус, образ жизни в будущем. В такой ситуации вполне оправдано обращение социологов к понятию «образовательная стратегия» для анализа поведения социальных групп в сфере образования.

Несмотря на свою популярность, термин «образовательная стратегия» не получил однозначного толкования. Авторы публикаций часто вообще избегают четкого определения этой категории, что создает сложности в сопоставлении имеющихся подходов. Поэтому определение данного понятия должно основываться на общих свойствах стратегии. При определении содержания понятия «образовательная стратегия» необходимо учитывать, что стратегия является многоуровневым феноменом, ее формирование происходит на двух уровнях: когнитивном и поведенческом. Основанием для выделения уровней формирования стратегии выступает степень реализации намерения по достижению стратегической цели в системе действий. Рассмотрение стратегии как когнитивной модели подразумевает, что социальные субъекты обладают способностью к целеполаганию, планированию своих действий на более или менее отдаленную перспективу. Способность выбрать цель рассматривается как основа для даль-

нейших стратегических действий. На этом уровне анализа стратегии социологи уделяют внимание рассмотрению проектов, общих планов и ценностных ориентаций, определяющих основания того или иного способа действия. Переход к анализу стратегии как поведенческой модели предполагает, что происходит реализация стратегии, воплощение ее на практике. Поведенческий подход учитывает, во-первых, прохождение индивидами «узловых» точек, осуществление выбора, определяющего дальнейший ход событий, во-вторых, реализацию определенной модели поведения, подчиненную общей направленности действий и принятым стратегическим решениям. К подобным выводам пришел К. С. Фурсов, который, рассматривая понятие образовательной стратегии, отмечает, что ментальный уровень включает структуру представлений индивида о системе образования и способах действия в ней, а практический уровень формирует реальное поведение индивида на этапе обучения [16].

Возникает вопрос о том, какой элемент стратегии является необходимым для того, чтобы зафиксировать наличие стратегического поведения. Центральным элементом стратегии, на наш взгляд, выступает стратегическое решение (или стратегический выбор как результат решения), его наличие позволяет эмпирически фиксировать стратегию, кроме того, стратегическое решение указывает на наличие долгосрочной цели, желание ее реализовать и готовность предпринимать конкретные шаги для ее достижения. Такой подход созвучен идеям как отечественных, так и зарубежных социологов. Так, Г. Кроу (Stow) при определении стратегии отмечает, что «...это сознательные и рациональные решения, затрагивающие долгосрочную перспективу» [14]. По мнению В. В. Радаева, стратегический выбор «...связан с выбором не просто способов поведения, а самих принципов действия (например, продолжать ли образование, платить ли налоги...). Это выбор, который определяет совокупность практических действий на достаточно длительную перспективу...» [10, 12].

Принятие стратегического решения обусловлено наличием неоднозначной ситуации, требующей от субъекта совершения выбора из ряда альтернатив. Например, А. Г. Рытов так описывает ситуацию выбора: «Выбор цели, стратегии и способа адаптации — это оценка существующих альтернатив и определенное решение... осуществляя выбор стратегии и способов адаптации к новым условиям, субъект стремится к поиску оптимального решения. Критерий оптимальности принято рассматривать как показатель, выражающий меру эффекта от выбранного решения, когда сравниваются всевозможные решения-альтернативы и выбирается наилучшее» [13, 195]. Принятие стратегических решений может быть понято как преодоление противоречий между намерениями человека и встречающимися условиями жизни [1].

Для того чтобы отделить стратегическое поведение в сфере образования от ситуативных фрагментарных практик поведения, необходимо учитывать, что образовательная стратегия представляет собой связную линию поведения и является следствием принятия стратегического решения, выбора, который совершил обучающийся. Эту специфическую особенность образовательной стратегии подчеркивают многие авторы. Например, И. И. Харченко отмечает, что образовательная стратегия представляет собой выбор молодым поколением

способа получения профессионального образования и реализации определенных моделей поведения в сфере образования [17]. По мнению М. Л. Максимова, образовательная стратегия представляет собой последовательность выборов форм и способов получения высшего образования [8]. Германский исследователь Д. Ван Дамм (D. Van Damme) считает, что «...образовательные стратегии направляют процесс принятия решений за счет генерирования прагматически-рациональных ответов на возникающие вызовы, проблемы» [22].

В ряде исследований подчеркивается, что такие решения могут приниматься неоднократно. В подобном ключе определяет образовательную стратегию Г. В. Градосельская, отмечая, что семьи на разных стадиях обучения делают свой выбор, разрабатывают стратегии получения образования в зависимости от разных факторов [3]. Пошаговый характер образовательной стратегии — переход от одного уровня образования к другому фигурирует и в исследовании А. В. Родина, который определяет образовательную стратегию как «образовательную активность, сопровождающую всю жизнь человека и носящую пошаговый характер от цели к цели, от одного образовательного уровня к другому» [11, 15].

На основании проведенного анализа сложившихся традиций использования понятия «стратегия» применительно к исследованию поведения индивидов можно сформулировать следующее определение термина «образовательная стратегия». *Понятие «образовательная стратегия» будем определять как систему поведения обучающегося, выраженную в использовании средств образовательной среды для достижения перспективных образовательных целей и реализации принятых решений относительно получения того или иного уровня образования и достижения определенных образовательных результатов.*

Возникает вопрос: какие исследовательские задачи решаются с применением понятия «образовательная стратегия»? На данный момент сложились две основные традиции изучения стратегий поведения в сфере образования, так называемые «структурный» и «субъектный» подходы, их сравнение представлено в таблице.

Структурный подход дает возможность анализировать образовательные стратегии в широком социальном контексте, позволяет ответить на вопросы: как представители разных социальных групп принимают решения в сфере образования? Чем обусловлен их выбор? Как он зависит от имеющихся у них ресурсов? Методологические основы этого подхода заложены П. Бурдые, Р. Будоном, Дж. Коулманом и др.

При таком подходе носителем образовательной стратегии чаще всего является коллективный субъект: семья, социальный класс (например, новый обеспеченный класс [4] и т. д.) Индивидуальные действия рассматриваются как продукт влияния социально-стратификационной группы, к которой принадлежит обучающийся. Например, нежелание школьника учиться рассматривается не как субъективный выбор, а как дисфункция образовательной системы; такие школьники воспринимаются как «жертвы системы»; причины подобного поведения исследователи ищут в социальном происхождении отстающих учащихся.

Образовательные стратегии могут быть основаны на сознательном и рациональном намерении индивида или группы, такое поведение, по мнению

Подходы к изучению стратегий поведения в сфере образования

Параметры	Структурный подход	Субъектный подход
Понимание образования	Образование — средство достижения социального статуса	Образование — сфера познавательной деятельности
Проблематика исследования	Неравенство в образовании, социальное воспроизводство, социальная мобильность	Эффективные способы обучения, принципы организации обучения для достижения позитивных результатов
Субъект образовательной стратегии	<ul style="list-style-type: none"> • Семьи (домохозяйства); • Обучающиеся как представители социально-стратификационной, национальной группы и т. д. 	Обучающийся
Компоненты стратегии	<ul style="list-style-type: none"> • Выбор уровня и направления образования; • Выбор средств подготовки к продолжению образования 	<ul style="list-style-type: none"> • Выбор способа освоения образовательной программы; • Мотивация поведения
Результат стратегии	<ul style="list-style-type: none"> • Достижение желаемого социального статуса; • Социальная мобильность; • Преодоление статусных ограничений 	<ul style="list-style-type: none"> • Успешное освоение содержания определенной образовательной программы; • Удовлетворение познавательных интересов
Используемые термины	Образовательные стратегии (Educational strategies)	Стратегии обучения (Learning strategies), познавательные стратегии

П. Бурдые, почти всегда является результатом кризиса устоявшегося способа воспроизводства и не обязательно приводит к достижению предполагаемых целей [2]. В остальных случаях, когда индивид не стремится выйти за рамки своей статусной группы, стратегическое поведение основано на диспозициях габитуса, который спонтанно стремится воспроизвести условия своего собственного производства [2, 104]. Стратегия строится на основании воспринятой легитимной для данной социальной группы программы действий, на основании принятых групповых норм. Например, в исследовании воспроизводства нового обеспеченного класса Ю. А. Зеликовой наглядно продемонстрировано, что выбор западного образования для детей является принятым в данной социальной группе способом демонстрации своей принадлежности к этому классу [5].

Социальные группы неодинаково относятся к инвестициям в систему образования. Готовность к вложениям в образование детей зависит не только от материального, но и культурного капитала. По мнению П. Бурдые, «...склонность инвестировать в школьную систему зависит от относительного веса культурного капитала в общей культуре наследства: в отличии от служащих или учителей,

которые концентрируют свои инвестиции на рынке образования, владельцы семейных предприятий, чей социальный успех зависит в меньшей степени от школьных достижений, инвестируют меньше “интереса” и труда в свое образование и получают иной доход от своего культурного капитала» [2, 108].

Выбор образовательной стратегии обусловлен не только объемом ресурсов, но и амбициозностью планов (уровнем притязаний), которые, в свою очередь, тоже могут определяться структурными факторами. Согласно теории избегания риска (relative risk aversion) Р. Будона, индивиды из разных социальных групп приписывают разные веса затратам, издержкам и риску при принятии решений о том, продолжать ли далее учебу или поступать на работу [12]. Принимая те или иные решения, индивиды стремятся избежать нисходящей мобильности и достигнуть уровня образования, обеспечивающего им вхождение в социальный класс, находящийся на социальной лестнице не ниже, чем социальный слой, к которому принадлежат родители [23].

Приверженцы структурного подхода к изучению образовательных стратегий приходят к выводу, что неблагоприятные группы требуют социальной поддержки, специальных мер, чтобы их шансы на получение образования были такими же, как у социально благоприятных групп [18]. В своей концепции формирования человеческого капитала Дж. Коулман обосновал значимость социального капитала [7]. По отношению к образованию размер и качество социального капитала в окружении ребенка (семья, сообщество, школа) играют важную роль для формирования его намерений, взаимопомощи, обмена информацией, способности соответствовать стандартам и мобилизовать ресурсы.

Таким образом, структурный подход к образовательной стратегии позволяет интерпретировать ее как функцию существующей социальной стратификации: образовательные стратегии, с одной стороны, определяются принадлежностью к той или иной стратификационной группе, а с другой стороны, направлены на воспроизводство и повышение социального статуса.

В рамках *субъектного подхода* к пониманию образовательных стратегий внимание переносится на фигуру обучающегося, исследователи предлагают отказать от восприятия учебного процесса как черного ящика и рассматривать стили обучения (стратегии обучения), которые демонстрируют индивиды в процессе освоения того или иного учебного материала, образовательной программы.

Сложилось два основных понимания стиля обучения [21]. В узком смысле под стилем обучения понимают когнитивные процессы обработки информации. Например, российский исследователь А. А. Плигин отмечает, что познавательные стратегии строятся на основании мыслительных операций и проявляются в последовательности внешних действий, направленных на достижение результата в познавательной деятельности [9].

В широком смысле в индивидуальном стиле обучения дополнительно к когнитивному компоненту выделяются мотивационный и регуляционный компоненты индивидуальных предпочтений [15, 21].

Таким образом, обучающийся воспринимается как субъект стратегии, способный выработать собственную линию поведения в процессе обучения, основанную на его субъективных потребностях и предпочтениях.

Для представителей субъектного подхода к образовательной стратегии характерно задаваться вопросом о том, каким образом можно воздействовать на поведение и успехи обучающихся, изменяя характеристики образовательной среды. Например, в исследовании стратегий обучения студентов в условиях проблемно ориентированного обучения Д. Ньхуйс (J. F. H. Nijhuis) основывается на следующей концептуальной схеме: подход студента к обучению формируется на основании восприятия среды обучения, которое определяется, с одной стороны, характеристиками студента, а с другой – специфическими чертами самой среды (методами преподавания, оценивания, набором курсов и т. д.) [19].

Немаловажное значение для субъектного подхода имеют эффективность и результативность стратегий обучения. По мнению исследователей, знание того, какие приемы используют обучающиеся для достижения наилучшего результата, дает возможность воздействовать на неуспешных учащихся [20].

Субъектный подход к пониманию стратегии позволяет анализировать стратегическое поведение субъекта в условиях конкретной образовательной среды, оценивать потенциальную эффективность той или иной среды обучения.

На наш взгляд, целесообразно интегрировать структурный и субъектный подходы к изучению образовательных стратегий. Сопоставление структурного и субъектного подходов к образовательной стратегии позволяет предложить схему детерминации стратегического поведения в сфере образования. Влияние среды на образовательные стратегии можно изучать в двух плоскостях. Во-первых, существуют значимая дифференциация в возможностях, которые предоставляют различные образовательные среды, для воспроизводства и изменения социальных позиций обучающихся в будущем. Доступ же в конкретные образовательные учреждения, использование услуг дополнительного, платного образования определяются ресурсами семьи, стартовыми возможностями, которыми обладает обучающийся для реализации образовательных планов. Второй аспект анализа образовательных условий предполагает сосредоточение на вопросах организации обучения в условиях конкретных образовательных учреждений. Организация образовательного процесса должна быть направлена на достижение соответствия образовательной среды потребностям и интересам обучающихся.

Таким образом, вхождение в образовательную среду в большей степени определяется социальными характеристиками семьи, стартовыми возможностями обучающегося. В то время как поведение субъектов внутри образовательной среды в процессе получения образования в большей степени определяется характеристиками конкретного образовательного учреждения.

1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991.

2. *Бурдые П.* Стратегии воспроизводства и способы господства // Бурдые П. Социология социального пространства. М. ; СПб., 2005. С. 97–120.

3. *Градосельская Г.* Образовательно-экономические стратегии населения // Высшее образование в России. 2004. № 4. С. 88–101.

4. *Зеликова Ю. А.* Стратегии социального воспроизводства нового обеспеченного класса России: западное образование детей : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.

5. *Зеликова Ю. А.* Стратегии социального производства и воспроизводства нового обеспеченного класса России: западное образование детей // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / отв. ред. И. А. Бутенко. М., 2000. С. 77–104.
6. *Карлоф Б.* Деловая стратегия: концепция, содержание, символы. М., 1991.
7. *Коулман Дж.* Роль социального капитала в создании человеческого капитала // Социология образования: теории, исследования, проблемы : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеев и др. ; пер с англ. Г. М. Гиззатуллиной и др. ; пер. с фр. Д. Х. Ханновой. Казань, 2004. С. 28–36.
8. *Максимова М. Л.* Образовательные стратегии студентов регионального университета : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2007.
9. *Плигин А. А.* Познавательные стратегии школьников. М., 2007.
10. *Радаев В. В.* Еще раз о предмете экономической социологии // Социол. исслед. 2002. № 7. С. 3–14.
11. *Родин А. В.* Проблемы развития образовательной активности специалистов в после-вузовской профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2005.
12. *Рощина Я. М.* Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? // Проблемы доступности высшего образования / отв. ред. С. В. Шишкин. М., 2003. С. 94–153.
13. *Рытов А. Г.* К вопросу об адаптационных стратегиях инвалидов трудоспособного возраста // Вестн. СамГУ. Естественно-научная серия. 2006. № 7 (47). С. 191–197.
14. *Савинова А. Н.* Стратегии поведения выпускников вузов на рынке труда : дис. ... канд. социол. наук. Самара, 2006.
15. *Творогова С. В.* Terra incognita: стратегии обучения студентов ведущих технических вузов г. Москвы конца 1990-х годов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socio.ru/wr/2-02/Tvorogova.htm> (дата обращения: 18.10.2007).
16. *Фурсов К. С.* Образовательные стратегии студентов российских вузов на этапе выхода на рынок труда: опыт эмпирического исследования // Вопр. образования. 2006. № 2. С. 222–241.
17. *Харченко И. И.* Формирование и реализация образовательных и профессиональных стратегий современной молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2007.
18. *Collatos A., Morrell E., Nuno A., Lara R.* Critical Sociology in K-16 Early Intervention: Remaking Latino Pathways to Higher Education [Electronic resource] // Journal of Hispanic Higher Education. 2004. № 3. P. 164. URL: <http://jhh.sagepub.com/content/3/2/164> (accessed: 10.09.2010).
19. *Nijhuis J. F. H.* Learning Strategies, Students' Characteristics and Their Perceptions of the Learning Environment [Electronic resource]. URL: <http://arno.unimaas.nl/show.cgi?fid=6488> (accessed: 12.04.2009).
20. *Qingquan N., Chatupote M., Teo A.* A Deep Look into Learning Strategy Use by Successful and Unsuccessful Students in the Chinese EFL Learning Context [Electronic resource] // RELC Journal. 2008. № 39. P. 338. URL: <http://rel.sagepub.com/cgi/content/abstract/39/3/338> (accessed: 13.10.2009).
21. *Semeijn, J., Velden R. van der et al.* Graduats Learning Style and Labour Market Entry [Electronic resource] // J. Hommes, P. K. Keizer, M. Pettigrew, J. Troy (eds.). Educational Innovation in Economics and Business IV, Learning in a Changing Environment, Kluwer Academic Publishers. Dordrecht ; Boston ; London, 1999. Vol. 4. URL: <http://arno.unimaas.nl/show.cgi?fid=728> (accessed: 11.05.2008).
22. *Van Damme D.* Adult Learning as Strategic Behaviour and Strategic Learning as Competence [Electronic resource] // P. Alheit, J. Beck, E. Kammler et al. (eds.) Lifelong Learning Inside and Outside Schools : collected Papers of the European Conference on Lifelong Learning (2nd, Bremen, Germany, Febr. 25–27, 1999). Roskilde, 2000. Vol. 2. URL: <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED467906.pdf> (accessed: 15.06.2012).

23. Van de Werfhorst H. G., Andersen R. Social Background, Credential Inflation and Educational Strategies [Electronic resource] // Acta Sociologica. 2005. № 48. P. 321. URL: <http://asj.sagepub.com/content/48/4/321> (accessed: 10.09.2010).

Статья поступила в редакцию 07.05.2013 г.

УДК 37.018.12 + 316.334.22 + 347.5/6

А. П. Багирова

МОТИВАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ*

В статье развивается представление о трудовом характере деятельности по рождению и воспитанию детей. Приводятся результаты теоретического социологического анализа мотивации родительского труда. Описываются потребности, факторы, влияющие на формирование мотивов родительского труда, процесс формирования установок на него. Делается вывод, что раскрытие механизма мотивации родительского труда необходимо для понимания возможностей преодоления демографического кризиса в России.

Ключевые слова: труд, родительский труд, мотивы, потребности, установки, мотивация труда.

Актуальной темой исследований различных наук в последние годы стал поиск новых подходов к изучению проблем воспроизводства населения. Сегодня очевидно, что для решения задач демографического развития страны усилий исключительно демографической науки недостаточно, здесь необходим междисциплинарный подход, сочетающий в себе положения социологии, демографии, психологии, экономики и др.

Основой одного из вариантов снижения остроты проблем в данной сфере представляется признание трудового характера деятельности по рождению и воспитанию детей, выделение деятельности по воспроизводству человеческого капитала в особый вид родительского труда.

Идея выделения особого вида труда в сфере воспроизводства и развития личности, сущность, роль и место этого вида труда прямо или косвенно рассматриваются в трудах У. Бека [6], Г. Беккера [1], Дж. Гершуни [7], Р. Гронау [8], К. Маркса [2], В. В. Радаева [3], О. Тоффлера [4], Ф. Энгельса [2, 5] и др.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проведения научных исследований («Мотивация родительского труда, стратегия и тактика регулирования репродуктивных установок населения в Уральском регионе»), проект № 12-03-00073а.

БАГИРОВА Анна Петровна — кандидат социологических наук, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: a.p.bagirova@ustu.ru).

© Багирова А. П., 2013

Подобный подход ставит целый ряд новых исследовательских задач, лежащих в различных областях науки и практики. Важное место принадлежит здесь и социологической науке, которая через изучение отношения человека к родительскому труду, его мотивации, ценностных ориентаций, удовлетворенности трудом позволяет взглянуть на данную проблему комплексно, исследовать родительский труд как социальный институт и одну из форм жизнедеятельности личности.

Основная социально-экономическая функция труда как деятельности заключается, как известно, в его участии в производстве благ, направленных на удовлетворение потребностей личности. В процессе родительского труда создается человеческий капитал, который может рассматриваться в качестве блага, поскольку включает в себе полезность. В свою очередь, в процессе использования человеческого капитала производятся другие блага, удовлетворяющие потребности людей и отвечающие их интересам, целям, устремлениям.

Человеческий капитал содержит в себе элементы, которые можно отнести к благам различного вида:

1) внутренние блага — это способности, задатки как элементы человеческого капитала, которые даны человеку природой (например, голос, музыкальный слух, способность к анализу и т. д.);

2) внешние блага — это взаимоотношения личности с окружающим ее социумом, которые воздействуют на человеческий капитал и преобразуют его, формируя и развивая новые мотивации и умения (например, репутация, деловые связи, протекция и т. д.).

Несмотря на то, что отдельные составляющие человеческого капитала традиционно относят к нематериальным благам, они все же не совсем лишены экономического содержания и могут иметь стоимостное выражение. В частности, при отсутствии запаса здоровья — одного из элементов человеческого капитала невозможно полноценное использование других его элементов, что, соответственно, приводит к снижению доходов от его эксплуатации. Стоимость (ценность) человеческого капитала как экономического блага определяется затратами общественно необходимого труда на его формирование и развитие.

Таким образом, важнейшая социально-экономическая функция родительского труда как деятельности заключается в формировании и развитии в его процессе человеческого капитала, понимаемого нами как благо, приносящее полезность не только его носителю, но и всему обществу в целом.

Рассмотрение мотивации трудовой деятельности как процесса, направленного на удовлетворение потребностей, позволяет говорить о том, что мотивы родительского труда формируются на основе потребностей, которые выступают их своеобразной движущей силой. На наш взгляд, можно выделить следующие группы этих потребностей:

1. Потребности в содержательности родительского труда.

Чтобы данная потребность переросла в мотив, родительский труд должен восприниматься как содержательный, интересный, динамичный, связанный с новыми впечатлениями, эмоциями, приносящий новое (лучшее) качество жизни. Помимо этого потенциального субъекта труда может привлекать относитель-

ная самостоятельность в выборе трудового поведения (т. е. возможность самому выбирать, что и как делать). Удовлетворение потребностей в самовыражении, самоуважении, самоутверждении, признании посредством родительского труда также может служить хорошим мотиватором этого вида труда. Сюда можно отнести и потребность в активности — ситуация, когда родительский труд воспринимается как самоцель, через активность поддерживается здоровье, самочувствие, целостность личности.

2. Потребности в общественной полезности родительского труда.

Условием перерастания данной потребности в мотив деятельности выступает восприятие личностью необходимости рождения детей, их воспитания как своего долга перед обществом. Формирование этой потребности во многом зависит от проводимой информационной политики относительно родительского труда.

3. Статусные потребности — потребности в статусе, которого можно достичь посредством реализации родительского труда.

Рождение и воспитание детей могут восприниматься личностью как процессы, результаты которых повышают ее социальный статус, приводят к социальному росту. Кроме того, к данной группе относится потребность в социальной солидарности и принадлежности к социальным общностям родителей, «успешных родителей» и т. д., потребность в выполнении социальной роли родителя, потребность в общении, реализуемая посредством родительского труда.

Отметим, что сегодня говорить о потребности в родительском труде как источнике средств существования нельзя, хотя, возможно, мотив удовлетворения именно этой потребности может привести к активизации родительского труда населения целого ряда российских регионов. Кроме того, постоянное эксплуатирование «духовных» потребностей, отсутствие факторов материальной заинтересованности приводят в конечном итоге к снижению остроты духовных потребностей и могут повлечь за собой отказ от родительского труда вообще.

Безусловно, перечисленные потребности возникают не все вместе в одно и то же время и у одного и того же потенциального субъекта трудовой деятельности. В разные моменты времени у конкретной личности они будут иметь разную силу и остроту, при этом они изменяются во времени. Изменению могут быть подвержены как сам набор потребностей, так и их иерархия и сила.

Потребностям свойственно явление замещения. Так, например, если какая-то одна потребность в процессе реализации родительского труда не удовлетворяется, то субъект труда может переориентироваться на другую, придавая тем самым иной смысл осуществляемой деятельности.

Потребности, как известно, подвержены законам инерции и возвышения. Это проявляется в том, что при удовлетворении потребности она еще остается для личности актуальной, а может даже и усиливаться. К тому же потребности личности находятся в постоянном развитии, на них оказывают влияние образование, возраст, пол, информированность, опыт и другие характеристики — все это, в свою очередь, влияет и на отношение личности к родительскому труду.

Важно и то, что потребностям свойственна относительность. Личность постоянно сравнивает свою систему потребностей, степень ее удовлетворения

с аналогичными показателями своей социальной группы, «значимых других», и результатом такого сравнения выступает нацеленность на соответствие своего поведения в сфере родительского труда распространенным социальным нормам.

Процесс мотивации родительского труда находится под воздействием совокупности факторов. Среди них можно выделить следующие группы:

1. Личностные и групповые факторы.

Личностные факторы обусловлены индивидуальным набором потребностей личности. Они формируются на основе ценностных ориентаций личности, жизненных целей, настроений, создающих фон для проявления активности в сфере родительского труда. Среди перечисленного наиболее значимыми для мотивации родительского труда являются личностные цели. На том или ином этапе жизненного пути эти цели могут быть связаны с карьерой, семьей, детьми, признанием и уважением, развитием и самореализацией. Для активизации родительского труда, имеющего длительный, но все же объективно ограниченный период своей реализации, важно, чтобы у потенциальных субъектов труда в «нужный» момент (период фертильности, в частности) доминировали цели, связанные с семьей и детьми. Особая роль в создании этих условий должна принадлежать, на наш взгляд, системе образования.

Групповые факторы — традиционные факторы трудовой мотивации, в случае родительского труда проявляются прежде всего через семью как социальную группу, в рамках которой реализуется этот труд. Функции родительского труда, как правило, выполняются родителями совместно, что, с одной стороны, является фактором семейной интеграции, с другой — усиливает личностную трудовую мотивацию.

2. Социальные и экономические факторы.

К сожалению, в настоящее время *экономические факторы* способны оказать влияние на мотивацию лишь первой стадии родительского труда, и только за один конкретный результат этого труда. Своеобразным мотиватором можно считать начисление и выплату материнского (семейного) капитала из средств федерального бюджета, передаваемых в бюджет Пенсионного фонда РФ на реализацию мер государственной поддержки рождаемости, в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 г. (№ 256-ФЗ). Одной из гипотез нашего исследования является утверждение о том, что экономические факторы сегодня нельзя рассматривать в качестве оказывающих заметное и непосредственное влияние на мотивацию родительского труда во всей его полноте.

Социальные факторы могут быть связаны как с внутренней социальной средой, так и с внешней.

Внутренние социальные факторы — это своеобразный социальный климат, в котором протекает трудовой процесс. На него, в частности, влияет распределение трудовых функций в семье, степень принятия субъектами труда этих функций.

Социальные факторы внешней среды, влияющие на формирование трудовой мотивации, складываются из состояния инфраструктуры, обслуживающей родительский труд, наличия и специфики социальной политики в этой области.

Особую роль на процесс мотивации родительского труда оказывает само его содержание. Это связано с наличием в содержании родительского труда творческого, развивающего, познавательного компонентов. Самое же главное, на наш взгляд, здесь то, что родительский труд в буквальном смысле пронизывает эмоциональная компонента, поскольку его «стержнем» выступает родительская любовь к детям. Источник родительской любви лежит в биологической природе человека, взаимодействуя с социальными нормами общества.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что содержание родительского труда само по себе является мощным мотиватором этого вида труда, поскольку он ассоциируется с интересной, творческой, привлекательной, открывающей новые личностные возможности деятельностью, в процессе которой удовлетворяется потребность в самореализации и происходит развитие способностей субъекта труда.

Все перечисленные факторы создают особый мотивационный фон, который оказывает воздействие на процесс мотивации родительского труда и непосредственно на формирование мотивов родительского труда. Формирование мотивов родительского труда происходит в процессе усвоения личностью социальных ценностей, норм, правил поведения, выработки ценностных ориентаций и установок на родительский труд. В этом процессе участвуют семья и другие ключевые группы микросреды личности. Отметим, что мотивы родительского труда, в свою очередь, являются элементом человеческого капитала субъекта этого труда.

Важнейшим компонентом механизма функционирования мотивации является *мотивационное ядро личности*, представляющее собой совокупность мотивов. Это — внутренняя доминанта трудового поведения личности.

Мотивационное ядро включает в себя представления о жизненных целях, ценности родительского и других видов труда, месте родительского труда и его результатов в иерархии личностных целей, основных средствах достижения жизненных целей. На основе ценностей формируются ценностные ориентации личности, представляющие собой вектор направленности личности на те или иные цели и выступающие ориентиром в трудовой деятельности, в том числе и в сфере родительского труда. Это, например, могут быть представления о значимости родительского труда, ориентации на самореализацию посредством этого вида труда.

Мотивы родительского труда выполняют ряд функций, присущих и трудовому поведению в целом (ориентирующая, смыслообразующая, опосредствующая, структурирующая, мобилизующая, оправдательная). Мотивы родительского труда относительны, поскольку в их основе лежит субъективная оценка. Индивидуальным может быть как сам набор мотивов, так и их доля в мотивационной структуре. Конкретный мотив родительского труда, играя заметную роль для одной личности, может оказаться малозначимым для другой.

Специалисты выделяют две группы мотивов труда — по их ориентации на его процесс и на результат. В сфере родительского труда более значимой сегодня является первая группа мотивов, связанных с содержанием труда, его условиями, характером взаимоотношений между субъектом и предметом труда, возможностями проявления и развития способностей человека. В то же время

мотивы результатов родительского труда (его признаваемая значимость, материальное и моральное вознаграждение) в нашем обществе практически не реализуются, оставаясь значимыми в лучшем случае на уровне семьи.

В качестве элементов мотивационного ядра, влияющих на трудовое поведение родителей, целесообразно, на наш взгляд, рассматривать мотивы продолжения рода, мотивы самореализации, мотивы престижа. Мотивы продолжения рода связаны с желанием продолжить себя в детях, сохранить преемственность после собственной жизни. Мотивы самореализации заключаются в стремлении через рождение и воспитание собственных детей реализовать свое родительское предназначение, передать жизненный опыт, стать наставником детей. Мотивы престижа выражаются в общественной оценке деятельности по воспитанию детей и наращиванию человеческого капитала.

Иерархическая структура мотивационного ядра проявляется в последовательной и протяженной во времени реализации мотивов родительского труда. Первый мотив реализуется сразу же после рождения ребенка, отходя на задний план на следующих стадиях трудового процесса, где как раз должна усиливаться роль второго и третьего мотивов. Действие мотива самореализации напрямую связано с самим субъектом активности — существующими у него ценностными ориентациями, особенностями его собственного воспитания и формирования, его жизненного опыта. Реализация же мотива престижа во многом зависит от внешних факторов. Несрабатываемость именно этого мотива — мотива престижа родительского труда, — а вследствие этого и сложившийся дисбаланс мотивации родительского труда, на наш взгляд, выступили важными факторами уже ставшей устойчивой в нашей стране проблемы низкой рождаемости и низких результатов родительского труда.

С другой стороны, среди всех проявлений мотивации труда специалистами рассматриваются как наиболее важные три ее составляющие — физиологическая, психологическая и социальная. Физиологическая составляющая обуславливает способность человека активно действовать в соответствии с принципами существования организма, среды обитания и общества. Психологическая составляющая мотивации предопределяет выбор направления деятельности, лежит в основе выбора действий и поступков личности. Социальная составляющая связана с социальным поведением и проявляется в социально-трудовых отношениях, в оказании воздействия на других людей. Выделенные нами три мотива родительского труда соотносятся со всеми составляющими трудовой мотивации — физиологической (мотив продолжения рода), психологической (мотив самореализации) и социальной (мотив престижа).

Результатом взаимодействия различных элементов мотивационного ядра является формирование *установок на родительский труд*, которые представляют собой готовность личности удовлетворять актуальные для нее потребности посредством трудовой деятельности.

Установки на родительский труд включают в себя:

а) установки на количественный результат родительского труда (и в этом смысле традиционно изучаемые в социологии репродуктивные установки являются элементом установок на родительский труд);

б) установки на качественный результат родительского труда в целом и на отдельных стадиях;

в) установки на период реализации родительского труда;

г) установки на формы и способы реализации родительского труда.

Установки формируются на основе мотивов посредством: а) взаимодействия будущего субъекта труда с субъектами труда, реализующими или уже реализовавшими родительский труд; б) взаимодействия субъекта труда с детьми; в) воздействия на личность информации о родительском труде, его значимости, стимулировании, получаемой из внешних источников.

Большое воздействие на развитие трудовых установок оказывают базовые установки, которые сформировались в детстве под влиянием родителей, самих реализующих функции родительского труда.

Ключевым вопросом социологического изучения родительского труда, имеющим важное практическое значение, является регулирование установок на родительский труд. Потенциал их регулирования находится под влиянием нескольких факторов:

1) наличие потребностей и уровень осознания личностью того, что часть из них может быть удовлетворена посредством родительского труда;

2) существование в обществе и уровень воздействия на личность стимулов родительского труда;

3) эффективность мотивационного ядра личности;

4) степень удовлетворения мотивов в процессе родительского труда и удовлетворенности этим трудом в целом;

5) степень однородности воздействий в процессе формирования установок.

Получение знания о направленности действия каждого фактора на формирование и развитие установок на родительский труд является крайне актуальным в условиях демографического кризиса, переживаемого сегодня Россией, и представляется возможным при включении этого вида труда в совокупность объектов социологического изучения.

1. *Беккер Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход : избр. тр. по экон. теории / пер. с англ. ; сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников ; предисл. М. И. Левин. М., 2003. 672 с.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 7–544.

3. *Радаев В. В.* Экономическая социология : учеб. пособие для вузов. М., 2005. 603 с.

4. *Тоффлер О.* Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 250–275.

5. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 23–178.

6. *Beck U.* The Brave New World of Work. Oxford, 2000. 202 p.

7. *Gershuny J.* Social Innovation and the Division of Labour. Oxford, 1983. 191 p.

8. *Gronau R.* Leisure, Home Production and Work – the Theory of the Allocation of Time Revisited // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85, № 6. P. 1099–1123.

УДК 173.3-058.833 + 176 + 177.7

К. С. Бачинина
И. А. Ершова

ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СУПРУГОВ СО СТАЖЕМ БРАКА ДО 5 ЛЕТ

Рассматриваются проблемы удовлетворенности браком и ценностных ориентаций мужей и жен на примере выборки супругов со стажем брака до 5 лет. Анализируются различия в уровнях удовлетворенности браком у супругов, относящихся к разным группам по стажу семейной жизни. Устанавливается зависимость между уровнями удовлетворенности браком у супругов в паре. Интерпретируются связи между жизненными ценностями партнеров по браку.

Ключевые слова: стаж брака, удовлетворенность браком, тип брака, ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности.

Исследование проблемы удовлетворенности браком ведется как зарубежными, так и отечественными специалистами уже несколько десятилетий, и на данный момент существует большое количество эмпирически полученных данных. Установлено, что удовлетворенность браком, которая определяется большинством авторов как внутренняя, субъективная оценка, отношение супругов к собственному браку, связана с целым рядом факторов.

1. Результаты зарубежных исследований, обобщенные Ю. Е. Алешинной, свидетельствуют, что удовлетворенность браком зависит от его стажа. Эта зависимость «носит U-образный характер, т. е. уменьшение величины удовлетворенности на

БАЧИНИНА Ксения Сергеевна — ассистент кафедры психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: plikzik@yandex.ru).

ЕРШОВА Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: ershova_ekb@mail.ru).

© Бачинина К. С., Ершова И. А., 2013

средних стадиях семейного цикла постепенно останавливается, а затем, у супругов со стажем 18 — 20 лет и более, наблюдается даже некоторый подъем» [1, 64].

2. Исследование Т. В. Андреевой и А. В. Толстой показало, что большей удовлетворенности браком жены соответствует большая удовлетворенность браком мужа, и наоборот. Низкий уровень удовлетворенности также характерен для обоих супругов [3, 207–208].

3. По данным Дж. Медлинг и М. Мак-Кери, только у супругов со стажем брака от 26 до 50 лет обнаружено сходство ценностей, положительно связанное с удовлетворенностью браком [1, 63].

4. С. И. Голодом выделены факторы удовлетворенности браком, специфичные для каждого пола в пределах первого десятилетия совместной супружеской жизни. Для женщин — это бытовая и духовная адаптация, совместимость мужа с ее родственниками и самоутверждение, для мужчин — сексуальная экспрессивность жены. Им также получены данные о сближении ценностных ориентаций супругов, состоящих в браке более десяти лет [5, 64–65].

5. Т. В. Андреева и Ю. А. Шмотченко обнаружили, что удовлетворенность браком у мужчин тем выше, чем более значимой для них является ценность эффективности в делах [4, 225–226].

6. О. В. Шишкиной проведен опрос семейных пар с целью выявления зависимости между удовлетворенностью браком и ценностными ориентациями супругов. В ходе этого исследования были получены соотношения высоких показателей удовлетворенности браком мужчин, для которых значима ценность «Продуктивность жизни», и низких показателей мужчин, для которых особую значимость представляет ценность «Наличие хороших и верных друзей». Автор предполагает, что в первом случае мужья успешны как в профессиональной, так и в семейной жизни, во втором — вероятно, речь идет о мужчинах, прежде всего молодых, для которых одной из основных ценностей является общение вне дома, что не всегда гармонирует с интересами семьи.

Согласно результатам, полученным О. В. Шишкиной, высокие значения ценностей «Развлечения» и «Счастье других» в ценностной иерархии мужчин отрицательно коррелируют с уровнем удовлетворенности браком у их жен. То есть чем более важны для мужчин развлечения, тем менее их жены довольны супружескими отношениями. Установлено также, что различия в оценке супругами ценности «Наличие хороших и верных друзей» отрицательно коррелируют с удовлетворенностью ими своим браком. По мнению автора, в данном случае важно единство отношения: если для обоих супругов друзья занимают сходное место в иерархии ценностей, удовлетворенность браком повышается. Если же, например, для одного из них друзья очень важны, а для другого нет, удовлетворенность браком ниже у обоих.

А вот различия в оценке значимости ценности «Продуктивность жизни» положительно связаны с удовлетворенностью браком как у мужчин, так и у женщин. Автор считает, что в этом случае, по-видимому, происходит взаимодополнение: если один из супругов ориентирован на продуктивную жизнь (обычно это профессиональные, творческие достижения), а другому личные достижения

не так важны, он помогает своему супругу осуществить свои цели, и оба удовлетворены таким положением дел.

Результаты, полученные О. В. Шишкиной, свидетельствуют также о том, что в целом удовлетворенность браком у мужчин выше, чем у женщин. Женщины более ориентированы на семью, но менее удовлетворены ею, мужчины же наоборот. Это переключается с данными зарубежных исследований: супружеское состояние мужчин как нельзя лучше обеспечивает физическое и душевное равновесие, а также благотворно влияет на их деловые качества [2, 115].

Согласно «модели фильтров», при выборе спутника жизни одно из ведущих значений имеет фильтр ценностно-ориентационного единства, т. е. симпатия возникает при совпадении ценностей, убеждений, мировоззренческих позиций [7, 244].

Целью проведенного нами эмпирического исследования явилось установление связей между удовлетворенностью браком и такими показателями, как стаж брака и ценностные ориентации молодых супругов, которые подразделяются на два класса: терминальные ценности, или ценности-цели, и инструментальные ценности, или ценности-средства.

В состав выборки вошла 21 супружеская пара со стажем брака до 5 лет.

Все пары были условно разделены на 3 группы:

- 1) со стажем до 1 года — 8 пар;
- 2) со стажем от 1 года до 3 лет — 5 пар;
- 3) со стажем от 3 до 5 лет — 8 пар.

Следует отметить, что к исследованию привлекались пары как с официально зарегистрированными отношениями, так и проживающие в «гражданском» браке. Таким образом, главным критерием при формировании выборки являлось самоопределение пары в качестве супружеского союза.

В основу исследования легли следующие гипотезы:

1. Удовлетворенность браком снижается с увеличением стажа брака.
2. Существует связь между уровнями удовлетворенности браком у супругов в паре.
3. Существуют связи между жизненными ценностями партнеров по браку.
4. Пары, относящиеся к разным типам брака, отличаются в оценке ими значимости различных ценностей.

В исследовании были использованы опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. А. Романовой, Г. П. Бутенко [7, 843–848] и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [6, 524–527].

По результатам исследования 52,4 % супружеских пар в выборке относятся к категории «абсолютно благополучных» и 38,2 % — «благополучных» браков. К «скорее благополучным» бракам относятся 4,7 % и к «скорее неблагоприятным» — 4,7 % супружеских пар. Не было выявлено пар, относящихся к «переходному (от скорее неблагоприятного к скорее благополучному)», «неблагополучному», «абсолютно неблагоприятному» типам брака.

На наш взгляд, такой высокий уровень удовлетворенности браком по выборке в целом объясняется тем, что на обследование столь глубоко личной сферы жизни, как супружеская, преимущественно соглашаются пары, уверенные в своих отношениях.

Уровень удовлетворенности браком, соответствующий категории «абсолютно благополучного» брака, показали 10 мужчин и 13 женщин.

Также довольны своим браком, хотя и в меньшей степени («благополучный» брак), еще 10 мужчин и 5 женщин.

При этом всего 1 мужчина и 3 женщины показали результаты, позволяющие относить их к категории «скорее неблагополучного» брака.

Картина распределения испытуемых по категориям брака показывает, что количество женщин, полностью удовлетворенных своими супружескими отношениями («абсолютно благополучные»), на 14,25 % больше, чем количество мужчин. Однако в категорию просто «благополучных» попадает больше мужчин (на 23,85 %). Таким образом, суммарно количество мужчин, положительно оценивающих свой брак, на 9,6 % больше, чем женщин (табл. 1).

Таблица 1

Распределение испытуемых по типам брака

Тип брака	М	Ж	Пары
Абсолютно благополучный	10/47,65	13/61,9	11/52,4
Благополучный	10/47,65	5/23,8	8/38,2
Скорее благополучный			1/4,7
Скорее неблагополучный	1/4,7	3/14,3	1/4,7

Примечание. Здесь и в табл. 3: в числителе дроби — количество испытуемых, в знаменателе — процент.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что имеются различия в средних показателях удовлетворенности браком у мужей и жен, относящихся к одному типу брака. Средние показатели удовлетворенности в группах «абсолютно благополучные» и «благополучные» у мужчин несколько выше, чем у женщин, а женщины в категории «скорее, неблагополучные» хотя и превосходят мужчин в степени удовлетворенности, но совсем незначительно (табл. 2).

Таблица 2

Показатели удовлетворенности браком у испытуемых, относящихся к разным типам брака, средний балл

Тип брака	М	Ж	Пары
Абсолютно благополучный	43,0	42,6	42,5
Благополучный	36,5	34,4	35,9
Скорее благополучный			30,5
Скорее неблагополучный	24,0	24,3	23,5

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что женщины более склонны, нежели мужчины, давать повышенную оценку своему браку, но при этом большее количество мужчин в целом положительно высказываются о своей

удовлетворенности семейной жизнью, так что средние показатели удовлетворенности по всей выборке у мужчин немного выше, чем у женщин (39 и 38 соответственно), что подтверждает литературные данные о большей удовлетворенности браком у мужчин. Однако нужно оговориться, что в результатах по нашей выборке речь идет лишь о тенденции, значимой корреляции между полом и уровнем удовлетворенности браком в ходе статистической обработки выявлено не было.

Использование коэффициента корреляции Пирсона позволило выявить отрицательную корреляцию между уровнем удовлетворенности браком и стажем совместной жизни ($r = -0,438, p = 0,004$).

Если в самом начале семейной жизни, которое к тому же в нашей выборке проходит у новообразовавшихся семей без детей и в полной мере подходит под определение «медового месяца» [7, 217], подавляющее большинство супругов оценивают свои отношения как абсолютно их удовлетворяющие (14 человек из 16 в этой группе по стажу), то после 1 года совместной жизни количество максимально удовлетворенных сокращается до половины (5 из 10), а после 3 лет их остается всего четверть (4 из 16). В то время как количество в той или иной степени неудовлетворенных своим браком людей возрастает (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение испытуемых по типам брака
в зависимости от стажа совместной жизни**

Тип брака	Стаж брака		
	до 1 года	от 1 года до 3 лет	от 3 до 5 лет
Абсолютно благополучный	14/88	5/50	4/25
Благополучный	1/6	4/40	10/62
Скорее неблагополучный	1/6	1/10	2/13

Эта тенденция наглядно иллюстрирует динамику развития молодой семьи, когда романтический флер и новизна переживаний, которые обеспечивали полное удовлетворение супружеской жизнью в самом ее начале, постепенно проходят, на смену им приходит спокойная, взвешенная оценка качества семейной жизни, а при неблагоприятных обстоятельствах — разочарование в ней.

Таким образом, гипотеза № 1 о том, что удовлетворенность браком снижается с увеличением стажа брака, нашла свое подтверждение в нашем исследовании.

Анализ, проведенный с использованием коэффициента корреляции Спирмена, показал наличие положительной корреляционной связи между уровнями удовлетворенности браком у супругов в паре ($r_s = 0,609, p = 0,003$), т. е. в большинстве случаев муж и жена счастливы или несчастливы в своем браке вместе (за исключением двух пар, в которых муж и жена относятся к разным типам семей по индивидуальному уровню удовлетворенности).

Таким образом, гипотеза № 2 о том, что существует связь между уровнями удовлетворенности браком у супругов в паре, в нашем исследовании подтвердилась.

При рассмотрении всей совокупности пар у мужей и жен были выявлены статистически значимые положительные корреляции по терминальным ценностям «Интересная работа» ($r_s = 0,541, p = 0,011$) и «Творчество» ($r_s = 0,441, p = 0,045$) и инструментальным ценностям «Ответственность» ($r_s = 0,510, p = 0,018$) и «Терпимость» ($r_s = 0,445, p = 0,043$). Следовательно, семейные пары образуют люди, в сходной мере ориентированные на профессиональную самореализацию (либо одинаково равнодушные к ней), а также мужчины и женщины, одинаково оценивающие значимость творчества в своей жизни, считающие важными (или малозначимыми) такие качества, как ответственность и терпимость.

Таким образом, гипотеза № 3 о том, что существуют связи между жизненными ценностями партнеров по браку, подтвердилась в отношении двух терминальных и двух инструментальных ценностей, однако по большинству ценностей корреляционных связей у супругов выявлено не было.

Кроме того, было установлено, что существует значимая обратная корреляция между удовлетворенностью семейными отношениями и высокой оценкой свободы ($r_s = -0,311, p = 0,045$), а также между удовлетворенностью браком и стремлением к общественному признанию (уважению окружающих, коллектива, товарищей по работе) ($r_s = -0,423, p = 0,005$). То есть чем большее значение для человека имеет общественное признание, чем выше уровень его активности вне семьи, тем менее благополучен его брак. Связь здесь может быть двусторонней. Во-первых, человек может тратить слишком много энергии на достижение или поддержание своего социального статуса и из-за нехватки времени, сил не уделять в должной мере внимания своей семье. Во-вторых, с равной долей вероятности, его потребность быть признанным, одобренным обществом может являться следствием невозможности самоактуализации в кругу семьи в силу некой неблагоприятной обстановки. Других значимых корреляций между уровнем удовлетворенности браком и ценностными ориентациями супругов данной выборки в ходе статистической обработки выявлено не было.

При математической обработке полученных результатов с использованием U-критерия Манна – Уитни между «абсолютно благополучным» и «скорее неблагоприятным» типами семей были выявлены тенденции к различиям только по инструментальным ценностям «Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)» ($U = 13, p = 0,022$) и «Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов» ($U = 11, p = 0,014$). В нашей выборке у людей, абсолютно удовлетворенных своим браком, наблюдается более высокая оценка ценности «Рационализм», нежели у неудовлетворенных, в то время как «Смелость в отстаивании своего мнения», напротив, занимает ведущие позиции среди жизненных ценностей у людей с низкой удовлетворенностью.

Между «благополучным» и «скорее неблагоприятным» типами семей выявлена аналогичная тенденция к различной оценке ими ценности «Смелость в отстаивании своего мнения» ($U = 9,5, p = 0,037$).

Если принять во внимание, что неудовлетворенные своими супружескими отношениями люди выше оценивают значение терпимости (восьмое место у мужчин и первое — у женщин, в то время как в абсолютно благополучных браках — пятнадцатое место у мужчин и одиннадцатое — у женщин), то можно предположить, что камнем преткновения в неблагополучных семьях нередко является излишняя прямота высказываний, стремление выразить свою позицию, забывая порой о такте и чувствах партнера.

На первый взгляд сравнение пар, относящихся к «благополучному» и «абсолютно благополучному» типам семей, не несет в себе такой практической значимости, как сопоставление пар, удовлетворенных браком, с неудовлетворенными. Однако оно интересно тем, что позволяет сделать предположения о факторах, которые влияют на снижение оценки супругами качества совместной жизни.

С помощью U-критерия Манна — Уитни были выявлены статистически значимые различия между парами, относящимися к «абсолютно благополучному» и «благополучному» типам брака, в оценивании ими инструментальных ценностей «Непримиримость к недостаткам в себе и других» ($U = 86, p = 0,009$) и «Независимость» ($U = 98,5, p = 0,026$). Следовательно, можно предположить, что грань между абсолютной удовлетворенностью браком и обиденной, благополучной семейной жизнью лежит в более лояльном отношении супругов к недостаткам своим и партнера, а также в большем уважении к личной независимости.

Таким образом, гипотеза № 4 о том, что пары, относящиеся к разным типам брака, отличаются в оценке ими значимости различных ценностей, подтвердилась для пар, относящихся к «абсолютно благополучному» и «благополучному» типам брака, применительно к оцениванию ими инструментальных ценностей «Нетерпимость к недостаткам в себе и других» и «Независимость».

Корреляционный анализ показал наличие у респондентов связей между терминальной ценностью «Счастливая семейная жизнь» и рядом других терминальных и инструментальных ценностей. Причем у мужей и жен с разным уровнем удовлетворенности браком имеются отличия как в количестве этих связей, так и в их качестве (в самом наборе ценностей, с которыми установлены связи, с подразделением корреляций на положительные и отрицательные).

У абсолютно удовлетворенных браком мужчин установлено наличие лишь одной отрицательной связи с собственными показателями по «Честности» ($r_s = -0,778, p = 0,023$). То есть мужчины, относящиеся к данной категории, тем более счастливы в семье, чем менее они правдивы, искренны. Здесь приходится констатировать слабость нравственной составляющей личностной сферы. У их жен, напротив, выражены альтруистические ценности, ценности принятия других: для них ценность «Счастливая семейная жизнь» положительно связана со значимостью для их мужей таких ценностей, как «Наличие хороших и верных друзей» ($r_s = 0,855, p = 0,007$), «Общественное признание» ($r_s = 0,855, p = 0,007$), «Материально обеспеченная жизнь» ($r_s = 0,765, p = 0,027$), «Жизнерадостность» ($r_s = 0,739, p = 0,036$). Одновременно у них выявлена положительная связь со значимостью «Ответственности» ($r_s = 0,932, p = 0,001$) и отрицательная —

со значимостью «Высоких запросов» ($r_s = -0,722$, $p = 0,043$), как принципов, которыми они сами руководствуются в жизни. Следовательно, женщины, относящиеся к данной категории брака, тем более счастливы в семейной жизни, чем сильнее развито у них чувство долга, чем менее высоки их притязания и требования к жизни. При этом они ориентированы на удовлетворение мужьями целого спектра их потребностей — коммуникативных, статусных, материальных, эмоциональных.

У мужчин, чей брак относится к категории «благополучных», установлены статистически значимые положительные корреляции с собственными показателями по «Наличию хороших и верных друзей» ($r_s = 0,771$, $p = 0,006$) и «Независимости» ($r_s = 0,644$, $p = 0,033$), а также отрицательная связь с «Познанием» ($r_s = -0,761$, $p = 0,007$). Кроме того, выявлены прямые связи между значением для них ценности «Счастливая семейная жизнь» и значимостью для их жен ценностей «Жизненная мудрость» ($r_s = 0,819$, $p = 0,002$), «Широта взглядов» ($r_s = 0,666$, $p = 0,025$), «Активная деятельная жизнь» ($r_s = 0,605$, $p = 0,048$), а также отрицательные связи со значимостью для их жен ценностей «Здоровье» ($r_s = -0,733$, $p = 0,010$) и «Свобода» ($r_s = -0,7$, $p = 0,017$). То есть для мужей, чей брак относится к данной категории, счастливая семейная жизнь связана с самостоятельностью, наличием собственных друзей и отсутствием необходимости повышения своего образования, интеллектуального развития, уровня общей культуры. Мужчины этой группы тем более счастливы в браке, чем выше для их жен значение здравого смысла, умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, привычки. Для них важно, чтобы жена ценила полноту, эмоциональную насыщенность жизни, при этом не стремилась к самостоятельности, независимости и не слишком заботилась о здоровье. У их жен выявлены связи ценности «Счастливая семейная жизнь» со значением для их мужей двух ценностей: положительная с ценностью «Уверенность в себе» ($r_s = 0,737$, $p = 0,01$) и отрицательная с ценностью «Счастье других» ($r_s = -0,907$, $p = 0,000$). Следовательно, женщины данной группы считают, что семейная жизнь будет тем счастливее, чем более муж уверен в себе (свободен от внутренних противоречий, сомнений), чем менее он ориентирован на благосостояние, развитие и совершенствование других людей.

При всем различии связей, установленных внутри групп, можно констатировать, что для мужчин данной выборки представление о счастливой семейной жизни связано с возможностью удовлетворения своих потребностей вне семьи (на наш взгляд, об этом свидетельствует связь с собственными ценностями «Наличие хороших и верных друзей» и «Независимость») и отсутствием требовательности к себе (отрицательные связи с ценностями «Честность» и «Познание»). С другой стороны, к жене они предъявляют более высокие требования, связанные с пониманием и принятием ею мужа (связь с ценностями «Жизненная мудрость» и «Широта взглядов» у жен). Кроме того, для них важно, чтобы женщина ценила полноту и эмоциональную насыщенность жизни и в то же время не была ориентирована на самостоятельность и независимость (по-видимому, активность жены должна реализовываться в соответствии с представлениями мужа). Полученные результаты, возможно, свидетельствуют об эгоцентризме и

инфантильности мужской части выборки, но эти предположения требуют проверки.

Для женщин, относящихся к категории абсолютно удовлетворенных браком, характерна зрелость в оценке факторов счастливой семейной жизни. Они готовы брать ответственность на себя, не предъявлять высоких требований к жизни и понимают, что счастливая семейная жизнь возможна, когда муж удовлетворяет значимые для него потребности. Для женщин, чьи браки относятся к категории благополучных, счастливая семейная жизнь в большей степени зависит от мужа и связана с тем, насколько он уверен в себе и ориентирован на семью. По-видимому, женщины первой группы отличаются от женщин, вошедших в состав второй группы, большей уверенностью в себе, самостоятельностью, широтой взглядов. Однако для интерпретации полученных результатов требуется исследование личностных особенностей женщин, относящихся к этим двум группам.

Результаты, полученные нами, частично совпадают с данными других исследований (например, установлено, что удовлетворенность браком снижается с увеличением стажа брака, что существует связь между уровнями удовлетворенности браком у супругов в паре). Однако, на наш взгляд, наиболее интересные данные получены в результате корреляционного анализа связей между ценностью «Счастливая семейная жизнь» и другими ценностями у респондентов с разным уровнем удовлетворенности браком. Данный аспект анализа проблемы перспективен и требует дальнейшего изучения на выборках супругов с более продолжительным стажем брака и разнообразной представленностью семейных пар, отличающихся уровнем удовлетворенности браком.

1. *Алешина Ю. Е.* Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14 : Психология. 1987. № 2. С. 60–72.

2. *Андреева Т. В.* Психология современной семьи. СПб., 2005. 436 с.

3. *Андреева Т. В., Толстова А. В.* Темперамент супругов и совместимость в браке // Образование и психология : Ананьевские чтения–2001 : тез. науч.-практ. конф. СПб., 2001.

4. *Андреева Т. В., Шмотченко Ю. А.* Мужской взгляд на брак (исследование сотрудников охранных структур) // Ананьевские чтения-2003 : тез. науч.-практ. конф. СПб., 2003.

5. *Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / под ред. Г. М. Романенковой. Л., 1984.

6. Практикум по возрастной психологии : учеб. пособие / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб., 2002.

7. *Шнейдер Л. Б.* Семейная психология. Москва ; Екатеринбург, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.03.2013 г.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.011.4 + 7.031.2 + 7(1/9)

Г. В. Гольнец

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ, САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ И НАИВНОЕ ИСКУССТВО: О ГРАНИЦАХ

Статья основана на исследованиях профессиональной живописи, скульптуры, графики и изобразительного фольклора на различных этапах истории искусства. Отличие наивного и самодельного искусства рассматривается в форме противопоставленных категорий. Говорится об условности границ между профессиональным, самодельным и наивным искусством и об отличии наива (примитива) и примитивизма. Приводятся примеры из истории отечественной и мировой культуры. Подчеркивается, что обозначенная проблема важна не только для теории, но и для практиков искусства и педагогов.

Ключевые слова: профессиональное искусство, самодельное искусство, наивное искусство, примитив.

«Кто Вы, Вадим Колбасов? Мастер наивного искусства в духе Ивана Селиванова или реалист, наследник Саврасова?» Этими словами встретила критика появление на екатеринбургском горизонте двадцать лет тому назад художника, уже не юным пришедшего в искусство. Магически подействовало ощущение сходства запечатленных им провинциальных железнодорожных станций, кирпичных магазинчиков, ворот, деревенских бревенчатых изб, березовых рощ с их натурными прототипами. Почти чертежную линейность предметного мира Колбасов сочетает со светлой тональностью небесной высоты, отраженной в зеркалах вод, неуклюжие стаффажные фигурки людей и животных — с контрастными масштабами интерьеров и природных ландшафтов. Жанровые сценки воспринимаются забавными и грустными воспоминаниями о прошедшем детстве. Колбасову дано, как ребенку, удивляться жизни, поэтому не было желания ему ничего подсказывать. Нет и сейчас.

ГОЛЫНЕЦ Галина Владимировна — кандидат искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, профессор кафедры истории искусств Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: gvgolynets@gmail.com).

© Гольнец Г. В., 2013

Но вопросы, касающиеся уже не столько лично его, сколько общих проблем взаимоотношений самодеятельного и профессионального искусства, а главное — того и другого с наивным художественным творчеством, остаются. Постоянно занимая с конца 1960-х гг. отечественную гуманитарную науку, они приобрели на рубеже XX–XXI вв. в связи с утверждением эстетики постмодернизма новую актуальность [2, 4–12].

Не пытаясь решить комплекс сложных искусствоведческих, культурологических и философских проблем, поделюсь своими размышлениями, опираясь на материал изобразительных искусств.

Противопоставление самодеятельного искусства профессиональному не может быть категоричным. Осознавая неосуществимость своей мечты стать профессионалом, самодеятельный художник занимается искусством любительски, как хобби. Но нередко хобби оказывается важным для его основной профессии — инженера, биолога, химика. Занятие искусством (конечно, не только изобразительным) расширяет творческую фантазию, помогает найти неординарное решение. Можно привести много примеров пишущих картины актеров, музицирующих живописцев. Вспомним, что Блок [1, 10–11] видел в рисунках Пушкина «освободительность», считал, что наброски на полях помогали ему найти пластически выразительный поэтический образ. Между тем незашоренный академическими уроками Пушкин своими рисунками предвосхитил некоторые завоевания графики будущего, в частности, работавшей на рубеже 1920–1930-х гг. группы «Тринадцать». Вспомним также, что для Василия Кандинского музыка была средством решения проблем беспредметной живописи. Обращение мастера одного вида искусства к другому требует специального анализа. Этот вопрос затронут в статье лишь вскользь.

Более подробно остановлюсь на отличии самодеятельного искусства от искусства наивного, т. е. примитива (употребим эти понятия в качестве синонимов). Не претендуя на теоретическую завершенность, опираясь на свой визуальный опыт, попытаюсь выразить это отличие в следующих противопоставлениях самодеятельного и *наивного* искусства: иллюстративность, зависимость от природы — *обобщенность*; недостаточно умелое владение выразительными средствами, композиционная незавершенность — *композиционная целостность*; детализация, дробность, общее как множественность элементов — *погруженность детали в общее пластическое целое*; подражательность, наличие прототипа или образца — *фантазийность, гипербола*; стремление к копированию — *независимость, индивидуальность и, одновременно, приверженность к архетипу*; ремесленность — *универсальность приема*; исполнительство — *творчество*; сюжминутность — *вневременность*; подвижность — *застылость, метафизичность*; внешняя красота — *внутренняя идея*. Сопоставления можно продолжать и «уточнять», но дело в сути вопроса — в таланте, в способности создать художественный образ!

Отличие самодеятельного искусства от наивного нельзя абсолютизировать: самодеятельный живописец, не становясь профессионалом, порой невольно или сознательно тянется к примитиву. Это может проявиться и у художников из крестьянской и рабочей среды (подобных тем, которых мы виде-

ли на индустриальной биеннале в цехах Уралмаша), и у интеллигентов, например, у тех, кто выставляется в екатеринбургском Доме ученых. Вспоминаю своего родственника, ленинградского инженера Евгения Кюна, писавшего маслом виды города с фотографий и открыток. Никогда не придавала им значения. А сейчас, по прошествии многих лет, открыла в них наивное обобщение и обаяние, искренний восторг перед Северной Пальмирой.

Подлинный наив — большая редкость, «подарок богов, и таких подарков не бывает много», как не раз говорил один из моих учителей Виктор Михайлович Василенко. В наиве первичная, изначально генетически данная человеку способность к творчеству выступает в качестве камертона искусства. Не случайно профессионалы-живописцы с ностальгией вздыхают о гармонии обобщенного видения мира мастерами примитива, стремятся использовать его образы и выразительные средства. Так родилось на рубеже XIX–XX вв. художественное направление — примитивизм, в России представленное именами Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. Примитивизм, давая о себе знать и позже, ярко проявился в 1970-е гг., например, в живописи Наталии Нестеровой, Ивана Лубенникова, Владимира Овчинникова. А в конце прошедшего — начале нынешнего века — в творчестве ленинградских «Митьков» и близких к ним художников, включая тех, что группируются вокруг екатеринбургского Музея старика Букашкина. Артистичным примитивистом выступил в цикле картин «Страна Тэмуджина» Анатолий Калашников.

Отделить наивное искусство от профессионального также нелегко. Есть хрестоматийные примеры первого: Анри Руссо, Нико Пиросманишвили, Анна Мозес, Иван Генералич, Константин Панков, Мария Примаченко, Екатерина Белоград, упомянутый Иван Селиванов, Павел Леонов; наши алапаевские наивы: Нина Варфоломеева, Анна Трофимова, Христина Чупракова, Павел Устюгов. Но вот уже Колбасов — речь сейчас не о масштабе дарования — являет пример более сложного взаимодействия двух ветвей искусства. В художественном учебном заведении Колбасов не учился. В конце третьего десятилетия своей жизни брал в Богдановиче уроки у талантливого живописца, также не получившего законченного образования, Виктора Гузанова. Рядом с Колбасовым оказались ныне известные в Екатеринбурге художники Михаил Сажаяев и его сестра Александра Гурьева-Сажаяева, увлеченные искусством примитива. Владимир Колбасов был покорен русской реалистической живописью и действительно мечтал стать профессионалом. Но художественная закваска примитива сохранялась и сохраняется в его творчестве.

Эта проблема важна не только и даже не столько для теоретиков, сколько для практиков искусства и педагогов, особенно в период, когда художественная школа переживает кризис. Руководителям домов или центров народного творчества важно, исходя из индивидуальности ученика, направить его по верному пути и не сбить с толку. Приведем пример из истории искусств. В кризисный момент жизни молодой Марк Шагал услышал столь своевременные слова своего учителя мирискусника Льва Бакста: «В Ваших работах мне более всего нравится именно та провинция, которая вокруг Вас. <...> Работайте, не нуждаясь в одобрении окружающего люда, вещи искренние и доведенные до Вашего

идеала» [3, 72]. Один из исследователей творчества Шагала справедливо отмечает, что, говоря в начале XX в. об искусстве следующих поколений, «свободном от “ошибок” и “крайностей” предшественников», «уже не отравленном ядом отрицания», прошедшем через «низины грубости», «малоисследованные области лапидарного стиля» и сумевшем «вновь вырваться и расцвести потом чистым и пышным деревом, полным ярких, цветущих плодов», Бакст провидит искусство, подобное будущей живописи Марка Шагала [Там же].

Разумеется, мы не относим Шагала к художникам наивного искусства и даже к профессионалам-примитивистам, какими были на определенном этапе своего творчества Ларионов и Гончарова. Но органично вобрав завоевания новейшего мирового искусства, Шагал остался верен народной почве, провинциальному Витебску, словно пропитанному духом наивных художественных представлений. Пример Шагала и сегодня открывает один из путей взаимодействия принципов профессионального и наивного искусства. Речь идет не о подражании, которое может привести и приводит к эпигонству, а о восприятии опыта выдающегося мастера XX в. Так, известный всем нам художник Геннадий Райшев внутренне близок Шагалу. Достигнув витруозного владения выразительными средствами и графики, и живописи, он не растает с взрастившей его землей, с фольклорными образами народов Сибири, животворит искусство слиянием архетипических начал с остро индивидуальным видением мира.

-
1. Блок А. А. Краски и слова // Соч. : в 2 т. Т. 2 : Очерки, статьи и речи. Из дневников записных книжек. Письма. М., 1955. С. 7–12.
 2. Богемская К. Г. Наивные художники России. СПб., 2009.
 3. Брук Я. В. Шагал и школа Бакста // Марк Шагал: «Здравствуй, Родина!» : каталог выставки. М., 2005. С. 64–85.
 4. Музейная политика в области наивного искусства. М., 2010.
 5. Наивное искусство и творчество аутсайдеров в XXI веке: история, практика, перспективы : материалы науч. конф. Москва, 16–17 нояб. 2007 г. М., 2008.
 6. Примитив в искусстве: грани проблемы / ред.-сост. К. Г. Богемская. М., 1992.
 7. Примитив в России. XVIII–XIX век: Иконопись. Живопись. Графика / отв. ред. А. В. Лебедев. М., 1995.
 8. Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени / отв. ред. В. Н. Прокофьев. М., 1983.
 9. Самодетальное художественное творчество в СССР: Очерки истории: 1930–1950 годы. СПб., 2000.
 10. Самодетальное художественное творчество в СССР: Очерки истории: конец 1950-х — начало 1990-х годов. СПб., 1999.
 11. Трансформация Великой Утопии: Советское наивное искусство. Пермь, 2012.
 12. Философия наивности / сост. А. С. Мигунов. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 20.05.2013 г.

УДК 141.2 + 130.3 + 101.9 + 1(091)

Т. Ю. Быстрова

ТРАКТОВКА РАЗУМА В «КНИГЕ ПЕРЕМЕН»

Исследуется трактовка разума в авторитетном памятнике философской мысли Древнего Китая «Книге Перемен». Автор доказывает философскую природу этого текста, связанную не только с его содержанием, но и с характером взаимодействия с читающим. Определяются элементы текста «Книги Перемен», позволяющие реконструировать понимание разума, во многом актуальное для современной культурной ситуации.

Ключевые слова: «Книга Перемен», китайская философия, мировоззрение Древнего Китая, разум, возможности разума, Ю. К. Шуцкий.

Учитель [Конфуций] сказал: «Продлись мои лета, [я бы] пятьдесят [из них] отдал бы изучению “Перемен” и смог бы избежать больших отклонений».

«Лунь юй», глава 7, чжан 16 (пер. А. И. Кобзева)

«Книга Перемен» («И Цзин», «Чжоу И») – великий памятник культуры, содержащий в себе систему ценностей культуры Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. С течением времени положения книги не утрачивают глубины и мудрости, получают все новые научные и практические подтверждения. Немецкий психолог и философ Карл Густав Юнг (1875–1961) писал об этом «великом и уникальном» произведении: «Подобно части природы, оно ждет, пока будет открыто. Оно не предлагает ни фактов, ни власти, но для любителей самопознания, мудрости – если таковые найдутся – может представиться правильной книгой» [17].

Крупнейший знаток философии и культуры Дальнего Востока академик В. М. Алексеев (1881–1951) считал постижение «И Цзин» основной синологической проблемой, «главным камнем преткновения всех китаистов всех времен и наций, начиная с китайцев и заканчивая американцами. Эта оккультная по форме и философская по содержанию книга привлекала и привлекает самые трезвые умы своей неразгаданной системой» [1, 73].

Датируемая серединой I тыс. до н. э., «И Цзин» уже в эпоху Хань была не только отредактирована, включена в перечень канонических китайских книг («конфуцианский канон»), но и, по признанию специалистов-синологов, заняла в нем безусловное первое место, оказав влияние на развитие науки и многие стороны повседневной жизни.

Можно сказать, что «Книга Перемен» – это протофилософское произведение, в котором происходит переход от мифологии к философскому мышлению. Для ее первых комментаторов гексаграммы «постепенно перестали быть только

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: taby27@yandex.ru).

© Быстрова Т. Ю., 2013

принадлежностями предсказаний и начали выполнять функции 64 категорий мира в движении к универсальному единству» [11]. В неотъемлемой части «Книги Перемен» — комментариях дается понятийное толкование природы и человека, особый акцент делается на *динамических* сторонах их взаимодействия.

Еще одной значимой характеристикой можно считать отсутствие готовых рассуждений и ответов, обеспечивающее открытость текста его интерпретаторам. Если философия как истина рождается в *диалоге*, в споре, то исследуемый нами памятник как нельзя лучше способен вовлечь читателя в интерактивное взаимодействие.

Многие русскоязычные источники делают акцент на мантической направленности текста. Мы настаиваем на доминанте философского содержания в «Книге Перемен» по целому ряду причин:

1. В отличие от сугубо религиозно-мифологических и мантических текстов «Книга Перемен» предполагает нелинейность будущего каждой из рассматриваемых (фиксируемых гексаграммами) ситуаций. Будущее зависит от мыслительных действий читающего, точности понимания им текущего момента. Это обуславливает повышенную *активность разума*, занятого не столько интерпретацией, сколько анализом и конструированием событий.

В гадательных текстах и практиках, равно как и в мифе, предполагается однозначность предсказанного или постулируемого будущего, сводящая на нет любые мыслительные усилия человека. В мифе это будущее вообще не имеет ценности, поскольку мифологический хронотоп строится как модель круговорота и повторяемости времени [15].

2. Именно для философского способа рассмотрения мира и человека важно осмысление «здесь и сейчас», фиксация и анализ наличного состояния, уход от «темноты проживаемого мгновения» (Э. Блох). Практика работы с «Книгой Перемен» — бросание монет, перекладывание стеблей трилистника, создание гексаграммы и размышление над ней — по сути, позволяет сконцентрироваться на настоящем, увидеть его более полно за счет включения определенных смысловых полей, деликатно «подсказываемых» трехстишиями [16, 235].

3. Гадательная практика не обязательно связывает между собой состояние мира и самостоятельные (неритуализованные) действия человека, тогда как в гексаграммах «Книги Перемен» эта связь фиксируется буквально. Так, согласно одной из версий расшифровки, средние черты говорят о состоянии человека, нижние — Земли, верхние — Неба [13].

4. Тема *гармонии* начал Инь и Ян также может быть отнесена к философским. Гармония представляет собой результат осмысленных действий человека. В рамках нашего исследования это означает, что от разума требуются та же нелинейность, тот же динамизм, которые постулируются текстом «Книги Перемен» в окружающем мире [см.: 2, 3].

Поэтому можно утверждать, что *философский характер «Книги Перемен» определяется не только содержанием текста, но и его построением, всем процессом взаимодействия читающего с текстом.*

Соответственно, исследователя может интересовать не только вопрос «что говорится о разуме?», но и «как говорится?». По тому, что предлагается сделать

человеку, решившему обратиться к «И Цзин», можно понять, каковы возможности и способности этого человека. Вопрос о разуме применительно к тексту «Книги Перемен» — это в большей степени вопрос *методологии*, а не метафизики. Определяя этот ракурс, мы осознанно уходим от более частного вопроса о том, что и как делает разум.

Одним из наиболее заинтересованных интерпретаторов «Книги Перемен» был Ю. К. Шуцкий, перевод которого, по сути, является единственным для русскоязычных читателей. И мы рассматриваем «И Цзин» сквозь призму именно этого перевода, ставшего своеобразным мостиком между культурами Востока и Запада.

Юлиан Константинович Шуцкий родился в 1897 г. в Екатеринбурге. Учился он в Санкт-Петербурге, сначала в Политехническом институте, позже в Практической восточной академии. С 1924 г. он преподавал в Ленинградском историко-филолософско-лингвистическом институте и Ленинградском институте живых восточных языков, читал курсы по истории китайской философии, китайскому и японскому языкам. Он первым в России стал читать курсы южнокитайского (гуанчжоуского) диалекта и вьетнамского языка. В 1937 г. Ю. К. Шуцкий блестяще защитил докторскую диссертацию по законченной за два года до этого монографии «Китайская классическая “Книга Перемен”». 3 августа 1937 г. он был арестован и осужден, позже, в феврале 1938 г., расстрелян [14].

Монография Ю. К. Шуцкого о «Книге Перемен» была опубликована в 1960 г. и сразу стала классикой российского востоковедения.

Для своих комментариев к «Книге Перемен» Ю. К. Шуцкий использовал более 100 источников на китайском и других восточных языках. Несмотря на хорошее знание философии Древнего Китая, он выбрал основным аспектом исследования «Книги Перемен» филологический и, более творческий, «интерпретирующий» (В. М. Алексеев, Ю. К. Шуцкий). Как отмечает Н. И. Конрад, Ю. К. Шуцкий «хотел раскрыть содержание “И Цзина” не своими словами, а образами и идеями, данными в “словах” (цы)... раскрыть при этом в той последовательности и связи, на которые указывает графика каждой из гексаграмм и порядок их в общей цепи» [13, 84]. Это стало возможным благодаря выработке собственной концепции «Книги Перемен», возникшей как результат обобщения различных предшествующих интерпретаций, включая японские. Эта методологическая аутентичность работы с исходным текстом дает следующим поколениям читателей русскоязычного перевода возможность, отталкиваясь от комментариев Ю. К. Шуцкого, самостоятельно интерпретировать понимание отдельных феноменов, упоминаемых в тексте, — например, разума.

Как уже сказано, «Книга Перемен» как философский текст обладает рядом особенностей, из которых и выводится *представление о разуме*¹.

1. **Наличие образной составляющей** во всех слоях текста. Текст, представленный гексаграммами и трехстишиями, содержит образы, в расшифровке которых участвует не только разум, но и *воображение* человека. «Стихия “Книги

¹ Подобный путь предлагает А. Крушинский: «...выявление рационального измерения “Чжоу И” одновременно прольет свет и на специфику китайской рациональности» [8].

Перемен” — стихия образности», — отмечает Ю. К. Шуцкий [6]. В отличие от европейской (платоновской) традиции, до XX в. уверенно выведившей разум на первое место в иерархии познавательных способностей человека, в «Книге Перемен» разум не абсолютизируется. Наличие образов предполагает, что он действует и полноценно реализует себя *в гармонии с другими формами познания*.

Образы можно эмоционально переживать и даже зрительно представлять, хотя Ю. К. Шуцкий подчеркивает их иную природу. «Образы же “Книги Перемен” понимаются правильно тогда, когда они ведут не к эмоциональному переживанию, а к познанию идей, в них облеченных, к осознанию основной идеи изменчивости (движения, сказали бы мы теперь). Нет возможности свести эти образы к простым представлениям, ибо они насыщены гораздо большим и многогранным содержанием, чем представления, абстрагированные от наблюдения» [13, 125]. Можно сказать, что это не художественные образы. Их природа близка к эйдетической: образы «Книги Перемен» — своеобразные модели, причем не объектов, а процессов и состояний, например, «Воссоединение» (гекс. 46), «Разрушение» (гекс. 23) и др.

Эта особенность передачи знания и самого хода размышления формируется в том числе благодаря иероглифической письменности. Иероглифы, возникшие из пиктограмм, запечатлевают образы вещей и процессов, лишая текст абстрактности, свойственной европейским философским построениям. Приобретая понятийный статус, иероглиф продолжал оставаться связанным с предметно-образным значением. Для читателя «Книги Перемен» это означает, что в восприятии участвуют все мыслительные способности. То, что не может быть сразу схвачено в понятиях, домысливается, достраивается за счет представления образа, иногда по аналогии с повседневной жизнью (образ «опрокинутого треножника», «невесты», «лебедя» и т. п. в соответствующих гексаграммах).

О чем-то подобном, но еще более глубоком писал К. Г. Юнг в предисловии к «Книге Перемен»: «...когда “И Цзин” не находит понимания у сознания, навстречу ему выходит бессознательное, ибо он в соответствии со своей природой связан с ним даже более тесно, нежели с рационализмом сознания» [16, 245].

Вдобавок большинство образов представлено очень лаконично. Это активизирует разум. «Книга Перемен» предполагает активность читателя в процессе размышления над вопросами бытия в целом и жизни человека в частности. Эта черта затрудняет мантические практики: приемы гадательной расшифровки гексаграмм существенно разнятся. Но для философских рассуждений множественность версий необходима и продуктивна.

Она усиливается за счет возникающего символизма мышления. В ходе интерпретации конкретной жизненной ситуации у читающего за одним образом могут вставать совершенно различные явления или объекты.

Символы выполняют двойную функцию. Они стимулируют воображение. И они же ограничивают направление поиска жизненных аналогий, лишают размышление произвольности, поскольку отдельный образ всегда является частью некоего целого. Поэтому можно говорить не столько о «символах», сколько о «коррелятах», соотношении с которыми облегчает индивидуальное размышление читателя «И Цзин».

2. **Модель человека**, имплицитно присутствующая в тексте «Книги Перемен», включает в себя представление об его мыслительной активности и рациональности. Человек находится в центре мироздания, в том числе и для того, чтобы понять его закономерности, учесть их в своих действиях, соотнести себя с ними. Гармония внешнего и внутреннего обеспечивается мыслительными усилиями, активизировать которые помогает текст «Книги Перемен».

Отметим, что разум трактуется как активная сила и в западноевропейской философии Нового времени, начиная с И. Канта (1724–1804). Человеку, наделенному разумом, присуще целеполагание. Отличие трактовок состоит именно в понимании цели. Для западноевропейских философов Нового времени цель, к которой устремлены усилия разума, — познавательная, гносеологическая. Она достаточно схематична, поскольку анализ предполагает абстрагирование от второстепенных, несущественных черт.

Для человека «Книги Перемен» цель гораздо более онтологизирована. От ее понимания зависит жизненная траектория, поступки, связи с другими людьми и т. п. Соответственно, для этого понимания необходимо вчувствоваться и вдуматься в ситуацию во все ее полноте, не уходя от частных деталей. 64 гексаграммы расположены в определенном порядке, обозначая конкретную динамическую ситуацию, осмысление которой происходит поэтапно, а границы определяются размышляющим. Более того, каждая гексаграмма вытекает из предыдущей. То есть то, что является целью в одной ситуации, перестает ею быть в другой. Для того чтобы перестроиться, разуму необходимо быть гибким и подвижным.

Японский комментатор XVIII в. Ито Тогай, оказавший заметное влияние на Ю. К. Шуцкого, говорит следующее: «Работая во благо, действовать по мере сил, но не различать возможности и невозможности данной временной ситуации; а желая осуществить [благое] вопреки создавшимся условиям, не только нельзя подчиняться им, но даже надо разрушить эти условия» [13, 151]. «Мера сил», о которой упоминает Ито Тогай, определяется оценкой всей ситуации, включая общекосмические процессы, а не стремлением к внутреннему комфорту или подобным вещам.

В качестве специфического момента для русскоязычного читателя «Книги Перемен» можно назвать отсутствие цели как константы (стать тем-то, стать таким-то, добиться того-то). Тактика жизненных решений здесь как бы доминирует над стратегией. Точнее, стратегией является достижение гармонии с изменчивым миром — как процесс, а не как статичная точка с предустановленным результатом.

При таком понимании разум инструментален, но не абсолютен. Его пределом выступает (опять-таки) не столько метафизическая глубина, сколько конкретность жизненного пространства отдельного человека. При наличии общих алгоритмов размышления и принятия решения содержание мысли всякий раз индивидуально. Конструктивная основа «И Цзин» структурирует, но не определяет (детерминирует) его.

Соответственно, истина как цель и результат познавательного процесса тоже перестает быть универсальной и абсолютной.

3. **Дифференциация** внешнего и внутреннего, **формального и содержательного** последовательно проводится в тексте «Книги Перемен». Это деление на внешнее и внутреннее в устройстве мира присутствует и в представлении о предметах мышления. В. Г. Попов обозначает «И Цзин» как «универсум форм реальности» [цит. по: 6]. Формы процессов всеобщи, а наполнение, в том числе и в ходе познания, индивидуально. В этом случае текст выступает для читателя категориальной основой самоорганизующегося мира. В мире присутствуют некие процессы, тенденции, состояния, качества. Дело разума — уловить их с помощью «Книги Перемен», интерпретировать сообразно личному размышлению и «пути» и действовать в соответствии с ними. Это возможно при умении соотносить частное с целым, наличии способности находить в окружающем мире или самом тексте смысловые и символические корреляты, уточняющие смысл изучаемого процесса или предмета.

Констатация универсальных форм не отменяет, а, напротив, усиливает значение индивидуального размышления, личных решений и сценариев. При такой установке в разуме достаточно легко различить формальный и содержательный аспекты, о которых в западноевропейской философии заговорил в XVIII в. Иммануил Кант. Но если для Канта формы имеют априорный (допытный) характер и поэтому не всегда осознаются человеком, то версия «Книги Перемен» предполагает их усвоение при знакомстве с текстом и последующее использование в ходе саморефлексии.

4. Конечно, необходимо упомянуть **наличие** в «Книги Перемен» **нумерологического слоя**, на котором мы не будем останавливаться подробно [см.: 5, 10]. Как известно, каждая гексаграмма имеет свое исчисление, и именно этот слой текста изучен наиболее полно. Там, где образы малопонятны и «темны» для современного читателя, числовые последовательности и их интерпретация тоже могут подтолкнуть мысль.

5. Индивидуализированный разум человека занят поисками его **достойного места в мире**. Разум имеет социальное и этическое значение. «Быть» в китайской философии тождественно моменту присутствия, самореализации. Восстребованный, деятельный разум позволяет человеку достичь своего естественного и подлинного состояния, в том числе и в социуме. В этом отношении работа с текстом «Книги Перемен» готовит индивида не только к тому, чтобы раскрыть свой потенциал, но и к тому, чтобы соотнести его с более общими — социальными — процессами (эта мысль позже прозвучит у Конфуция в учении о *цзюнь-цзы* — «благородном муже»).

Выводы

Согласимся с автором, отмечающим, что «символы и принципы “Чжоу И” пронизывали буквально все сферы жизни традиционного Китая — от теоретических эмпириков и высокого искусства до бытовых предметов и украшений. Из этого же источника черпали астрономы и астрологи, навигаторы и гадатели, музыканты и врачи, историки и администраторы, мастера боевых искусств и знатоки тайн продления Жизни» [13, 6–7]. Кроме того, выраженные в «Книге

Перемен» идеи оказали и оказывают огромное влияние на все сферы мышления и культуры, в том числе и у тех, кто знаком с этим памятником в переводной версии.

Подводя итог, перечислим еще раз характеристики разума, актуальные для его современного осмысления. Итак, разум:

- взаимодействует с другими познавательными способностями, притом это взаимодействие усиливает его потенциал;
- активен и при этом нуждается в направлении (ограничении пространства размышления), активизируется в диалоге с текстом;
- различными способами соотносит частное с целым, доминирующим как в мире, так и в мышлении;
- обладает способностью находить корреляты, уточняющие смысл изучаемого процесса или предмета;
- позволяет человеку вписаться в динамические процессы бесконечно изменчивого мира и достичь состояния гармонии с ним.

1. Алексеев В. М. Записка о научных трудах и научной деятельности Китаевода Юлиана Константиновича Шуцкого // Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / под ред. А. И. Кобзева. 2-е изд. М., 1993. С. 72–77.

2. Быстрова Т. Ю. Восточные философии как основа экологичного архитектурного мышления: гармония — целостность — здоровье // Акад. вестн. УралНИИпроект. 2008. № 1. С. 60–65.

3. Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Т. 1 : Путь японской культуры, гл. 1. М., 2005. 360 с.

4. Древнекитайская философия : собр. текстов : в 2 т. М., 1972–1973. Т. 1.

5. Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги Перемен». М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://science.rsuh.ru/eremeev/index.htm> (дата обращения: 7.07.2013).

6. И Цзин. Реконструкция. Попытка воссоздания первичных понятий древнекитайского памятника на основе свободных ассоциаций [Электронный ресурс] // Авторская страница Ole Lukoe. URL: <http://www.i-ching.ru> (дата обращения: 6.08.2013).

7. Китайская философия // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.

8. «Книга Перемен». Передача А. Гордона с участием А. Крушинского и П. Кошина [Электронный ресурс] // Intellect-video.com. Видео для умных! URL: <http://www.intellect-video.com/1889/Gordon-Kniga-peremen-online/> (дата обращения: 6.08.2013).

9. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. 432 с.

10. Крушинский А. А. Логика «И Цзина». Дедукция в Древнем Китае. М., 1999. 173 с.

11. Начала философского мышления [Электронный ресурс] // Цифровая б-ка по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000196/st006.shtml> (дата обращения: 3.06.2013).

12. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / отв. ред. М. Я. Корнеев, Е. А. Торчинов. 2-е изд. СПб., 2001. 324 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/heideast/> (дата обращения: 7.06.2013).

13. Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / под ред. А. И. Кобзева. 2-е изд. М., 1993. 384 с.

14. Шуцкий, Юлиан Константинович. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A9%D1%83%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%>

BD%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%D%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 30.05.2013).

15. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. 2-е изд. М., 1987. 527 с.

16. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий / сост. В. Бакусев. М., 1994. 256 с.

17. Jung C. G. Foreword [Electronic resource] // The I Ching or Book of Changes / The R. Wilhelm translation rendered into English by C. F. Baynes. N. Y., 1950. Vol. 1. URL: <http://www.iging.com/intro/foreword.htm> (accessed: 22.04.2013).

Статья поступила в редакцию 20.08.2013 г.

УДК 72.012 + 72.03 + 658.233

М. В. Пучков

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В АРХИТЕКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Статья посвящена проблемам урбанизации и потере уникальности образов архитектурного пространства современных городов. Анализируется урбанизм и процессы возникновения «интернационального» стиля в городской архитектуре в XX в., формулируются принципы архитектурного облика современного «глобального города» и стратегии сохранения культурной идентичности городских поселений в условиях глобализации и растущей конкуренции. Приводятся примеры городов, воплощающих концепции интернационализации архитектурного пространства, и современные технологии поиска уникальных пространственных моделей.

Ключевые слова: городской ландшафт, пространственная среда, архитектурная концепция, устойчивое развитие, глобализация, культурная идентичность.

«XXI век — это время городов», — такие слова прозвучали в 1999 г. в финальной версии решения конгресса Международного союза архитекторов в Пекине. Этот год стал важной вехой пространственного развития современной мировой цивилизации. Согласно подсчетам Союза архитекторов, на рубеже XX и XXI вв. более половины населения Земли проживало на урбанизованных территориях. В будущем эта доля будет только расти за счет продолжающейся «взрывной» урбанизации развивающихся стран.

Переживающая бурные трансформации в крупных урбанизованных образованиях городская материальная культура в настоящее время демонстрирует противоречивые тенденции. С одной стороны, города продолжают оставаться

ПУЧКОВ Максим Викторович — кандидат архитектуры, проректор по научной работе Уральской государственной архитектурно-художественной академии (e-mail: maxroutkov@mail.ru).

© Пучков М. В., 2013

вместилищем коллективного опыта пространственной деятельности и национального художественного, культурного колорита нации. С другой стороны, именно современные быстрорастущие города стали основой уничтожения уникальности национальной художественной культуры, воплощения в архитектуре и городском дизайне интернационального стиля и глобальных мотивов, которые стирают национальные и уникальные материально-пространственные черты в облике городов. Особенно быстро это происходит в развитых и развивающихся странах, где единый стиль жизни горожан отражается в типовой архитектуре (рис. 1).

Юрий Лотман описывал все культурные события, происходящие в мире, в категориях единого «облака семиосферы», для которой пространственный язык архитектуры и дизайна является одним из полноправных культурных языков. Этот язык несет огромный пласт информации, без которого невозможно поддержание «самоидентификации» общества и индивидуума [3]. Согласно такой концепции, архитектурное пространство представляет собой модель вселенной, модель мироздания, фрактальную структуру («матрицу»), пронизывающую все уровни культурного пространства — от целого города до самого малого жилища или храма. Эта «матрица» имеет свои особенности в каждой культуре, при сохранении в то же время архетипических черт [1]. Например, матрицу «идеального города», ориентированного по сторонам света, можно увидеть и в римском лагере, и в Императорском дворце в Пекине, и в планировке городов-заводов XVIII в. в России, в частности в планировке Екатеринбурга (рис. 2).

Городское архитектурное пространство — место пересечения культурных взаимодействий, «мест» и «рассказов (мифов)» в процессе развития поселения (по Х. Мунтаньола) [8]. В истории известны примеры уничтожения культур различных племен европейскими миссионерами «цивилизованным» бескровным путем, а именно путем разрушения структуры их поселения и перемещения всех жителей в дома европейского типа. Уже следующее поколение утрачивает всю

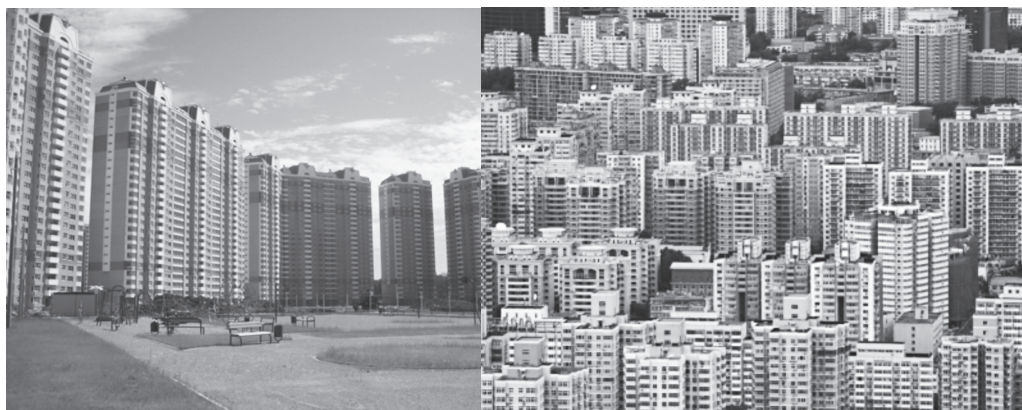

Рис. 1. Интернациональные города Пекин и Москва.

Национальная идентичность в архитектуре жилых комплексов исчезает
(источник: <http://old.domus-finance.ru/realty/6162>, <http://www.inetrest.com/>)

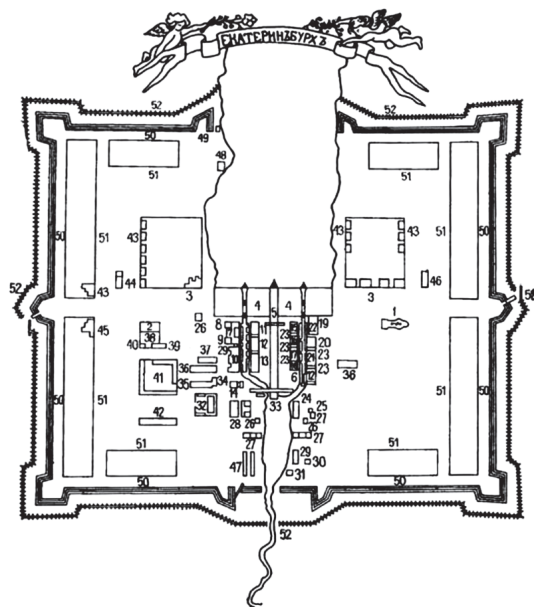

Рис. 2. План Екатеринбург (завода), 1729 г. (источник: <http://ustory.narod.ru/e/e18.html>)

уникальную культуру — живопись, мифологию, — основа которой кроется в образе жизни, сконцентрированном в городской пространственной матрице [1].

Современная цивилизация городов представляет собой арену борьбы «картин мира» в глобальном масштабе. Самой «эффективной» на сегодня является картина мира, созданная в США на основе моделей Западной Европы, но воплощенная в сверхмасштабной гиперурбанизированной и «плотной» среде города-мегаполиса.

Быстрорастущие города в развивающихся странах чаще всего берут за основу модель западноевропейских и американских деловых центров с интенсивным высотным развитием, сочетающих высокую плотность жилых районов с системой многоквартирных комплексов, использующих радиальную или прямоугольную систему улично-дорожной сети, и быстрое развитие малоэтажной застройки в городах-спутниках, и т. д. Эта пространственная модель развития города становится универсальной для многих стран [2].

В чем же опасность такого рода глобальных архитектурных ландшафтов? Эти универсальные города не могут восприниматься «своими» для всех населяющих город культурных идентичностей. Такие города не могут быть «все время живыми» и к тому же, как и все объекты «интернационального архитектурного стиля», не умеют «красиво» стареть (по Г. Ревзину) [4].

В отличие от ландшафта исторических европейских столиц (например, Праги), где наслоения только обогащают пространственный текст, старение объектов в новейших городах, таких как Бразилиа или Гонконг, ведет к утрате исторической ценности пространства для жителей. Оно вычеркивается из культурного общения [7].

Глобализация городской среды всегда идет «параллельно» с «мультинационализацией» современных городов. О какой культурной идентификации и культурных различиях можно говорить, если модель мира останется только одна, воплощенная в «технополисе», который маскируется под «экополис»? Если город пересекает определенный рубеж роста (территориального, политического, достигает рубежа по численности жителей), он становится претендентом на статус «глобального» города, участвующим в потоках и процессах более высокого порядка, чем региональные (рис. 3). К сожалению, для глобального города историческая застройка выступает помехой для развития, и многие исторические кварталы уничтожаются вместе с «населяющим» их национальным колоритом.

Глобальный город чаще всего приобретает следующие морфологические пространственные черты, вне зависимости от своей локализации:

- становится основным объектом миграционного притяжения жителей соседних городов и территорий, что приводит к росту количества жилья, его стандартизации и потере его национальной идентичности;
- в центре города возникает сверхкапитализация территории, что вызывает неадекватно завышенный уровень цен и слишком высокий темп жизни;
- в городском пространстве создается высотный центр, сосредотачивающий деловую активность (совпадающий или не совпадающий с территориальным центром);
- уровень локальных перемещений горожан порождает автомобильные пробки, несмотря на то, что как минимум 20 % территории занимает транспортная инфраструктура;
- основой экономики города становятся сложные услуги: консалтинг, финансы, мультимедиа;
- город транслирует свой «образ» на города-спутники.

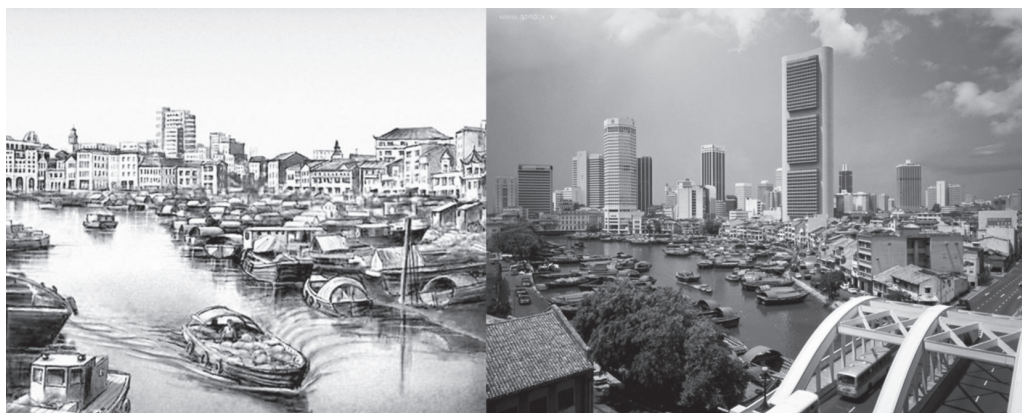

Рис. 3. Сингапур. Быстрое развитие города и превращение его в «глобальный город» произошло на протяжении всего нескольких десятков лет (источник: <http://hallpic.ru/wallpapers/>)

Город становится центром воплощения типовых проектов и так называемых объектов «интернационального стиля» в архитектуре основных комплексов (торгово-развлекательных объектов, административно-деловых сооружений, жилых комплексов).

Истоки интернационального стиля современной архитектуры городов можно найти еще в начале XX в., в эпохе модернизма или конструктивизма, когда отказ от старого художественного-пластического и пространственного языка воспринимался (по крайней мере профессионалами) как нечто новое и современное (рис. 4).

Но по прошествии времени становится понятно, что интернациональная архитектура, очищенная от культурной символики, не всегда в состоянии сделать то, к чему стремится идеальная модель города, а именно создать комфортную среду для проживания горожан. Реминисценции архитектурного постмодернизма на шкале архитектурных парадигм стали только неясными попытками вернуть утерянный символизм в современный город – трогательными и увлекательными, но часто бесперспективными [7].

Практически все глобальные города идут по пути воплощения идеи «интернационального» пространства города как основы своего имиджа. Если мы возьмем Нью-Йорк и Гонконг, то в их отдельных чертах мы найдем больше общего, чем отличий. Париж, например, напротив, после хирургических операций на сред-

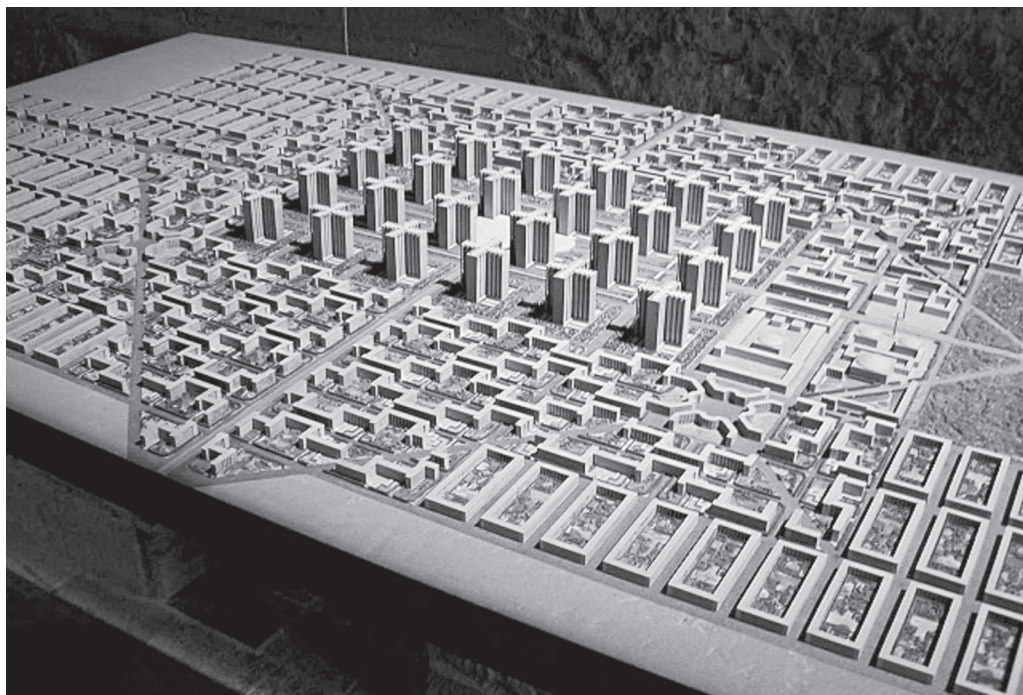

Рис. 4. План Вуазен по реконструкции Парижа, предполагавший глобальный снос или трансформацию квартальной застройки города, арх. Ле Корбюзье, 1925 г. (источник: <http://brkthrough.wordpress.com/>)

невековой ткани, сделанных бароном Османном, законсервировал свой «самый дорогой в мире» на сегодняшний день облик городской ткани (если брать в расчет количество туристов, его посещающих) и сделал из него бренд, который в ближайшее время вряд ли удастся обойти какому-либо из новых городов. И, стоит заметить, это бренд, который со временем только дорожает (неизвестно, был бы Париж центром притяжения туристов, если воплотились бы некоторые концепции модернистов по его реконструкции) [1].

История как элемент городской пространственной культуры стала восприниматься как нечто ценное и нуждающееся в сохранении лишь в относительно недавнее время. Сегодня это то, что обладает не только культурной, но и, как оказалось, вполне материальной ценностью. Главная ценность исторических объектов в их аутентичности. Поддержание национальных и субкультурных пространственных черт городской застройки в целом имеет не меньшую ценность. Почему чашка кофе на площади Сан-Марко в Венеции стоит 20 евро? Потому, что прежде всего надо было построить Венецию и создать моду на кофе, и это заняло не один век (по С. Переслегину) [4].

При создании города на основе «интернационального» пространственного языка мы можем столкнуться в итоге с его парадоксальной пустотой. Это уже происходило в истории урбанизма с некоторыми городами, например с Бразилиа. Поэтому, может быть, «исторические» города Европы и Азии, такие как Париж, Прага или Шанхай, гораздо более похожи на идеальный город будущего, чем новые мегалополисы, такие как Дубай и Гуанчжоу. Быть может, в будущем люди будут ездить в интернациональные города и жить в них по необходимости, а стремиться туда, где остались следы национального колорита, где в архитектурном облике есть отличия и индивидуальность.

В свете критики глобализации в урбанизме и городского развития без учета локальных особенностей территории наиболее логичным выглядит подход, основанный на традиционных для данной территории структурах, но с новыми функциональными возможностями и технологическими улучшениями. Идентичность городского пространства кроется не только в традиционных архитектурных формах, но в геометрических и сомасштабных человеку конфигурациях пространства, в аспектах взаимодействия горожан с этим пространством [9].

Примером такого подхода к созданию пространства современного города может служить город Масдар в Эмиратах, здесь архитекторы опираются на исторические постройки в части материала, цветовых характеристик, декора и конфигураций, призванных бороться с негативным влиянием пустыни, а технологическая начинка его «городских интерьеров» создает необходимый комфорт, невозможный при чисто традиционном подходе, не подкрепленном новыми технологиями (рис. 5).

Новый урбанизм, приверженцами которого стали города-лидеры, трактует городское пространство не как место для проживания населения, основной целью которого является работа на градообразующих предприятиях. Современный город сам по себе является ценностью, и его пространство — основная ценность, незаметный, но влиятельный инструмент воспитания культурного сознания человека [9].

Рис. 5. «Интерьер» улицы города Масдар, арх. «Фостерс и партнеры»
(источник: <http://archiday.com>)

Кроме уникальности пространственных черт, в современных городах существуют такие константы, как соотношение общей площади зданий и площади всего города, площади зданий и площади парков, объем транспортной инфраструктуры.

Немаловажным условием является наличие больших проектов освоения пространства, развитая структура общественного транспорта, баланс зеленых и открытых территорий, а также природных «горизонтов». Город с разнообразным пейзажем, имеющий камерные и открытые пространства, даже в неблагоприятных климатических условиях сможет сохранить уникальный и присущий ему «дух места», что, например, демонстрирует Хельсинки, ставший в 2012 г. «столицей мирового дизайна».

Выводы

Невозможно придумать универсальную формулу современного урбанизма. Что представляет из себя современный город, комфортный для проживания, привлекательный с точки зрения повседневной жизни? Мы всегда можем сказать, нравится нам в городе или нет, нравится там бывать, нравится жить или его улицы вызывают у нас негативные эмоции. Определяется это достаточно легко, но для того, чтобы создать город, привлекательный для жизни, требуются комплексные усилия множества городских служб и горожан, и на протяжении длительного времени.

Город постоянно в процессе своей жизнедеятельности творит собственную мифологию. В истории градостроительства и архитектуры XX в. характер городского пространства кардинально менялся. От классической концепции исторического «города-текста» мы перешли к новому «городу-метатексту» модернистов. Город превратился в набор функциональных объектов и зон. Затем, в конце XX в., в результате развития транспорта и установления новых коммуникационных связей была разрушена структура физического пространства, оно стало «виртуальным», превратив реальный архитектурный ландшафт города в набор узловых «точек-пространств» и связей между ними [5]. Городское пространство стало существовать в глобальной среде, где расстояние до другого континента может быть ближе, чем до соседнего района, «стоящего» в пробках.

Современный город, сохраняющий черты своей культурной идентичности и совмещающий их с передовыми технологиями организации жизни, имеет наибольшие шансы стать привлекательным местом для жизни человека и выигрывать в конкурентной борьбе за лучший контингент горожан.

-
1. *Арихейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М., 1994. 352 с.
 2. *Вайбель П.* Искусство и архитектура в эпоху киберпространства // Худож. журн. 1997. № 16. С. 67–72.
 3. *Лотман Ю.* О семиосфере [Электронный ресурс] // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. Т. 1. URL: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>
 4. *Переслегин С., Переслегина Е., Желтов А., Луковникова Н.* Урал в XXI веке // Форсайт Урала : материалы конф., 2 окт. 2011 г. Екатеринбург, 2011. 50 с.
 5. *Пучков М. В.* Архитектура в эпоху информационных технологий. Екатеринбург, 2006. 118 с.
 6. *Ревзин Г.* Техника и классика: о смысле техногенного образа // Проект РОССИЯ. 1997. № 7. С. 87–91.
 7. *Jenks Ch.* Deconstruction: the pleasure of absence // Architectural design. 1998. Vol. 58 : Deconstruction in architecture, № 3/4. P. 23–30.
 8. *Muntanola J.* Dialogia placeness: architecture, semiotics and social sciences // UIA: Barcelona'96. eds UPC. Barcelona, 1997. 200 p.
 9. *Pellegrino P.* La semiotique generative des espaces urbains // The man and the city: spaces, forms, meanings. Ekaterinburg, 1998. P. 45–57.

Статья поступила в редакцию 25.07.2013 г.

УДК 7.091 + 791:7.094 + 028.1:7.094

Н. А. Симбирцева

ЭКРАНИЗАЦИЯ КАК ВИЗУАЛИЗИРОВАННЫЙ ТЕКСТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Рассматривается экранизация как визуализированный текст литературно-художественного произведения. Обозначаются основные проблемы визуальной культуры современности, связанные с бытованием книги, развитием кино и состоятельностью диалога как формы общения внутри и за пределами текстовой реальности.

Ключевые слова: литературно-художественное произведение, кино, текст культуры, визуализированный текст, экранизация, книга, диалог.

Искусство кино, заявившее о себе как об открытии конца XIX — начала XX в., легко вошло в социальную практику и претерпело множество трансформаций (от движущейся картинки на экране до фильмов в 3D формате и лазерных инсталляций в воздухе). Человек конца XX — начала XXI в. стал не только активным создателем, но и потребителем медийной культуры. Вследствие чего появилось несколько проблем.

Проблема первая: существование книги. Кино, год от года обретая массовую популярность и признательность, вытесняет из повседневной жизни человека практику чтения книги¹. Сегодня человек, читающий книгу, — это нонсенс. Он обращает на себя внимание окружающих тем, что «общается» с книгой *tet-a-tet*. Странность этого действия заключается в том, что гораздо привычнее стали другие каналы общения. Например, книга читается по радио, бытует в Интернете, «оживает» на экране. Получить представление о книге стало возможным, не взаимодействуя с самой книгой. Интерпретация ее смыслового содержания может быть получена в готовом виде благодаря Всемирной паутине: в виде критической статьи или обывательской рецензии, обсуждения в блогах и на форумах, в виде телеверсии или экранизации. Иными словами, сегодня мы все чаще сталкиваемся со своеобразной интерпретацией книжного текста, ведущей к утрате смысловой, а значит, и содержательной стороны первоисточника.

Книга перестает функционировать в той форме, в какой она нам привычна, — в «окрылении слова» и в «упаковке мысли» автора [11, 100]. Она утрачивает и свою коммуникативную функцию — функцию индивидуального об-

* Статья написана в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.740.11.1117.

¹ Под книгой мы понимаем оформленный и изданный в сброшюрованном и переплетенном варианте литературно-художественный текст.

щения, в процессе которого сам человек выстраивает систему диалоговых отношений с автором, героями, эпохой вне зависимости от массовых коммуникационных структур. Общение с книгой по принципу «наедине» требует от читателя-реципиента усилий и духовной работы, так как проникает в интеллектуальное пространство личности. Проблема настолько очевидна, что, казалось бы, и не требует особого внимания. Если бы не влекла за собой череду других проблем...

В современном мире изменилось не только отношение к книге, но и способы общения с ней: она стала звучать в наушниках, стала визуализироваться, приобрела электронный формат. Особое значение имеет сегодня и оформление книги: визуальная обработка книги — форма, дизайн и иллюстрации — ориентирована на читателя, который тонко чувствует гармонию вербальных, тактильных и визуальных составляющих. Поэтому диалог между автором, книгой и читателем можно охарактеризовать как пассивно-созерцательный.

Редкий человек предпочтет экранной версии книги саму книгу: экранизация как визуализированный текст легче воспринимается обществом визуального потребления нежели текст произведения, рассчитанный на пронизательного и вдумчивого читателя.

Экранизация литературно-художественного произведения — это режиссерская версия прочтения, это «экранно-книжное метапространство, где представлено множество коммуникационных диалогических структур. Это новое пространство может расширять возможности человека в плане понимания истинного смысла произведения, если он не ограничивается одним источником, но может и сужать смысловые границы, если он ограничивается готовыми интерпретационными формами» [6, 54–56]. Не каждый зритель готов к активному диалогу, т. е. к критическому восприятию той версии книги, которую предлагает автор фильма.

Проблема вторая: диалог. Современная экранизация учитывает все уровни восприятия, так как получает не только массовое распространение, но и «дешевую» популярность — избавляет от необходимости читать оригинал. Кто-то находит этот способ знакомства с литературой удобным и приемлемым: нет необходимости тратить время на прочтение книги, есть возможность ознакомиться с разными мнениями о фильме как «книге» в Интернете и т. п. Но есть и рефлексивно мыслящий круг людей, своего рода интеллектуальная элита.

Известно, что текст в процессе его экранизации подвергается своеобразному переводу, в результате чего приобретает иную (визуальную) характеристику. Соответственно, и диалог как способ общения произведения со зрителем носит специфический характер. Для того чтобы диалог состоялся, необходимо говорить на одном языке, необходимо понимать *другую* позицию, необходимо находиться в одном смысловом пространстве одновременно с автором произведения, текстом, экранизацией и ее создателем — режиссером. Уровень подготовленности зрителя к такому диалогу может быть различным — от обывательского до профессионального:

— неподготовленный зритель: не читал произведение/произведения автора, положенное в основу экранизации;

— малоподготовленный зритель: читал текст произведения, но не знаком с контекстом и историей его создания;

— подготовленный зритель: читал текст, имеет представление об особенностях его создания и может определить, какое место данное произведение занимает в творческой лаборатории писателя;

— хорошо подготовленный зритель: читал текст, знаком с творчеством писателя, имеет представление об эпохе, в которую произведение было создано, и может выявлять его контекстуальные связи с другими произведениями на уровне сюжетов, мотивов, образов, идей;

— зритель-профессионал: умеет соотносить и анализировать текстовую основу произведения и его визуализированную версию, подготовленный интерпретатор и критик.

Результатом диалога может быть и полное приятие, и разочарование. Иногда вышедший на экраны фильм побуждает к прочтению текста произведения. Порой любопытно посмотреть, что предлагает режиссер в качестве *своего* видения литературной классики.

Вопрос в том, какими критериями должен руководствоваться зритель при просмотре фильма? Как осуществляется его критическая деятельность? Может ли зритель не только установить соответствие фильма тексту-оригиналу, но и проникнуться творческим замыслом самого режиссера? Вопрос не праздный... Визуализированный текст быстрее и эффективнее улавливается сознанием и оседает в нем. Прочтение литературно-художественного произведения требует от читателя времени, усилий и сложной мыслительной деятельности. Проблема в том, что фильм, снятый по произведению писателя, создает *иллюзию* соответствия тексту оригинала и предполагает критическое восприятие и информативную осведомленность зрителя, его эрудицию и знание. Власть визуальной культуры настолько сильна, что человек перестал мыслить рефлексивно.

Еще в статье 1930-х гг. В. Гоффеншефер писал о том, что «кино — самый капризный читатель и самый коварный интерпретатор художественной литературы <...> Ответственность слагается из ответственности творца, по-своему воплощающего литературное произведение в конкретные образы, и из ответственности критика, разъясняющего и интерпретирующего это произведение. Эта ответственность слагается прямо пропорционально и роли кино как одного из наиболее мощных орудий воздействия на человеческое сознание» [5, 159–160]. Статья написана как раз тогда, когда состоялось официальное провозглашение эпохи социалистического реализма — в 1934 г., но не утратила своей актуальности и сегодня. В ту эпоху экранизация выступала как логоцентричный медиум, конструирующий и утверждающий канон тоталитарной культуры, так как стала одним из главных кинематографических жанров сталинской эпохи. На нее были возложены ключевые идеологические функции: власть слова, сценария в сталинскую эпоху была настолько сильна, что привела практически к гибели изображения. Это выразилось в периоде так называемого «малюкартинья» (1946–1953) [подробнее см.: 12]. Свою роль экранизация сыграла: она растиражировала образы, направленные на подъем патриотических чувств («Петр Первый» (1937–1939), реж. В. Петров; «Чапаев» (1934), реж. Г. Н. и С. Д. Васи-

львеы; «Молодая гвардия» (1948), реж. С. А. Герасимов; «Салават Юлаев» (1940), реж. Я. Протазанов и др.). И уровень рефлексивного восприятия не принимался во внимание.

Ю. Шкловский в начале XX в. предполагал два варианта соотношения кино и литературы:

1) литература будет все больше перенимать приемы кино, что отразится в специфическом сюжетопостроении;

2) литература совершенно откажется от сюжета, подобно тому, как с появлением фотографии отказалась от натурализма, и уйдет в свою родную стихию — стихию слова и языка [цит. по: 12].

Прогноз Ю. Шкловского оправдался в том, что экранизация — это жанр, обреченный на неудачу. Экранизация в начале XXI в. стала не способом ведения диалога, а продуктом, учитывающим запросы современного потребителя визуальной культуры, продуктом массового характера, не претендующим на рефлексию масс.

Проблема третья: союз кино и литературы. Результат союза кинематографа и литературы спустя несколько десятилетий стал пищей для ведения споров между критиками о критериях адекватности оригинального (литературно-художественного) текста и его кинематографической интерпретации. Но тем не менее экранизация, какой бы она ни была, «становится свидетельством эпохи, выступая одновременно как произведение индивидуального творца (режиссера), коллективное произведение творческой группы (прежде всего — сценариста, композитора, оператора) и многослойный “слепок” эстетических, этических и социальных воззрений своего времени» [12].

Вне зависимости от того, как точно передано содержание книги и замысел автора, оба произведения (и текст, и фильм) имеют место быть. Они — свидетели времени. Например, С. М. Арутюнян писал о том, что «современная экранизация классического литературного наследия представляет собой специфическую интерпретацию произведения прошлой эпохи с точки зрения современности, вольно или невольно реализуя новые эстетические критерии, идеологемы, современные воззрения на человека и общество и т. д.» [1].

Вопрос: как осуществлен синтез знаковых и смысловых структур в произведениях, относящихся к разным видам искусства? Особенности прочтения экранизации как визуализированного текста связаны с воплощением сюжета в разных так называемых «медиаальных субстратах». В этом случае «нарративы, являясь достаточно независимыми от медиа, способны выявить взаимоотношения медиа, их отличия друг от друга и сходства друг с другом» [16].

Взаимосвязь и порой даже взаимозависимость литературы и кино отмечена в классических трудах по теории кино: «попытки использовать литературу для кино кончились ничем. Вернее, хуже, чем ничем — инсценировками» (В. Шкловский) [18]; «кино может давать аналогию литературного стиля в своем плане» (Ю. Н. Тынянов) [17, 324]; кино развивается в сторону «освобождения» от литературности и поэтому должно опираться на оригинальные сюжеты, так как «принцип искусства сценариста — это непосредственное чувственное восприятие. <...> Развитие этого искусства заключается в том, чтобы извлечь как

можно больше внутреннего и интеллектуального на поверхности формы» (Б. Балаш) [3, 285]; «игра смыслов между оригиналом и фильмом по нему значительно обогащает текст экранизации» и «хорошая экранизация должна суметь воспроизвести суть и буквы, и духа первоисточника» (А. Базен) [2, 122, 137]; «при экранизации неминуемо теряют и литературное произведение, и экран. Уж если решиться на то, чтобы какое-нибудь крупное произведение жило на экране, надо его перевоплотить, иначе оно будет неминуемо хуже» (Г. Козинцев) [10]; «обращение к литературе имеет... первостепенное значение уже непосредственно для искусства кино — развитие и совершенствование его художественного метода и принципов» (Н. С. Горницкая) [4]; «такая форма киноискусства, в которой автор экранизации, не выходя из рамок литературного оригинала, воссоздает его на экране специфическими средствами киноискусства, стремясь как можно глубже и поэтичнее передать пафос оригинала, его художественную сущность» (И. Маневич) [13, 53].

Авторы по-разному мыслят продукт сочетания кино и литературы, но очевиден тот факт, что сочетание обоих видов искусства дает новый результат — экранизацию.

В конце XX — начале XXI в. речь шла о специфике соотношений кино и литературы. К. Ю. Игнатов предлагает поставить знак равенства между экранизацией и литературным текстом: «...оптимальной принято считать такую экранизацию, в которой целью кинематографистов становится создание экранного эквивалента литературного произведения» [7, 3]. Словарь (под ред. С. И. Юткевича) предлагает рассматривать экранизацию произведения как «перевод его на язык кино с сохранением содержания, духа и слова» [9, 510]. В. В. Решетникова определяет экранизацию как художественную интерпретацию литературного произведения, заключающуюся в переводе его на экранный язык посредством создания разнообразных изобразительно-звуковых образов (слово, музыка, шумы в различном сочетании с видеорядом) [14]. Экранизация как самостоятельный жанр игрового кино — это структурно-смысловая модель, в основе которой лежит текст произведения, обрастаемый контекстуальными связями и полями.

Использование литературно-художественного произведения в качестве основы для киносценария, с одной стороны, облегчает задачу режиссера, с другой — выступает в роли гаранта успешности создаваемого кинопродукта. Как пишет М. С. Каган, «распространенная практика инсценирования повестей и экранизации пьес и романов приводит к эстетически полноценным результатам только тогда, когда является не “переводом” с одного художественного языка на другой, а созданием новых и самостоятельных художественных произведений по мотивам оригинала; даже перевод стихотворения с одного национального языка на другой есть, в сущности, создание другого произведения искусства “по мотивам исходного”, ибо художественное содержание стиха неотделимо от звучания воплощающей его национально-своеобразной речи, не говоря уже об особенностях ее ассоциативных смыслов и идиоматики» [8, 51–52].

Методологически интерпретация литературно-художественного произведения и его экранизация как текст культуры состоятельна в том плане, в котором

ее предлагает рассматривать П. Рикёр: «С одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию, какой мы принадлежим. С другой стороны, интерпретация сама совершается во времени, в настоящем, отличном от времени традиции; и то, и другое время принадлежат друг другу, они взаимосвязаны» [15, 19]. И поскольку существует само явление экранизации, которое востребовано современной культурой, то следует признать и необходимость его оценки в средствах массмедиа и профессиональной критикой.

Экранизация становится одним из способов освоения художественной действительности литературного текста. В инструментарий режиссера слово входит несколько в ином значении: это непосредственная физическая реальность — в камеру попадает только то, что сценарист счел нужным упомянуть. Слово как таковое обладает силой описания и создания образа: оно позволяет материализовать метафору в процессе создания кинообраза — закодированный в тексте образ становится визуальным, зримым. Слово — это посредник между реальностью, которую описывает литератор, и воображением и рождающимися ассоциациями (как свободными, так и закрепленными в контексте культуры) читателя. Кино дает возможность создателям экранизации показать то, что требует описания в литературно-художественном произведении, но авторы фильма лишены возможности словесно описывать события голосом «закадрового рассказчика». В то же время создание образа через поступки действующих лиц, их прямую речь, косвенную речь других персонажей и отношение к другим героям доступно как средствам кино, так и литературе. В наше время приоритет остается за визуализированным словом, несмотря на то, что книга является побудителем к творчеству в области танца, музыки, театра и кино...

Техническая сторона кино приобрела статус искусства: владение аппаратурой, монтаж, технология расцветивания черно-белых фильмов, наложение звуков и т. д. отражают профессионализм, мастерство и творческое дарование специалистов этой сферы. Но организатором и творцом процесса и продукта кино съемки является режиссер, в сознании и голове которого складывается свой образ художественной реальности. И его необходимо визуализировать (перевести в экранный формат) в соответствии с замыслом писателя. А это уже совсем другой текст, отличный от оригинального...

1. Арутюнян С. М. Экранизация литературных произведений как специфический тип взаимодействия искусств : дис. ... канд. филос. наук. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/estetika/jekranizacija-literaturnyh-proizvedenij-kak-specificheskij-tip-vzaimodejstviya.html> (дата обращения: 14.03.2013).

2. Базен А. Что такое кино? / пер. В. Божовича и И. Эпштейн. М., 1972.

3. Балаш Б. Кино: становление и сущность нового искусства / пер. с нем. М. П. Брандес. М., 1968.

4. Горнищкая Н. Интерпретация пушкинской прозы в киноискусстве [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is5/is5-278-.htm> (дата обращения: 14.03.2013).

5. Гоффеншефер В. Реставраторство или творчество // Лит. критик (М.). 1934. № 4. С. 159–169.
6. Григорьянц Е. И. Книга в контексте современной культурной коммуникации // Книга: исследования и материалы. Сб. 82. М., 2004. С. 51–59.
7. Игнатов К. Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль (на англоязычном материале) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.
8. Каган М. С. Культура как специфическое системное образование // Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. СПб., 2003.
9. Кино : энцикл. словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. М., 1986.
10. Козинцев Г. «Поднять потолок» : лекция во ВГИКе [Электронный ресурс]. URL: http://www.videoton.ru/Articles/kniazh_potol.html (дата обращения: 14.03.2013).
11. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004.
12. Литературная критика. Репрезентация творчества Александра Грина в СССР [Электронный ресурс] : сайт Феодос. лит.-мемор. музея А. С. Грина. URL: http://grinworld.org/salvatory/salvatory_01_33_2.htm (дата обращения: 14.03.2013).
13. Маневич И. Кино и литература. М., 1966.
14. Решетникова В. В. Телеэкранизация: ключевые аспекты интерпретации литературных произведений : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=1873> (дата обращения: 14.03.2013).
15. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М., 2002.
16. Тимашков А. К истории понятия интермедальности в российской и зарубежной науке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblioteka.vpu.lt/zmogusirzodis/PDF/literaturologija/2007/tim21-26.pdf> (дата обращения: 20.03.2013).
17. Тынянов Ю. Н. О сценарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
18. Шкловский В. Литература и кинематограф [Электронный ресурс]. URL: http://bookatruck.net/book_153_glava_7_Kinematograf.html (дата обращения: 20.03.2013).

Статья поступила в редакцию 22.04.2013 г.

УДК 929:52(73)“19”

А. В. Антошин
В. А. Антошин

СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ В ЭМИГРАЦИИ: ГЕОРГИЙ ГАМОВ — ПРОФЕССОР УНИВЕРСИТЕТА КОЛОРАДО (США)

Статья посвящена эмигрантскому периоду жизни и творчества выдающегося астронома Георгия Антоновича Гамова (1904–1968). На основе материалов архива семьи Гамовых, хранящегося в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США, рассматривается научная и преподавательская деятельность Г. А. Гамова в период работы в Университете Колорадо, его контакты с ведущими советскими и зарубежными физиками.

Ключевые слова: эмиграция из Советского Союза, русские ученые в США, история астрономии.

В истории российской научной эмиграции в США в одном ряду с такими именами, как И. И. Сикорский, В. К. Зворыкин и др., стоит имя Георгия Антоновича Гамова (1904–1968). Выдающийся ученый в области естественных наук, создатель, наряду с Э. Теллером, теории бета-частиц, разработчик теории «красных гигантов», он, бесспорно, вошел в историю мировой физики и астрономии XX в. Г. А. Гамов принадлежал к тем ученым, которые успешно работают в смежных областях, используют методы и знания других наук. Широта его научного таланта поражала воображение современников. Характерно, что Г. А. Гамова — автора оригинальной теории происхождения химических элементов — неоднократно выдвигали на премию Дж. Грэйди, которая является одной из

АНТОШИН Алексей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: alex_antoshin@mail.ru).

АНТОШИН Валерий Алексеевич — кандидат философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург.

© Антошин А. В., Антошин В. А., 2013

наиболее престижных в США наград для ученых в области химии. Среди друзей и коллег Г. Гамова, людей, с которыми он контактировал, — А. Эйнштейн и Н. Бор, П. Капица и Л. Ландау и многие другие крупнейшие ученые. Поэтому не может не вызывать интерес весьма объемный архив Г. Гамова, который хранится в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США. Вместе с присоединенными бумагами второй жены Г. Гамова — Барбары Гамов архив насчитывает несколько тысяч документов. Среди них — большое количество личных писем Георгия и Барбары, многочисленные рукописи научных трудов Г. Гамова, вырезки из газет. Эти материалы позволяют создать целостное представление об одном из ведущих астрономов XX в.

Родившийся в 1904 г. в Одессе, Георгий Гамов состоялся как крупный ученый уже в советскую эпоху. Становление Г. Гамова как одного из наиболее талантливых астрономов своего времени пришлось на переходный период 1920-х гг., когда советские молодые ученые еще достаточно активно стажировались в зарубежных университетах. После защиты в 1928 г. в Ленинградском университете диссертации по физическим наукам Г. А. Гамов также некоторое время работает за границей: в 1928–1929 гг. — в Институте теоретической физики в Копенгагене, в 1929–1930 гг. — в Кембридже (как стипендиат Рокфеллера). После возвращения в Советский Союз он несколько лет преподавал в Ленинградском университете. Однако ужесточение политического режима в СССР, усиление контроля власти над контактами советских ученых с зарубежными коллегами вынудили Г. Гамова в начале 1930-х гг. покинуть Советский Союз.

Г. Гамов занимал особое место среди ученых «русского происхождения», работавших в Америке. В одном из писем он подчеркивал: «Мы никогда не были близки к обычным русским эмигрантам... Только мельком я знал таких людей, как Георгий Кистяковский, позднее Отто Струве и т. п.». Действительно, в хранящемся в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса личном архиве Г. Гамова практически отсутствует его переписка с представителями русской эмиграции в США.

Заметим, что Г. А. Гамов был всегда далек не только от русской эмигрантской, но и от американской политики. Он весьма твердо давал отпор всем попыткам втянуть его в партийную борьбу в США, которые, конечно, особенно усилились после того, как ученый стал широко известен на Западе. Когда в 1959 г. редактор нью-йоркского журнала «Эсквайр» Г. Хэйес обратился к Г. А. Гамову с вопросом, за кого тот будет голосовать на предстоящих выборах Президента США, ученый заметил: «Человеку, который не родился в Америке, практически невозможно различать нюансы между Демократической и Республиканской партиями». При этом еще и пошутил, что это столь же трудно, как конгрессмену рассуждать о предпочтениях между теориями механики. Вежливо отказался Г. А. Гамов и от предложения Дж. Салтонстэлла — одного из руководителей «Комитета искусств, науки и литературы за Кеннеди» выступить в прессе в поддержку кандидатуры Дж. Кеннеди, хотя и заметил в личном письме, что последний нравится ему гораздо больше, чем его противник Никсон [2. Box 3. Folder «Miscellany H.». G. Gamow to H. Hayes. 17.08.1959; Box 6. Folder «Miscellany S.».

G. Gamow to J. Saltonstall. 11.10.1960]. Астроном подчеркнуто был вне политики, занимаясь только научными исследованиями.

В итоге Г. Гамову удалось сделать в США успешную академическую карьеру. Более 20 лет (1934–1956) он являлся профессором физики Университета Джорджа Вашингтона. Последние полтора десятка лет жизни Г. Гамов был профессором физики Университета Колорадо. Этот период наиболее обстоятельно представлен в коллекции Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США. Анализ хранящихся здесь писем Г. Гамова показывает, что ученый контактировал практически со всеми видными физиками и астрономами своего времени. Многолетняя дружба связывала Г. Гамова с семьей Нильса Бора. После смерти великого ученого Г. А. Гамов продолжал переписку с его вдовой, Маргарет Бор, которая отмечала, что русский астроном-эмигрант «всегда был дорогим, верным другом Нильсу». М. Бор высоко оценила одну из наиболее известных книг Г. А. Гамова — «Биографию физики». Среди других выдающихся физиков, с которыми поддерживал регулярные контакты Г. А. Гамов, был и профессор Института Макса Планка В. Гейзенберг. Ученые обменивались новинками научной литературы, обсуждали теоретические проблемы физики.

Наиболее тесными, естественно, были контакты Г. А. Гамова с американскими физиками. Многие годы его связывала дружба с Ральфом Алфером — главой подразделения плазменной и вакуумной физики Общей физической лаборатории корпорации «Дженерал электрик». В архивной коллекции семьи Гамовых хранится их обширная переписка 1940–1960-х гг., насчитывающая несколько десятков писем. Следует отметить, что «Дженерал электрик» — отнюдь не единственная корпорация, проявлявшая интерес к исследованиям Г. А. Гамова. Показательно, что и другие крупнейшие американские компании использовали научные разработки русского физика-эмигранта. Длительное время он сотрудничал с одним из руководителей исследовательской лаборатории корпорации «Дженерал моторс» Р. Херманом. Дружеские отношения были у Г. А. Гамова и с руководством исследовательской лаборатории «Форда», прежде всего с Б. Вейнстоком. Все это свидетельствует о востребованности научных работ Г. А. Гамова, внедрении их результатов в производство. К консультациям Г. А. Гамова прибегали и правительственные учреждения США, в частности, Комиссия по атомной энергии и Исследовательская лаборатория американского флота.

Особую известность Г. А. Гамов приобрел как популяризатор науки. Его книги были интересны не только специалистам, но и массовому читателю. Характерен тот факт, что именно Г. А. Гамов был выбран Энциклопедией Британника в качестве автора популярной статьи об общей теории относительности. Редакция энциклопедии знала, что именно русско-американский физик мог наилучшим образом написать статью на «нетехническом языке, понятном простому читателю» [2. Box 3. Folder «General correspondence with Encyclopedia Britannica». G. Gamow to R. Jang. 03.02.1968]. Не случайно именно к Г. А. Гамову в 1965 г. обратился и комитет, созданный тремя учебными заведениями Северо-Западного Огайо (Северо-Западный университет Огайо, Блуффтон-колледж и Финдли-колледж), с предложением провести серию телевизионных лекций по проблемам происхождения Вселенной. Лекции демонстрировались

в студенческих кампусах и были положительно встречены молодежной аудиторией. Идя в ногу со временем и стремясь к популяризации своих идей, Г. А. Гамов вообще весьма активно использовал новые возможности, которые предоставляло телевидение. Он активно сотрудничал, в частности, с американской кинокомпанией «Фильм дизайнерс инкорпорейтед», которая выпускала документальные фильмы научно-популярного характера. Сохранившаяся в архиве переписка показывает, что русско-американский астроном очень тщательно подходил к работе над картинками, долгое время отбирая каждый кадр для съемок. Он регулярно выступал со статьями по проблемам происхождения Вселенной в американской неспециализированной прессе, прежде всего в газете «Денвер пост», с журналистом которой Ж. Линдбергом его связывала многолетняя дружба [3–6].

Работы Г. А. Гамова действительно находили самый широкий отклик не только в научном сообществе, но и среди массового читателя. Ими восхищался один из величайших писателей-фантастов XX в. Айзек Азимов. Материалы архива русско-американского ученого показывают, что ему нередко писали самые разные люди, на которых произвели впечатление книги Г. А. Гамова. Характерно, например, написанное в 1966 г. письмо британца Дж. Хеннесси: «Я только что полностью прочитал Вашу книгу “Планета под названием Земля”. Эта книга — одна из лучших, которые я читал; ее может понять обычный человек без погружения в сложные формулы». А студент-физик Университета в Орегоне Дж. Портер признавался Г. А. Гамову в 1968 г.: «Я — Ваш фэн. Я прочел множество Ваших книг и нашел, что все они очень увлекательные и ценные» [2. Box 4. Folder «General correspondence with J. Hennessy». J. Hennessy to G. Gamow. 14.02.1966; Box 5. Folder «General correspondence with J. Porter». J. Porter to G. Gamow. 05.04.1968]. При этом он сообщал, что самостоятельно провел ряд опытов, результаты которых оказались для него настолько неожиданными, что он решил написать профессору. Показательно, что маститый ученый подробно ответил на письмо студента, хотя был к тому времени уже болен: ему оставалось жить всего несколько месяцев...

Большим авторитетом пользовался Г. А. Гамов в научном сообществе. Многолетнее сотрудничество связывало его, например, с профессорами Калифорнийского университета Э. Теллером и С. Уламом. Не случайно именно Калифорнийский университет после смерти Г. А. Гамова решил подготовить специальный мемориальный сборник статей, куда вошли работы многолетних соратников русско-американского ученого — Э. Теллера, Р. Алфера и др. Около 20 лет Г. А. Гамов переписывался с профессором Университета Миннесоты Ч. Критчфилдом, который после смерти ученого провел в своем университете специальный научный семинар памяти коллеги. Имя Г. А. Гамова, бесспорно, было хорошо известно и в Европе. Среди тех физиков, кто поддерживал с ним научные контакты, — Х. Бааде и Г. Трэйвинг (ФРГ), С. Блюдман и М. Рудерман (Университет Лондона, Великобритания), профессора Северного института теоретической атомной физики (Копенгаген, Дания) и др. В разработке проблемы квазаров с Г. А. Гамовым активно сотрудничал Б. Ловелл — профессор радиоастрономии и директор экспериментальной станции Университета Ман-

честера (Великобритания). В 1960-е гг. американская и европейская пресса отмечала: Б. Ловелл был единственным западным ученым, совершившим поездку по космическим объектам СССР. В те годы его называли «главным международным экспертом по советско-американскому освоению космоса».

Особенно важно то, что хрущевская оттепель сделала возможным установление научных связей между ученым-эмигрантом и его коллегами из Советского Союза. Одну из первых попыток связаться с советскими учеными, среди которых были и его старые друзья, Г. А. Гамов предпринял в 1957 г., через год после знаменитого XX съезда КПСС, где был разоблачен «культ личности» И. В. Сталина. Через секретаря Американского астрономического общества Хайнека ученый-эмигрант выяснил адрес заместителя председателя Астрономического совета АН СССР Аллы Генриховны Масевич. Именно в эти годы имя Г. А. Гамова было возвращено в отечественную науку, о его научных исследованиях стали писать в СССР. Одним из первых после долгого перерыва упомянул имя Г. А. Гамова Я. Б. Зельдович в лекции, прочитанной на летней астрофизической школе в Тарту (впоследствии этот материал был им переработан в статью, вышедшую в журнале «Успехи физических наук» в 1962 г.). Заметим, что Г. А. Гамов внимательно отслеживал те статьи в «Успехах физических наук», где затрагивались интересующие его проблемы. Обратил он внимание и на статью Я. Б. Зельдовича «Горячая модель Вселенной», опубликованную в этом журнале в 1967 г. Ученому-эмигранту довелось дожить до того момента, когда о его концепциях стали писать в советских изданиях. Исследования Г. А. Гамова и Р. Альфера конца 1940-х — начала 1950-х гг., «горячая модель Вселенной» Гамова были подробно проанализированы Я. Б. Зельдовичем и И. Д. Новиковым в их «Релятивистской астрофизике», вышедшей в свет в 1967 г., за год до смерти Гамова. При этом советские физики отмечали наличие «веских доказательств» в пользу концепции ученого-эмигранта [1, 47].

Новым фактором, позволившим Г. А. Гамову установить контакты с коллегами из Советского Союза, стали научные командировки советских ученых в 1960-е гг. в американские университеты и лаборатории. Так, командировка в 1964 г. в США позволила установить активные контакты с Г. Гамовым научному сотруднику Института биологии и медицинской химии Академии медицинских наук СССР (с 1966 г. — заведующему лабораторией биохимии вирусов Института микробиологии и эпидемиологии АН СССР) И. Баландину. В течение ряда лет они вели переписку, Г. Гамов помогал И. Баландину приобрести в США книги по молекулярной генетике. Советский и американский ученые обменивались и посылками с художественной литературой. Так, по просьбе Г. Гамова Баландин пересылал в США произведения Демьяна Бедного и Козьмы Пруткина, получая от своего заокеанского друга книги популярных американских писателей Дж. Стейнбека и Дж. Сэлинджера. Г. Гамов даже пытался выяснить через И. Баландина возможность издания в СССР своей книги автобиографического характера, на что советский ученый ответил, что эту проблему нужно решать через посольство СССР в США. Материалы данной архивной коллекции не содержат информации о выходе этой книги, тем более что Г. Гамов вообще весьма скептически относился к перспективе издания своих мемуаров.

В одном из писем он отмечал: «Мои издатели очень хотели бы получить мою автобиографию, но я, видимо, никогда ее не напишу, т. к. она будет содержать много “дружеской критики” в адрес Советской России, и я не хочу скрываться...» [2. Box 5. Folder «General correspondence with L. Mitchell». G. Gamow to L. Mitchell. 21.05.1967]. Так что Г. Гамов, очевидно, сам прекрасно понимал, что шансов на издание его книги в Советском Союзе практически нет.

Г. А. Гамов контактировал и с известным московским физиком Я. П. Терлецким, автором книги «Парадоксы теории относительности». Терлецкий помогал Гамову достать копии чертежей полевой картины отражения и преломления, которые были нужны американскому ученому для его научных исследований. При этом советского ученого очень интересовал вопрос, соответствует ли истине полученная им от друзей информация, что его книга «Статистическая физика» издается в США неким «пиратским издательством», в результате чего был приостановлен ее выпуск на английском языке в Великобритании.

В свою очередь, Г. А. Гамов пытался помочь советскому коллеге в организации его поездки в США по приглашению Университета Колорадо. Организация таких поездок сопровождалась многочисленными согласованиями, решением процедурных вопросов, связанных с оформлением документов, что нередко затрудняло научное сотрудничество. В июле 1967 г. Я. П. Терлецкий писал по этому поводу Г. А. Гамову: «О моем приглашении в Колорадо не беспокойтесь. Если бы оно было прислано весной, то я им все равно не смог бы воспользоваться. Однако для того, чтобы поехать к Вам в 1968 г., надо иметь приглашение в 1967 г., т. е. не позже начала декабря 1967 г. В противном случае моя командировка не будет включена в план 1968 г.» [2. Box 6. Folder «General correspondence with Miscellany T.». Я. П. Терлецкий — Г. А. Гамову. 07.07.1967]. Однако в 1968 г. Г. А. Гамов скончался, и встретиться им уже не довелось.

Среди тех советских ученых, которые в середине 1960-х гг. пытались начать переписку с Г. А. Гамовым, был и сотрудник Института теоретической астрономии в Ленинграде В. К. Абалакин. В 1967 г. он написал американскому ученому письмо, полное восхищения от прочитанной им книги Г. А. Гамова «Тридцать лет, которые потрясли физику». Как отмечал советский астроном, в этой книге «наряду с увлекательными эпизодами из жизни творцов современной физики, к числу коих, бесспорно, принадлежите и Вы, сложные вопросы изложены предельно ясно и доходчиво». Американский ученый ответил советскому коллеге, и тот в письме, написанном 1 апреля 1969 г., благодарил Г. А. Гамова за «доброе письмо», не зная, что знаменитого астронома-эмигранта к тому времени уже не было на свете... После смерти Г. А. Гамова советский ученый не забывал о его вдове, Барбаре Гамов, вплоть до начала 1970-х гг. поздравляя ее с различными праздниками (в семейной архивной коллекции Гамовых эти открытки сохранились).

Тем не менее, говоря о научном сотрудничестве Г. А. Гамова с советскими физиками и астрономами в 1960-е гг., нельзя игнорировать тот факт, что его отношение к политическому режиму в СССР и в этот период оставалось кри-

тическим. Ученый-эмигрант по-прежнему полагал, что в Советском Союзе наука находится в тяжелом положении, испытывая давление со стороны руководства страны. Об этом он откровенно писал Л. Бадашу в ноябре 1967 г.: «В 1930-е гг. советская наука была опрокинута вниз советским правительством благодаря философии диамата, эра которой продолжается и сейчас... Кажется, что ситуация сейчас улучшается, но очень медленно...» [2. Box 2. G. Gamow to L. Badash. 06.11.1967].

В Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США хранится еще один любопытный документ. Это — ответы Г. Гамова на анкету, разосланную в 1966 г. ученым разных стран научной комиссией Советского комитета мира (председатель — член-корреспондент АН СССР А. Кузин). В анкете содержался призыв к ученым объединиться для предотвращения ядерной войны, причем в качестве повода для начала глобального конфликта была названа война, которую вели США во Вьетнаме. Вопросы в анкете были даны на английском языке, но Г. Гамов ответил на них на русском. Этот документ интересен тем, что он раскрывает позицию Г. Гамова по ключевым проблемам развития не только науки, но и мировой цивилизации в целом. На вопрос «Могут ли ученые повлиять на общественное мнение по вопросу о возможности термоядерной войны?» астроном прозорливо заметил: «Я думаю, что гораздо важнее убедить в этом политических вождей мощных стран, а не простой народ». Пытаясь объяснить свое видение того, как ученые могут способствовать снижению международной напряженности, Г. А. Гамов указал, что речь может идти о проведении «личной встречи между президентами советской и американской академий наук» с целью выработки резолюции относительно использования ядерной энергии в мирных целях. Эта резолюция, полагал он, должна была быть подписана «равным количеством русских и американских ученых сравнимых академических квалификаций».

Особенно важен ответ, данный Г. Гамовым на один из наиболее принципиальных вопросов анкеты: «Как может развитие науки в Вашей области помочь избежать “гонки вооружений”»? Пытаясь спрогнозировать развитие мировой науки в конце XX — начале XXI в., выдающийся ученый предположил: «Если все деньги и усилия, направленные сейчас на постройку ядерных (так в тексте. — *прим. авт.*) разрушительных снарядов, будут употреблены на развитие термоядерных реакций в дейтерии, очень возможно, что в течение только нескольких лет мы будем иметь источники мирной ядерной энергии, превосходящей в сотни тысяч раз энергию, которую мы получаем тяжелым трудом шахтеров, землеробов, скотоводов и пр.». «Авось кривая вывезет!» — заключил Г. Гамов изложение своей позиции [2. Box 6. Folder «General correspondence with Soviet Peace Committee». 03.05.1966]. Эти ответы Г. Гамова на вопросы анкеты во многом стали «научным завещанием» одного из ярчайших представителей мировой физической науки XX в.

1. Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Релятивистская астрофизика, М., 1967.

2. Library of Congress. Manuscript Division (LoC. MD). George and Barbara Gamow papers.

3. *Lindberg G.* Gamow Voices Dissent on «Quasars» // The Denver Post. 1964. 26 Dec.
4. Force Theory Answers Old // Ibid. 1967. 10 Sept.
5. Pulsar Mystery Lures CU's Gamow to Britain // Ibid. 1968. 2 June.
6. Radio Stars Hotly Debated // Ibid. 1964. 9 Jan.

Статья поступила в редакцию 07.05.2013 г.

ЮБИЛЕИ

ПОРТРЕТ Л. М. МАЙДАНОВОЙ: НЕУМЕСТНЫЕ ШТРИХИ

Предварительные замечания

Возможно, профессор Л. М. Майданова, обучившая секретам критики речи и литературного редактирования множество практикующих журналистов, сочтет этот текст дефектным: и жанровая форма сомнительна, и предмет речи вызывает вопросы¹. Вроде бы предмет этот очевиден: текст посвящен замечательному

¹ *Майданова Л. М.* Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург, 2001.

человеку — выдающемуся ученому-лингвисту и талантливому педагогу, с которым автору этих строк посчастливилось быть знакомым. Однако автор столь активно проявляет себя в тексте, забывая о всяческой скромности, что кажется, будто он тоже полноправный герой повествования. Это ощущение вполне обосновано: мы не ставим целью охарактеризовать предмет настоящего сочинения по-научному отстраненно и объективно, а пытаемся поделиться с читателем тем образом героя, который уже многие годы живет в нашем сознании.

Что ж, пришло время отбросить привычное «мы» и, засучив рукава, взяться за дело.

Сначала было слово...

Я познакомился с ней еще будучи студентом-первокурсником. Это было одно из первых занятий. Русский язык. Нет, она не вела эту пару. Нашим преподавателем была ее ученица, Елена Григорьевна Соболева. Дама, как нам всем тогда казалось, очень суровая. Она нас и познакомила, сказав, что первое и самое важное для начинающих студентов журфака дело — поиск учебника «Практикум по современному русскому языку», автором которого является Людмила Михайловна Майданова². Этот учебник, по словам преподавателя, на ближайшие годы должен был стать нашей настольной книгой, нашей библией, без которой никто из нас далеко не уедет.

Да, сначала она была книгой. Словом. Не связанным с конкретным человеком. И тот, кто так и не смог найти с ней общий язык, действительно не доехал до старших курсов. Вот почему каждый последующий год начинался с похода в библиотеку. Нужно было попасть туда как можно раньше, пока не проснулись еще конкуренты со старших курсов. Пока первокурсники, наученные опытными преподавателями русского, не изъяли из библиотечных фондов все экземпляры «Практикума».

Со временем книжки становились все дряхлее и дряхлее. Их количество уменьшалось. В них появлялись лакуны: страницы, вырванные безответственной рукой в сиюминутном и необдуманном порыве, расходились шпательками на дифзачетах. Аналогичные лакуны, кстати, остались и в сознании тех студентов, что учили язык по истерзанным экземплярам учебника. Добывать «Практикум» становилось все труднее. И был даже один год, когда я остался без нашей главной книги. Поэтому могу точно описать чувства студента в подобной ситуации: растерянность, уныние, испуг.

«Майданник» — так мы называли эту книгу. Было и еще одно название, об авторстве которого можно спорить (причем одним из претендентов на авторство будет ваш покорный слуга), — «Рыжая библия». С библией все ясно. Конкретизатор «рыжая» был мотивирован не вполне ясным цветом обложки, который, кажется, варьировался от желтого и оранжевого до рыжего.

² Майданова Л. М. Практикум по современному русскому языку. Екатеринбург, 1993.

Удивительно, но мы были одним из последних поколений, выращенных на том самом 1993 года издания учебнике в его подлинном, бумажном варианте. Вскоре книга стала настоящей библиографической редкостью. И другим поколениям долгие годы приходилось довольствоваться ее электронной версией.

Кстати, через некоторое время после окончания университета я стал счастливым обладателем личного экземпляра «Практикума». Причем новенького, будто только что вышедшего с типографского станка. Это был подарок от автора. Сегодня, когда в свет вышла обновленная версия учебника³, я все реже достаю с полки его старшего брата. И до сих пор стесняюсь обратиться к Людмиле Михайловне Майдановой с просьбой подписать мне его.

Очная ставка

Настоящее знакомство состоялось много позднее. Очень хорошо помню тот день. Пятый курс. Уже, наверное, после защиты диплома. Кафедра русского языка, которую все нормальные студенты журфака старательно обходили стороной, потому что не было предметов сложнее и преподавателей строже, чем здесь. На кафедре за единственным из сохранившихся старым столом сидела миниатюрная женщина. Седые волосы, массивные старомодные очки — все это выдавало возраст и нежелание делать вид, что никакого возраста нет (эта прямота, как впоследствии оказалось, вообще присуща нашей героини). Тихий голос. Неспешная речь. И самое удивительное — внимание, уважение и даже участие, которых я уж точно не ожидал.

Нашу встречу организовала Татьяна Григорьевна Федотовских — еще одна ее ученица, читавшая нам, пятикурсникам, литературное редактирование и руководившая моим дипломом. Вот этот диплом она и показала профессору Майдановой, объяснив, что автор его не прочь пойти в аспирантуру.

Людмила Михайловна к тому времени уже не преподавала на факультете. Она была профессором-консультантом кафедры русского языка и стилистики. И, конечно же, остается нашим главным консультантом сейчас — только теперь, к несчастью всего факультета, на общественных началах.

Вряд ли тот диплом был столь хорош, чтобы предопределить отношение маститого профессора к выпускнику. Я и до сих пор не понимаю причин ее человеческого и человечного отношения. Человек, который до сих пор был для меня исключительно книгой, разговаривал со мной очень просто. Слушал меня, будто мои мысли могли представлять хоть какой-то интерес. А узнав, что подписан уже приказ министра обороны, в котором сказано «лейтенанта Каблукова Е. В. призвать в ряды Вооруженных сил РФ и предоставить в распоряжение командующего Северокавказским военным округом», Людмила Михайловна и вовсе разгорячилась (движения ее и мимика оживились) и как-то по-матерински сказала: «Вот еще!»

³ *Майданова Л. М.* Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007.

Не знаю, как правильно передать это ощущение. Но за все время нашей пусть и непродолжительной беседы я не заметил, чтобы миниатюрная женщина за почти антикварным столом увеличивалась в размерах от собственной значимости. Она оказалась простым человеком, точнее, человеком, умеющим быть простым.

В тот день я вышел с кафедры аспирантом Людмилы Михайловны Майдановой.

Научный руководитель

Много раз приходилось мне слышать душераздирающие истории про ужасный, выматывающий морально и физически период работы над диссертацией. Были в этих историях и обмороки, и истерики, и килограммы антидепрессантов, съеденных несчастными аспирантами и соискателями. Были и страшилки про монстров научных руководителей.

И столько же раз видел я изумление на лицах тех, кто эти истории рассказывал. Изумление от моей истории.

Работать над диссертацией мне было интересно и комфортно. Временами я, конечно же, занимался самоедством и самобичеванием, но все это было обусловлено собственным ужасным характером. Я не помню ни одной встречи с моим научным руководителем, после которой бы у меня было плохое настроение. Сложно охарактеризовать весь этот долгий процесс, но я постараюсь. Предупрежу лишь: это будут отдельные эпизоды и факты, отражающие обрывочные воспоминания человека, который никогда не вел дневник. Может, это и к лучшему: есть надежда, что изложенная в такой форме информация окажется по зубам и нынешним студентам, на внимание которых я очень надеюсь.

Есть научные руководители, у которых работа с аспирантами и производство кандидатов наук поставлены на поток. В этом, как мне представляется, одна из причин снижения уровня диссертаций, а также дискредитации ученых степеней вместе с их обладателями, сопровождаемой теперь еще и шумной информационной кампанией. Как-то раз, беседуя с Людмилой Михайловной, я узнал, что являюсь то ли пятым, то ли шестым ее аспирантом. Она никогда не гналась за количеством, не пыталась сделать имя, используя главную инновацию Генри Форда.

Людмила Михайловна никогда не навязывала мне ни тему исследования, ни его концепцию. Она всеми силами старалась выявить мои собственные интересы. Отправной точкой стала тема диплома. Так я на долгие годы погрузился в пучины политического дискурса. Вторым шагом стало определение материала исследования. А потом... Нет, блюдечка с золотой каемочкой в этой истории не будет. Концепция работы рождалась очень долго. Как только не подходили мы к материалу до того, как очертания диссертации стали более или менее очевидны. И постоянно я слышал: «Надо идти от материала». Спорить с этой истиной бессмысленно.

Людмила Михайловна спокойно переносила все мои выходки. Когда я не вносил ее исправления в текст. Когда вносил, но до неузнаваемости перераба-

тывал их или, как минимум, переписывал все своими словами. Когда приносил какие-то нелепые идеи и потом тратил на них время, вместо того чтобы заниматься намеченными делами. В общем, работа над диссертацией благодаря научному руководителю превратилась в настоящий творческий процесс. Людмила Михайловна внушила мне, что это моя работа, я ее автор и я отвечаю за результат. Можно было делать шаг влево, шаг вправо. И не один. Расстрела не следовало.

Порой Людмила Михайловна, конечно, торопила меня. Только как-то очень аккуратно и, пожалуй, даже слишком корректно. Ни разу она не повысила голос. Ни разу не показала раздражения из-за моей непунктуальности. Вероятно, поэтому у меня сложилось мнение, что методика Майдановой чем-то похожа на стратегию Кутузова, который совершенно не желал форсировать события и изнурять армию крупными столкновениями с противником. «Сначала надо сдать кандидатские по философии и иностранному, — говорила Людмила Михайловна, — а потом браться за диссертацию». И порой казалось, что события развиваются слишком медленно, что давно уже пришло время дать генеральное сражение. Иначе не успеть. Но это несуетливое движение вперед не превратилось в знаменитое «надо погодить». Генеральное сражение, простите, защита состоялась даже раньше, чем того требуют правила.

Так уж бывает, что преподаватель не утруждает себя чтением всего, что приносят его подопечные. С Людмилой Михайловной все наоборот. Материалом моего исследования были стенограммы пленарных заседаний Госдумы. Каждая стенограмма — это 200–300 тысяч знаков. Читать такое от корки до корки не очень-то приятно. Однако меня до сих пор не покидает ощущение, что мой научный руководитель прочел больше стенограмм, чем я сам.

Как-то раз рано утром Людмила Михайловна сообщила по телефону, что увидела концепцию моей диссертации... во сне. Описала мне ее. Я где-то поддакивал, где-то задавал уточняющие вопросы, но все равно ничего не понял. Уж не знаю, совпал ли результат, представленный на суд диссертационного совета, с тем, что было в том сне.

Мы никогда не работали у Людмилы Михайловны дома. Все консультации велись в университете. Но все же несколько раз я заходил к ней в квартиру. Сейчас, когда я пишу этот текст, в голову приходят строки Брюсова: «А мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и веры, унесем зажженные светлы в катакомбы, в пустыни, в пещеры». Мне кажется, что для моего научного руководителя квартира — это именно пещера, предназначенная для главного таинства — научной и методической работы. Книжки, разложенные стопками везде, где только эти стопки можно представить. Нет там всеми горячо любимого евроремонта, потому что в пещере его и не должно быть. Сразу видно, что хозяин этой квартиры живет не столько в ней, сколько в книгах — чужих и своих.

В ситуации, когда все кому не лень заняты выискиванием плагиата в диссертациях, раскрою крамольную тайну. Нет, не про кандидатскую Бурматова. И не про докторскую Жириновского. Дело в том, что первый абзац моей работы написан не мной. Настоящим автором этих слов является Людмила Михайловна Майданова. Она предложила вставить данный абзац в самое начало

работы. Я, как всегда, спорил. Мол, все это не соответствует моему стилю, да и вообще как-то не очень сочетается с последующим текстом. «Поверьте моему опыту. Добавьте этот абзац. И все будет хорошо», — сказала она⁴.

Помню Людмилу Михайловну на защите. Миниатюрная женщина была там, казалось, еще меньше. Она сидела, низко склоняясь над столом, обтянутым зеленым сукном, и быстро-быстро что-то писала, будто вела стенограмму заседания. Было заметно: она волновалась. Переживала, быть может, больше каждого своего аспиранта. Позднее я был на защите другого ее диссертанта. Все было точно так же.

Университетская кухня

Преподавать я начал, еще обучаясь в аспирантуре. В эту историю, которая продолжается до сих пор, меня втянула все та же Людмила Михайловна. Конечно же, именно она была главным моим консультантом по всем методическим вопросам.

Как-то пришлось в течение одного семестра вести русский язык, курс синтаксиса. «Это, конечно, не ваше. Русский язык вообще не для мужчин: все эти мелочи, запятые, закорючки. Но вы уж потерпите», — говорила Людмила Михайловна, успокаивая меня. А на одной из пар студенты задали вопрос, связанный с интерпретацией того самого легендарного «Практикума». Я, признаюсь, и сам точно не знал, почему, характеризуя предложение, автор учебника в одном месте выделяет два типа коммуникативного намерения говорящего, а в другом — три. Можно было порассуждать на эту тему, но гораздо интереснее было устроить небольшое шоу, которое в отдельном научном исследовании вполне может быть описано как пример театрализации академического дискурса⁵.

— Давайте спросим у автора! — предложил я, доставая телефон. К счастью, Людмила Михайловна взяла трубку.

— Дело в том, Женечка, что запрос тоже предполагает передачу некоторой информации. Информации о том, что у говорящего недостаточно каких-либо данных. Поэтому эти типы интенций можно объединить, — пояснила Людмила Михайловна.

Все это время в аудитории стояла такая тишина, что грех не использовать эпитет «гробовая».

— Вы что серьезно звонили Майдановой? — спросил за всех один негромкий, но явно самый смелый, самый любопытный и самый изумленный голос.

А сколько после этого было вопросов! Кто-то даже проявил изрядную осведомленность, спросив, почему Людмила Михайловна не преподает больше у нас, в то время как в Гуманитарном по-прежнему работает со студентами. Этот воп-

⁴ *Каблуков Е. В.* «Пленарное заседание Государственной думы»: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. С. 6.

⁵ *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования (М.). 2002. № 3. С. 37; *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 62–66.

рос актуален и для меня. Впрочем, теперь его следует скорректировать, ведь вскоре профессор Майданова покинула и Гуманитарный университет. Почему она ушла? Могу поделиться версией ответа. Мне кажется, что ей слишком сложно смотреть на те процессы, которые происходят в современном университете, да и во всей системе российского образования. Борьбаться с этой системой почти невозможно, а молчаливо сносить ее глупость — занятие не для нашего героя, который даже в советские времена умудрялся что-то менять.

Так, много-много лет назад руководство университета решило пересмотреть нормы времени, отводимого для проверки контрольных работ студентов-заочников. Пересмотреть в сторону уменьшения. В то время нашей кафедрой как раз заведовала Людмила Михайловна. И она не смирилась, а каким-то образом заставила ректора — этот пост тогда занимал Паригорий Евстафьевич Суетин — слушать рассказы о том, что такое контрольная работа по русскому, стилистике и литреду для студентов-журналистов и почему эту контрольную нельзя проверить за полчаса. Ректор не просто слушал: он принял приведенные аргументы, а позднее, мотивируя особые условия для нашей кафедры, долго с видом знатока объяснял членам ученого совета, что такое побуквенная проверка. В итоге нормы все же изменили. И времени для проверки стало больше!

Впрочем, годы спустя эти самые нормы в университете поменяли вновь, проигнорировав и действующее законодательство, и здравый смысл. По телефону я рассказал Людмиле Михайловне о робких попытках бороться с этим произволом.

— Удачи в вашей борьбе! — сказала она.

Так закончился наш разговор. Пока не было повода звонить вновь: особых успехов в борьбе мы не достигли. Впрочем, есть гораздо более приятная причина взяться за телефонную трубку — 4 декабря у Людмилы Михайловны юбилей.

Поздравляю Вас, уважаемая Людмила Михайловна! Здоровья и долгих лет!

Ваш Женечка

Вместо заключения

Надеемся, читатель извинит нас за столь вольный и хаотичный стиль. Но как же еще можно было написать о единственном на свете человеке, называющем автора этих строк столь неформальным именем — «Женечка». Уверены, что сочинение это пробудит у всех, кто знает нашего героя, множество эмоций и воспоминаний. Если же вы до сих пор не знакомы (хотя по прочтении данного текста говорить так уже, как минимум, неприлично), осмелимся дать совет: пролистайте книги Людмилы Михайловны⁶. Хотя бы потому, что на них выросли

⁶ См., например: *Майданова Л. М.* Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург, 2001 ; *Она же.* Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987 ; *Она же.* Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007 ; *Она же.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994 ; *Она же.* Средства выразительного письма. Екатеринбург, 2009 ; *Она же.* Структура и композиция газетного текста. Красноярск, 1987 ; *Майданова Л. М., Калганова С. О.* Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург, 2006.

все уральские журналисты. И тогда в вашем сознании тоже будет жить мини-атюрная женщина, написавшая рыжую библию.

Е. В. Каблуков, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» УрФУ

Л. М. МАЙДАНОВА: ЧЕЛОВЕК, УМЕЮЩИЙ ВДОХНОВЛЯТЬ

Он наше утверждение и столп,
он твердый адамант в шатанье общем.

А. Островский

Выражение «столп науки» — вот первое, что приходит в голову, когда я думаю о Людмиле Михайловне Майдановой. Обычные слова уважения и благодарности к ней даже как-то не подходят. Благоговение — да, подойдет. Столп — «выдающийся человек, являющийся надежной опорой чего-нибудь» — это толкование из словаря Д. Н. Ушакова. В более современных словарях слово тоже есть, но толкования уже боятся пафоса, который еще был вполне уместен в первой половине XX в. А в нашем случае высокий пафос важен.

Трудовая жизнь профессора Л. М. Майдановой неразрывно связана с Уральским государственным университетом. Еще будучи студенткой филологического факультета, она выделялась целеустремленностью и преданностью избранной профессии. Ее научные изыскания начинались в фольклорных экспедициях, которыми руководил выдающийся ученый А. К. Матвеев. На долгие годы он стал для Людмилы Михайловны образцом ответственности, принципиальности — Учителем. Важная деталь: когда Л. М. Майданову в 1961 г., после окончания университета, направили работать учителем русского языка и литературы в одну из средних школ Свердловской области, во время своих летних отпусков она по-прежнему отправлялась в экспедиции со студентами-филологами, просто так, по зову сердца.

Неудивительно, что наша героиня через два года после окончания университета вернулась на филологический факультет в качестве аспирантки, а затем стала преподавателем. В 1974 г. она блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему «Номинативные варианты обозначения реалий в русских говорах Среднего Урала». Тема связана с ее первой научной привязанностью — диалектологией. Однако в 1974 г. Людмила Михайловна уже была всецело погружена в другую область лингвистики, так как за четыре года до этого ей предложили стать преподавателем на кафедре русского языка и стилистики факультета журналистики. И она согласилась: если надо, значит, надо. Неизвестно, радовалась ли она этой карьерной перемене: Л. М. Майданова всегда была человеком долга в высочайшей степени, и о чувствах ее известно мало. А факты говорят следующее: она пришла на кафедру в 1971 г. и через несколько лет ее возглавила.

Кафедра русского языка и стилистики для журналистов нелегко выстраивала методики преподавания, соответствующие специфике журналистской профессии. Потребовались годы для того, чтобы доказать: студентам-журналистам необходимо преподавание языка и стиля, радикально отличное от филологических методик. Сведения из истории языка, академический обзор лингвистических теорий потеснились, в курс русского языка были включены обширные сведения о стилистическом использовании его ресурсов, преподавание было переориентировано на приоритетное решение практических задач: анализ лучших образцов современной публицистики, написание собственных текстов с выполнением конкретных грамматических заданий (так, по теме «Односоставные предложения» студенты писали репортаж со всеми видами этих предложений, а по теме «Однородные члены предложения» должны были сочинить зарисовку с подробным описанием портрета героя). Людмила Михайловна принимала самое непосредственное участие в разработке программ учебных дисциплин, писала методические пособия, составляла контрольные работы.

Не будет преувеличением сказать: именно Л. М. Майданова выстроила всю методику преподавания лингвистических курсов для студентов факультета журналистики. Задолго до того, как требование создавать учебно-методические комплексы по каждой дисциплине стало обязательным, возглавляемая Майдановой кафедра имела собственное методическое обеспечение для студентов дневного и заочного отделений по всем курсам. Причем оно регулярно обновлялось. Помню, Людмила Михайловна рассказывала, что когда она пришла на факультет журналистики, студентам-заочникам несколько лет подряд выдавали одни и те же контрольные по русскому языку, и отточенные до совершенства правильные варианты ответов дружно переписывали нерадивые студенты разных курсов. Эта практика была раз и навсегда прекращена: ежегодно все домашние контрольные по русскому языку, стилистике и литературному редактированию составляются заново. Благодаря этому кафедра сохраняет высокий уровень требований и имеет большой фонд практических заданий для работы в аудиториях и дополнительных занятий.

Из учебно-методических пособий, написанных самой Майдановой или под ее руководством, редактированием, постепенно набирался материал и для учебников. В 1986 г. вышли «Очерки по практической стилистике»¹. В это очень емкое учебное пособие Людмила Михайловна вместила теорию всего курса практической стилистики: критику речи, стилистику средств выразительности, стилистику жанров. Книга стала базовым учебником для студентов-журналистов на долгие годы.

В 1993 г. вышел учебник Л. М. Майдановой «Практикум по современному русскому литературному языку»². В нем прекрасно структурированная теория языка иллюстрируется яркими цитатами из русской литературы и публицистики; освещены вопросы стилистического использования языковых ресурсов

¹ Майданова Л. М. Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1986. 184 с.

² Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 1993. 384 с.; 2-е изд. 2007.

всех уровней; в конце учебника основные теоретические сведения оформлены в виде удобных таблиц. Учебник пользуется заслуженной популярностью у студентов.

Необходимым дополнением к «Практикуму» стали изданные в 1999 г. «Комплексные учебные задания по современному русскому литературному языку»³. Методических материалов к курсу на кафедре было много, но Людмиле Михайловне важно было представить собственную новую версию именно комплексных заданий. И странное ощущение: в подобранных отрывках из произведений Михаила Булгакова, Александра Грина, Марины Цветаевой нередко слышатся интонации самой Людмилы Михайловны, кажется, что здесь есть следы и ее «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Отбор текстов для иллюстрирования всегда что-то говорит о составителе таких пособий.

Вероятно, еще одной целью издания комплексных учебных заданий было методическое обеспечение курса русского языка для студентов факультета теле- и радиожурналистики Гуманитарного университета, работу в котором Л. М. Майданова много лет совмещала с основной нагрузкой в УрГУ. Именно Гуманитарный университет издал несколько ее учебных пособий.

Л. М. Майданова всегда стремилась объединять лингвистическую теорию с потребностями журналистской практики, поэтому никогда не прекращала работу над учебниками и учебными пособиями. В 2001 г. вышел учебник «Критика речи и литературное редактирование»⁴. Обобщая актуальный опыт в сфере журналистских жанров, в 2006 г. Людмила Михайловна издает учебное пособие «Практическая стилистика жанров СМИ»⁵. Оригинальное учебное пособие «Средства выразительного письма»⁶, вышедшее в свет в 2009 г., обобщает многолетнюю практику преподавания теории средств выразительности и является уникальным путеводителем по миру выразительных приемов, используемых в художественной литературе. В нем рассматривается выразительный потенциал таких ключевых категорий поэтики, как пространство и время произведения, герой, мотив и др. И описание каждого приема сопровождается уникальными практическими заданиями. Такая книга способна многому научить начинающих творческий путь студентов, не только будущих журналистов, но и писателей. Недаром это учебное пособие было отмечено премией «Учебник года» и грамотой V Международного конкурса «Университетская книга — 2010» в номинации «Лучшее учебное издание по филологическим наукам».

Всего Л. М. Майдановой издано семь учебных и учебно-методических пособий по русскому языку, стилистике и литературному редактированию. Она много работала над переизданиями: так, второе издание «Практикума по со-

³ Майданова Л. М. Комплексные учебные задания по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 1999. 172 с.

⁴ Майданова Л. М. Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург, 2001. 256 с.; 2-е изд. 2011.

⁵ Майданова Л. М., Калганова С. О. Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург, 2006. 336 с.

⁶ Майданова Л. М. Средства выразительного письма. Екатеринбург, 2009. 284 с.

временному русскому языку» было существенно переработано и дополнено.

Будучи заведующей кафедрой, Л. М. Майданова стремилась лично контролировать все существенные стороны ее деятельности, заботливо выращивала новые педагогические кадры. Под ее руководством преподавателями и аспирантами кафедры защищены семь кандидатских диссертаций. Она всегда тщательно работала с аспирантами, со всеми

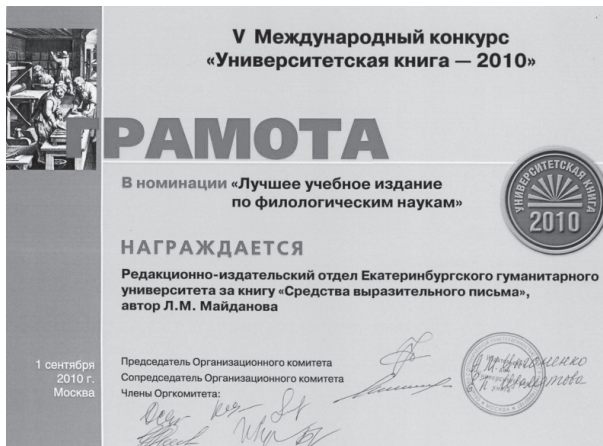
своими учениками, была щедра на идеи, не жалела времени на помощь в редактировании рукописей. Людмила Михайловна — требовательный и временами жесткий руководитель, в любой конкретной ситуации исходящий исключительно из интересов дела, и ни у кого даже мысли не возникало, что она может действовать на основе личных пристрастий или по настроению.

Строгость и требовательность — главные черты и в общении Л. М. Майдановой со студентами, при этом студенты ее всегда любили и ценили ее занятия. Будущие журналисты понимали, насколько востребованы те знания и навыки, которые они получают на занятиях у Людмилы Михайловны.

А еще у Л. М. Майдановой есть редкий дар — вдохновлять на творческую работу, вселять уверенность в себя. За это ей бесконечно благодарны и ученики, и коллеги.

Отметим коротко официальные этапы более чем сорокалетней научно-педагогической карьеры Л. М. Майдановой: в 1977 г. получила звание доцента, в 1988 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Категории текстообразования и композиция газетного текста», через год получила звание профессора. Кафедрой русского языка и стилистики она заведовала по 1994 г., а затем до 2010 г. работала профессором-консультантом, по-прежнему принимая активное участие в жизни кафедры. За заслуги в деле подготовки журналистских кадров Л. М. Майданова награждена почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации, в 2003 г. получила звание «Ветеран труда».

И наконец, надо сказать главное: Людмила Михайловна — крупный, незаурядный ученый. Всегда тесно увязывая научные интересы и интересы возглавляемой ею кафедры, она отказалась от исследований в области диалектологии и обратилась к газетным текстам. Ее докторская монография «Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма» была глубоко новаторской⁷. Автор творчески использовала достижения структурализма,

⁷ Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. Красноярск, 1987. 180 с.

существенно обогатила теорию текста на материале разных жанров газетно-публицистического стиля, разработала теорию организации выразительных средств в журналистском тексте.

За годы работы Л. М. Майдановой были подготовлены в соавторстве три монографии на актуальные темы: «Аргументация в публицистическом тексте», «Речевая агрессия в СМИ», «Слово и ключевые смыслы в тексте». Она опубликовала более 70 научных статей. Значительным трудом, обобщающим опыт журналистики 2000-х гг., стала монография «Текст в идеологическом контексте»⁸.

С именем Л. М. Майдановой связана многолетняя разработка комплексной научной темы кафедры — «Стилистика, структура и композиция текстов СМИ». Важное место в результатах коллективных исследований занимает осуществленный ею и ее аспирантами системный анализ структуры и композиции текстов прессы, телевидения и радио.

Л. М. Майданова в течение многих лет являлась членом ученых советов по защите докторских диссертаций по специальностям «Русский язык» и «Журналистика» при Уральском государственном университете, членом ученого совета по защите докторских диссертаций по специальности «Русский язык» при Уральском государственном педагогическом университете.

Непререкаем авторитет Л. М. Майдановой среди российских ученых-лингвистов. В основном ее знают по работам, так как она не часто ездила на конференции. Ее исследования — всегда новаторские, актуальные, глубоко аргументированные, отличающиеся блестящим стилем — остаются востребованными и спустя годы после публикации.

Сейчас Л. М. Майданова — на заслуженном отдыхе. Эти слова хочется написать с заглавной буквы, потому что ее самоотверженный труд всегда перевешивал отдых. Нам, коллегам, казалось, что она работает едва ли не круглые сутки. Людмила Михайловна рассказывала, как некоторые идеи приходят ей во сне. И нам не верится, что она совсем отошла от дел. Творческая сила ее мысли — разве она может исчезнуть?

В завершение хочется процитировать Александра Блока: «Оттого только, что живут на свете такие люди, жить легче; в них — опора».

*Э. В. Чепкина, доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и стилистики
департамента «Факультет журналистики» УрФУ*

⁸ Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Текст в идеологическом контексте. Екатеринбург, 2011.

SUMMARY

PERIODICAL PRESS AND MASS-MEDIA

- Amirov V. M., Belousov A. A.* Business journalism: social component in the business publication 5
The following article examines the development of business journalism in Russia as a special area. The social component of business mass media is defined.
Key words: business, business journalism, press, edition, magazine, newspaper.
- Bulatova E. V.* Defining key signs of media text 10
The article defines “key signs of text” and offers their classification. A complex case study of journalist publication is introduced. The key signs are being found via experimental psycholinguistic technics, computer-based quantitative technique of defining word’s frequency in a text, and substantial detection technique of key sign in basic elements of semantic structure of a text. The article defines the nature of connection between key and high frequency words in a text.
Key words: key sign, key word, key sense, high frequency words, semantic structure of text.
- Venidiktov S. V.* The reflection of the legal sphere functioning in the broadcasting of the Republic of Belarus 17
The article deals with functional characterization of the Belorussian TV and radio as a factor of audience’s legal socialization. National and regional media potential in the context of the task of common legal awareness and civic morality of audience forming is analyzed. It is shown how the media activity in the legal issues coverage can determine the direction of change in the social and political sphere. Dysfunctional phenomena in the media sphere are defined. Ways to optimize the media in Belarus based on the experience of foreign broadcasters are offered.
Key words: television, radio, the legal sphere, legal awareness, legal culture, agenda, police, image, communication, background information.
- Larionova A. Yu.* Informal communications: terminological variability and occurrence peculiarities 24
The article is devoted to informal communication as a huge and specific part of modern communication field; variability of terminological representations of occurrence and it’s peculiarities.
Key words: informal communication, intercommunication, variability of terminological representations; opposite, singular, playing, expressive character of representations.
- Oltarzhevskyy D. O.* The social role of corporate media 34
In this article corporate media are considered to be a specific tool in social communication and social management. This approach is new and relevant to the modern science. It provides scientific and theoretical basis of corporate media and its relations to key elements of the information

society. The social purpose of corporate media in its various functional forms is comprehensively analyzed for the first time.

Key words: corporate media, corporate press, corporate publishing, social communication, social information, mass media, information society.

Reva E. K. Significant principles of interaction between ethnology, cultural studies and journalism: theoretical aspect 42

Interaction between ethnology, cultural studies and journalism is being analyzed in this article. A new approach to the regulation of international relations and journalism, containing national and cultural components is being introduced. Journalism is also considered to be an important element in building intercultural dialogue.

Key words: ethnology, cultural studies, journalism, national culture, tolerance.

Tikhomirov V. A. The transformation of the media functions in the formation of civil society 49

The change of the media functions in the modern society – transformation from “collective propagandist and agitator” to the creation of the information picture of the day, collective political education and public control over the authorities – is being studied in this article.

Subjective and objective factors, holding this process back, are analyzed. These problems are being discussed in the context of freedom dialectic and responsibility of the media.

Key words: civil society, social control, function of the media, authorities, dialectic of freedom and responsibility.

International theoretical and practical conference “Media In Terms of Information Globalization” (*D. L. Strovsky, O. V. Ilyina*) 56

EDUCATION

Zapary V. V., Barmin A. V. On the experience of teaching history of science and technology in the modern university 63

This paper examines some of the historical aspects of the occurrence of such an academic discipline, as the history of science and technology in a technical college, which organically synthesizes training, methodology, research and educational tasks for training engineers. The article provides analysis of the historical experience of teaching innovation and the discipline – the history of science and technology. Authors show the need for teaching and fruitfulness of this new system of higher vocational education using the example of the largest Federal University in Russia.

Key words: history of science and technology, innovation, humanities, science and technology education, tradition, patriotism, human values.

Korneyeva L. I., Shvetsova S. V. Traditional and new in the teaching method of forming grammatical competence of students-linguists 71

The article deals with the problems of forming grammatical competence in the process of preparation of future translators and interpreters on the basis of communicative and functional approach combining some elements of traditional and alternative methods of foreign language teaching.

Key words: competence, grammatical competence, communicative and functional approach, communicative intention, communicative situation, alternative methods of foreign language teaching.

Matorina O. P., Sokolova O. A. Case study as an effective method of forming the social competence of students in universities of culture and arts 76

The article considers the essence and significance of the formation of the specialist's social competence who are to work in the social and cultural spheres. The efficiency of the method of case study

(the analysis of specific practical situations) is shown, the main point and stages of solution are given proof, the effectiveness of this method in the implementation of competence-based approach in the educational process in universities of Culture and Art is justified.

Key words: social and cultural activities, social competence of specialist of the social and cultural area, professional and pedagogical competence, social and cultural competence, case study.

SOCIOLOGY

- Zborovskiy G. E.* Honoring the old, you get the new, or does the sociologist need to know the history of his science 84
 The necessity of historical and sociological analysis as indispensable component of sociological research and training practices is proved. Two opposite approaches to the classical sociological heritage are introduced.
Key words: history of sociology, the classics of sociology, historical and sociological knowledge.
- Olkhovikov K. M., Olkhovikova S. V.* Actual dynamics of Russian culture in the mirror of mores and myths 90
 Myth in the context of social regulation and cultural identity is analyzed in this article. Most researchers of myth prefer to accentuate out-moral status of myth, however these are social regulators and images which identify human being and culture in the context of actual mythology. In Russia the problem of finding roots for cultural self-identification seems to be a burning issue.
Key words: myth, mythology, customs, culture, cultural dynamics.
- Shuklina E. A.* Secondary vocational education in the field of culture: problem of the quality of educational services 97
 The article dwells upon the problem of studying the quality of educational services of secondary vocational education in the field of culture. On the example of a concrete case study of music and art colleges run by the Ministry of Culture and Tourism of the Sverdlovsk region, the results of the quality monitoring of these public educational institutions are displayed.
Key words: quality of education, educational service, education establishment in the cultural sphere.
- Zaborova E. N., Ozerova M. V.* Educational strategies: approaches to the definition and traditions of research 105
 The article proves the relevance of the concept of «education strategy» in order to study the behavior of social groups in the field of education. Based on the analysis of the General properties of strategic behavior the author's definition of the term is introduced. An overview of the existing traditions of the study of educational strategies is provided. The specifics of the determination of educational strategies of social factors and conditions of the educational environment is described.
Key words: strategy, educational strategies, inequality in education, starting opportunities, educational environment.
- Bagirova A. P.* Motivation of parental labour: experience of sociological judgment 113
 In this article the idea of labour nature of activity dealing with birth and education of children is developed. Results of the theoretical sociological analysis of motivation of parental labour are provided. Requirements and factors influencing formation of parental labour motives are described. The author concludes that disclosure of the mechanism of parental labour motivation is necessary for understanding the opportunities of overcoming of demographic crisis in Russia.
Key words: labour, parental labour, motives, requirements, attitudes, labour motivation on.

PSYCHOLOGY

- Bachinina K. S., Ershova I. A.* Research of the marital satisfaction and value systems among couples married for 5 years or less 120

The article discusses the issues of marital satisfaction and different value systems of marriage partners based on the selection of couples married for 5 years or less. The article analyzes the different levels of marital satisfaction among couples according to the length of marriage. The relationship between levels of marital satisfaction among married couples is set. The article interprets the connections between life values of marriage partners.

Key words: length of marriage, marital satisfaction, marriage type, value bearings, terminal values, instrumental values.

ARTS AND CULTURE STUDIES

- Golynets G. V.* Professional, amateur and naive art: about borders 129

Article is based on research of professional painting, sculpture, graphics and graphic folklore at various stages of history of art. Difference of naive and amateur art is considered in the form of the opposed categories. The author speaks about about convention of borders between professional, amateur and naive art and about difference of naivety (primitive) and primitiveness. Examples from history of domestic and world culture are given. It is emphasized that the designated problem is important not only for the theory, but also for practitioners of art and teachers.

Key words: professional art, amateur art naive art, primitive.

- Bystrova T. Y.* Interpreting the mind in “The book of change” 133

Annotation. “The book of change” (Y-Tzyn, Chzhoy Y) – is an ancient monument of the mind, which in many respects defines the intellectual constructions, system of values, and algorithms of people’s activity in culture of the Far East and Southeast Asia. The article is aimed at defining the mind as man’s cognition in this authoritative text (considering the Russian-language interpretation of Y. K. Shutsky). This aspect, which is not often emphasized by the scholars, strengthens the philosophical and ideological significance of Y-Tzyn and enables to identify a number of aspects in the understanding of the mind by the representatives of cultural cluster of the Far East and Southeast Asia, having the universal meaning.

Key words: “The Book of change”, Chinese philosophy, world outlook of Ancient China, mind, mind opportunities, Y. K. Shutsky.

- Puchkov M. V.* *Globalization* and identity in architecture of contemporary cities 140

The following article is devoted to the problems of urbanization and identity crisis in contemporary architectural space in modern cities. The modern urban planning and urban design with the rising of “international” style in urban architecture are analyzed. Some principle of modern “global” city with several strategies of conservation for the cultural identity in global world are indicated. Some examples of the cities with international urban space and modern technologies of unique space and architectural models are provided. Conclusions are based on the analysis of contemporary urban culture.

Key words: city landscape, environment, architectural concept, sustainable development, globalization, cultural identity.

- Simbirtseva N. A.* Screening as visualized text: towards the problem statement 148

The article deals with the screening as visualized text of literary and art work. The main problems of contemporary visual culture are examined that are connected with the following: existence of the book, functioning and evolution of film products, and dialogue as form of communication inside and outside the limits of text reality.

Key words: literary and art work, cinema, text of culture, visualized text, screening, books, dialogue.

PEOPLE OF SCIENCE

- Antoshin A. V., Antoshin V. A.* George Gamow in emigration (on the base of materials deposited in Manuscript Division at Library of Congress, USA) 155

The article is devoted to the emigrant's period of life and activity of George Gamow (1904–1968). On the base of materials deposited in Manuscript Division at Library of Congress, USA the article tells us about the emigration of Gamow from Soviet Union, his scientific and pedagogical activity, his contacts with leading soviet and foreign physicists.

Key words: Russian emigration, Russian scientists in the USA, history of astronomy.

JUBILEE

- Portrait of L. M. Maidanova: inappropriate touches (*E. V. Kablukov*) 163
- L. M. Maidanova: a person, capable of invigorating (*E. V. Chepkina*) 170

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2013
№ 3 (116)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 9.09.2013. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 14,4. Усл.-печ. л. 14,78. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 2151.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **педагогическим наукам, филологии, психологии, культурологии и социологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 82410;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@usu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (предоставленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://proceedings.usu.ru>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция оставляет за собой право на направление статьи на дополнительное рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

- д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
 - е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);
 - ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;
 - з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).
2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7. 0. 5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.
2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президентна РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).
3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч.: в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.
- ...
9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.
10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906–1907. Т. 1.
11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).
- ...
21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.]

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу.*

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:

ул. Тургенева, 4, отдел допечатной подготовки (для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@usu.ru